

РУССКАЯ
КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
о произведенияхъ
А. С. ПУШКИНА.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-
БИБЛIOГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть третья.

СОБРАЛЬ
В. Зелинскій.

ARMOLINSKAYA ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

ЧУДАЯ

С. ТРЕКА

4625 3384

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

г. ПЕТРОПАВЛОВСК.

1907.

ОГЛАВЛЕНИЕ 3-Й ЧАСТИ

„Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина“

Критика тридцатыхъ годовъ

1830 годъ.

„Евгений Онѣгинъ“.

Критическія статьи:

Изъ „Московскаго Телеграфа“	1
„ „Литературной Газеты“	5
„ „Галатеи“	7
„ „Сѣверной Пчелы“	13
„ „Вѣстника Европы“. Статья Н. Надеждина	19

„Бахчисарайскій Фонтанъ“.

Рецензія изъ „Литературной Газеты“	41
--	----

1831 годъ.

„Борисъ Годуновъ“.

Разборы.

Изъ „Московскаго Телеграфа“	42
„ „Дамскаго Журнала“. Статья К. Шаликова	44
„ „Дамскаго Журнала“. Статья С. Глинки	46
„ „Сѣверной Пчелы“	48
„ „Сына Отечества“. Статья В. Плаксина	—
„ „Телескопа“. Статья Н. Надеждина	83
„ „Сына Отечества“. Статья И. Ср. Камашева	104
„ Отдѣльного изданія	120
„ „Гирлянды“. Замѣтка Г. З—ая	130
„ „Листка“	131
„ „Сѣверной Пчелы“	133

„Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина“.

Рецензіи:

Изъ „Гирлянды“.....	136
„ „Сѣверной Пчелы“.....	—
„ „Московскаго Телеграфа“.....	137

1832 годъ.

„Евгений Онѣгинъ“.....	139
-------------------------------	------------

Рецензіи:

Изъ „Русскаго Инвалида.....	139
„ „Сѣверной Пчелы“. Замѣтка П. С.....	140
„ „Московскаго Телеграфа“.....	141

„Стихотворенія Пушкина“.

Разборы:

Изъ „Телескопа“.....	145
„ „Русскаго Инвалида“.....	161
„ „Сѣверной Пчелы“. Статья Барона Розена.....	162

„Борисъ Годуновъ“.

Статья изъ „Европейца“.....	164
-----------------------------	-----

1833 годъ.

„Евгений Онѣгинъ“.

Рецензія изъ „Московскаго Телеграфа“.....	171
---	-----

„О характерѣ и достоинствѣ Поэзіи А. С. Пушкина“.

Статья Ф. Булгарина. Изъ „Сына Отечества“ и „Сѣвернаго Архива“.....	174
---	-----

Разборъ предыдущей статьи. Изъ „Дамскаго Журнала“.....	185
--	-----

„Борисъ Годуновъ“.

Критическая статья изъ „Московскаго Телеграфа“....	193
--	-----

Указатель именъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ.....	243
---	-----

АКМОДИНСКАЯ

УЧЕБНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ

ХОТЕЛЪ

МЕД.

Шифр.

Г. А. КОЛЛЕКЦИЯ

КРИТИКА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

1830 г.

*) Евгений Онегинъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Спб.
Въ тип. Деп. Народн. Просв. 1830 г., 57 стр. in 12.

*) Стихотворенія А. С. Пушкина въ нашей Литтературѣ можно уподобить сѣверному сіянію среди мрака полярныхъ странъ. Они какъ бы показываютъ, что мы еще не совсѣмъ умерли, не совсѣмъ оледенѣли для поэзіи, въ глубокомъ снѣ поэтическихъ силъ нашихъ, которая растутъ и, можетъ быть, еще съ большою прочностью развиваются для будущихъ поколѣній, покрытыхъ снѣгами и ледяными холмами. Наши, нынѣ мертвые, поля поэзіи воскреснутъ для жаркаго лѣта, или, чего еще усерднѣе желаемъ мы, отойдутъ къ климатамъ болѣе благораствореннымъ, и будутъ въ мірѣ поэзіи представлять то же, что въ политическомъ мірѣ представляетъ нынѣ Британія, нѣкогда бывшая театромъ буйныхъ дикарей, Скотовъ и Бритовъ. Среди нынѣшнихъ нашихъ льдовъ и снѣговъ, или, если угодно, среди нашихъ Скотовъ и Бритовъ, Пушкинъ есть явленіе утѣшительное. Жалѣемъ объ одномъ: зачѣмъ столь блестящее дарование окружено обстоятельствами самыми неблагопріятными? Освободиться отъ нихъ трудно, если не совсѣмъ невозможно. Будь Пушкинъ въ такой Литтературѣ, въ такомъ обществѣ, гдѣ все перечувствовано, все объяснено, все, что обязательства заставляютъ его вносить въ свою поэзію: онъ сталъ бы на весьма высокой

*) „Московскій Телеграфъ“ 1830 г., часть 32.
в. зелинский. русская критика.

степени. Конечно, Байронъ не увлекъ бы за собою вѣка, если бы онъ выражалъ только то, что соотечественникъ его читаетъ въ Шекспирѣ, или чувствуетъ въ Парламентѣ, или презираетъ въ собраніяхъ *фашіонеблей* и на шумныхъ сборищахъ Лондонской черни. Но у насъ все это ново, все это наскъ поражаетъ, какъ поражаютъ дѣтей вседневныя дѣянія людей взрослыхъ. Мы еще дѣти и въ гражданскомъ быту и въ поэтическихъ ощущеніяхъ. Пушкинъ же можетъ освободиться отъ Русскихъ чувствъ при взгляде на жизнь общественную, и потому - то онъ кажется такъ слабъ въ сравненіи съ Байрономъ, изображавшимъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ то же, что представляеть намъ Пушкинъ въ Онѣгинѣ. „Гостиныя, дѣвы и модники, герои деревень, городовъ и баловъ! Какой подвигъ взглянуть на нихъ сарднически!“ Вотъ господствующая мысль въ *Онѣгинѣ*, которую, можетъ быть, и самъ творецъ сего романа худо объясняетъ себѣ, ибо иначе онъ увидѣлъ бы, что тѣсниться вокругъ нея въ семи стихотворныхъ главахъ — утомительно и для него и для читателей. Первая глава Онѣгина и двѣ-три, послѣдовавшія за нею, нравились и плѣнили, какъ превосходный опытъ поэтическаго изображенія общественныхъ причудъ, какъ доказательство, что и нашъ гордый языкъ, наши *Московитскія* куклы могутъ при отзывахъ поэзіи пробуждаться и составлять стройное, гармоническое цѣлое. Но опытъ все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы, и картина все та же. Цѣна новости исчезла—и тотъ же Онѣгинъ нравится уже не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 7-ї главы Онѣгина онъ даже повторяетъ самъ себя. Укажемъ, для примѣра, на описаніе зимы, на измѣнчивость чувствованій, на памятникъ Ленскому, подъ которымъ даже и *лапоть* плететь, можетъ быть, тотъ же мужикъ, который игралъ роль въ 6-й главѣ. Сверхъ того, нельзя указать на рѣшительные повторенія, но перевернутыхъ и вмѣстѣ одинаковыхъ намековъ и мыслей есть довольно.

Высказавъ все злое о 7-й главѣ Онѣгина, мы съ удовольствиемъ замѣтимъ, что прелестъ стиховъ въ оной, во

многихъ мѣстахъ сила мыслей и поэтическія чувствованія показываютъ неизмѣнность дарованія Пушкина. Кто - то сказалъ, что *Евгений Вельскій* есть то же, что *Евгений Онѣгинъ*. Необдуманно сказано! Евгений Вельскій доказываетъ только то, какъ трудно подражать Пушкину: *Вельскій* вздоръ, а *Онѣгинъ* поэзія.— Этого мало: какой-то—видно умный и благонамѣренный человѣкъ!— торжественно возгласилъ, что въ *Телеграфѣ* печатаются пародіи на стихотворенія Пушкина. Не угодно ли г. возглашателю указать хоть на одну пародію? Или не угодно ли ему самому написать пародію, напримѣръ, на Онѣгина? А мы отказываемся отъ этого, ибо до сихъ поръ еще не замѣтили въ Пушкинѣ тѣхъ сторонъ, которыя могли бы отражаться въ зеркаль насыпки. Если въ *Телеграфѣ* и печатаются пародіи, если въ нихъ и узнаютъ своихъ дѣтищъ нѣкоторые поэты, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тамъ же были и пародіи на Пушкина. Для пародіи надобна какая-нибудь странность, нелѣпость, что - либо смѣшное, составляющее главный характеръ пародируемаго автора — тогда его завербуютъ насыпники. А что г. возглашатель находитъ страннаго, нелѣпаго или смѣшнаго въ стихотвореніяхъ Пушкина?

Въ 7-й главѣ *Онѣгина* есть еще одинъ недостатокъ, случайный. Большая часть ея состоитъ уже изъ напечатанныхъ и слѣдственно извѣстныхъ публикъ отрывковъ. Кроме того, что не весело встрѣтить въ новой книжѣ старое, это показываетъ, и показываетъ неоспоримо, что Онѣгинъ есть собраніе отдѣльныхъ, безсвязныхъ замѣтокъ и мыслей о томъ о семъ, вставленныхъ въ одну раму, изъ которыхъ авторъ не составить ничего, имѣющаго свое отдѣльное значеніе. Онѣгинъ будетъ поэтическій Лабрюеръ, рудникъ для эпиграфовъ, а не органическое существо, котораго части взаимно необходимы одна для другой.

Не въ подкрѣпленіе сказаннаго нами, а просто для уображенія читателямъ нашимъ, выписываемъ изъ 7-й главы изображеніе кабинета Онѣгина. Вотъ оно:

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ,

И все ей кажется безцѣннымъ,
 Все душу томную живить
 Полумучительной отрадой:
 И столъ съ померкшою лампадой,
 И груда книгъ, и подъ окномъ
 Кровать, покрытая ковромъ,
 И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
 И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
 И лорда Байрона портретъ,
 И столбикъ съ куклою чугунной,
 Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
 Съ руками сжатыми крестомъ.

Это напоминаніе о Наполеонѣ показываетъ необыкновенное чувство поэтическое. Наполеонъ, какъ оживленный символъ и какъ странное вѣковое проявленіе могущества человѣческаго и вмѣстѣ слабости, оазисъ, окруженный песками современаго ему, долженъ былъ найти мѣстечко въ кабинетѣ Онѣгина, вѣровавшаго въ одно то, что среди людей выходитъ изъ границъ обыкновенныхъ явлений.

И долго плакала она.
 Потомъ за книги принялася;
 Сперва ей было не до нихъ,
 Но показался выборъ ихъ
 Ей страненъ. Чтенью предалася
 Татьяна жадною душой
 И ей открылся міръ иной.
 Хотя мы знаемъ, что Евгений
 Издавна чтенье разлюбилъ,
 Однако жъ нѣсколько твореній
 Онъ изъ опалы исключилъ:
 Пѣвца Манфреда и Жуана,
 Да съ нимъ еще два-три романа,
 Въ которыхъ отразился вѣкъ,
 И современный человѣкъ
 Изображенъ довольно вѣрно...

Замѣтивъ выше сего, что *Русскія чувствованія* Пушкина не досягаютъ высоты Байроновскихъ ощущеній, мы тѣмъ болѣе убѣждаемся, что если бы при своемъ великому искусству писать стихи, и при своемъ поэтическомъ взглядѣ на предметы, нашъ поэтъ перешелъ въ Русскій міръ, углу-

бился въ отечественное, родное ему, то онъ сдѣлался бы высокимъ оригинальнымъ поэтомъ. Залоговъ для исполненія сего у насъ довольно, и для осуществленія нашихъ желаній, для пользы Словесности нашей и для большей славы поэта нужна только одна твердая воля его. Неужели благимъ желаніямъ и искреннему упованію суждено никогда не осуществиться?

Изъ „Моск. Телеграфа“.

* * *

*) Чтение седьмой главы Онѣгина такое же производить надъ нами дѣйствіе, какъ зрелище нѣкогда милыхъ намъ мѣстъ, но уже оставленныхъ тѣми особами, которыя ихъ одушевляли. Прелестъ ихъ не измѣнилась: но мы, разсматривая ихъ, напрасно хотимъ воскресить въ душѣ тѣ чувствованія, которыми наполнялась она въ прежнее время. Авторъ до такой степени совершенства довелъ искусство свое, что читатель, пока еще не успѣетъ замѣтить поэтическаго обмана въ произведеніи, можетъ быть, станетъ мысленно укорять поэта въ недоконченности цѣлой картины. Но это самое впечатлѣніе, это желаніе перемѣны въ чувствованіяхъ и неудовлетворительность надеждъ—есть верхъ искусства художника. Власть его надъ нами столь сильна, что онъ не только вводить насъ въ кругъ изображаемыхъ имъ предметовъ, но изгоняетъ изъ души нашей холодное любопытство, съ которымъ являемся мы на зрелища постороннія, и велитъ участвовать въ дѣйствіи самомъ, какъ будто бы оно касалось до насъ собственно. Всѣмъ известенъ анекдотъ о Королѣ, который бывалъ недоволенъ собою, слушая своего проповѣдника. Онъ можетъ служить объясненіемъ и подтвержденіемъ нашего замѣчанія.

Отъездъ Онѣгина и Ольги, двухъ лицъ, которымъ бы мечтательница наша желала посвятить всю жизнь свою, такую грусть поселилъ въ душѣ Татьяны, что общимъ характеромъ всей седьмой главы стало что-то меланхолическое.

*) „Литературная Газета“ 1830 г., томъ I, № 17.

бился въ отечественное, родное ему, то онъ сдѣлался бы высокимъ оригинальнымъ поэтомъ. Залоговъ для исполненія сего у насъ довольно, и для осуществленія нашихъ желаній, для пользы Словесности нашей и для большей славы поэта нужна только одна твердая воля его. Неужели благимъ желаніямъ и искреннему упованію суждено никогда не осуществиться?

Изъ „Моск. Телеграфа“.

* * *

*) Чтеніе седьмой главы Онъгина такое же производить надъ нами дѣйствіе, какъ зрѣлище нѣкогда милыхъ намъ мѣстъ, но уже оставленныхъ тѣми особами, которыя ихъ одушевляли. Прелестъ ихъ не измѣнилась: но мы, разсматривая ихъ, напрасно хотимъ воскресить въ душѣ тѣ чувствованія, которыми наполнялась она въ прежнее время. Авторъ до такой степени совершенства довелъ искусство свое, что читатель, пока еще не успѣетъ замѣтить поэтическаго обмана въ произведеніи, можетъ быть, станетъ мысленно укорять поэта въ недоконченности цѣлой картины. Но это самое впечатлѣніе, это желаніе перемѣны въ чувствованіяхъ и неудовлетворительность надеждъ — есть верхъ искусства художника. Власть его надъ нами столь сильна, что онъ не только вводить насъ въ кругъ изображаемыхъ имъ предметовъ, но изгоняетъ изъ души нашей холодное любопытство, съ которымъ являемся мы на зрѣлища постороннія, и велить участвовать въ дѣйствіи самомъ, какъ будто бы оно касалось до насъ собственно. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о Королѣ, который бывалъ недоволенъ собою, слушая своего проповѣдника. Онъ можетъ служить объясненіемъ и подтвержденіемъ нашего замѣчанія.

Отъездъ Онъгина и Ольги, двухъ лицъ, которымъ бы мечтательница наша желала посвятить всю жизнь свою, такую грусть поселилъ въ душѣ Татьяны, что общимъ характеромъ всей седьмой главы стало что-то меланхолическое.

*) „Литературная Газета“ 1830 г., томъ I, № 17.

И въ одиночество жестокомъ
 Сильнѣе страсть ея горитъ,
 И обѣ Онѣгинѣ далекомъ
 Ей сердце громче говоритъ.
 Она его не будетъ видѣть:
 Она должна въ немъ ненавидѣть
 Убійцу брата своего;
 Поэтъ погибъ... но ужъ его
 Никто не помнить; ужъ другому
 Его невѣста отдалась.
 Поэта память пронеслась
 Какъ дымъ по небу голубому.

Чувство унынія еще сильнѣе овладѣваетъ душою Татьяны, когда она узнаетъ, что должна сама оставить деревню и на зиму переселиться въ Москву.

Вставая съ первыми лучами,
 Теперь она въ поля спѣшить
 И, умиленными очами
 Ихъ озирая, говоритъ:
 Простите, мирныя долины,
 И вы, знакомыхъ горъ вершины,
 И вы, знакомые лѣса;
 Прости, небесная краса,
 Прости, веселая природа;
 Мѣняю милый, тихій свѣтъ
 На шумъ блестательныхъ суетъ...
 Прости жъ и ты, моя свобода!

Очеркъ Москвы и тамошнихъ увеселеній представляетъ новый образецъ удивительной легкости, съ какою авторъ можетъ переходить отъ предмета къ предмету и, не измѣня одному главному тону, разнообразить свое произведеніе всѣми волшебными звуками. Особенно благородная сатира есть такое орудіе, которымъ онъ дѣйствуетъ съ высочайшимъ достоинствомъ своего искусства. Странность, порокъ, ошибка, слабость, всѣ они замѣчены по-этомъ въ духѣ нашего времени, а частно въ томъ или другомъ лицѣ, такъ что, не оскорбляя ни чьей личности, онъ приносить пользу цѣлому поколѣнію. Но этотъ предметъ одинъ требуетъ разсмотрѣнія самаго обширнаго. Онѣгинъ даетъ къ тому поводъ удобный и примѣръ наставительный.

Изъ „Литературной Газеты“.

* * *

*) Есть пословица: *куй жельзо, пока горячо*; если бы талантливый А. С. Пушкинъ постоянно держался этой пословицы, онъ не такъ бы скоро проигралъ въ мнѣніи читающей публики, и, можетъ быть, еще до сихъ поръ *не спалъ бы съ голосу*. Написавши *Руслана и Людмилу*, прекрасную маленькую поэму, онъ вдругъ вошелъ, какъ говорится, въ славу, которая росла съ каждымъ новымъ произведеніемъ сладко-гласнаго пѣвца до самой Полтавы; съ Полтавою она, не скажемъ, пала, но *осълась*, и съ тѣхъ поръ уже не подымается вверхъ. Что далѣе будетъ, не известно; но послѣднее произведеніе Музы А. С.—*Седьмая глава Евгения Онѣгина*, предвѣщаетъ мало добра. — Если бы зналъ А. С., съ какою горестію произнесли мы этотъ приговоръ!!? Творецъ *Руслана и Людмилы* обѣщалъ такъ много, а исполнилъ?... Онъ еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ; онъ могъ подарить насть произведеніемъ зрѣлымъ, блестательнымъ, и — подарилъ *Седьмую главу Онѣгина*, которая ни содержаніемъ, ни языкомъ не блестательна.

Въ 7-ю главу Онѣгина втиснутъ почти цѣлый годъ романическихъ происшествій, но въ этихъ происшествіяхъ вы почти никакого дѣйствія не найдете. Съ самаго начала описывается весна, и описывается не отлично.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синія блещутъ небеса.
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей.

*) „Галатея“ 1830 г., часть 13, № 14.

Во II и III-мъ стансъ поэтъ говоритъ о себѣ самомъ; такихъ отступлений у него много и въ первыхъ шести главахъ. III-й стансъ ярко бросается въ глаза своею логикою и словесною пестротою, а потому мы и не можемъ не выписать его.

III.

Или не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лъсовъ;
 Или съ природой оживленной
 Сближаемъ думою смущенной
 Мы *увяданье* нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣть?
 Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
 Средь поэтическаго сна,
 Иная старая весна,
 И въ трепетъ сердце *намъ* приводить
 Мечтой о дальней сторонѣ,
 О чудной ночи, о лунѣ...

Далѣе сочинитель Романа приглашаетъ въ деревню на весну добрыхъ лѣнивцевъ, эпикурейцевъ мудрецовъ, равнодушныхъ счастливцевъ, агрономовъ, деревенскихъ Пріамовъ (?), чувствительныхъ дамъ и читателя:

И вы, читатель благосклонный,
 Въ своей колясѣ *выписной* (?),
 Оставьте *градъ неугомонный*,
 Гдѣ веселились вы зимой;
 Съ мою музой *своенравной*
 Пойдемте слушать шумъ дубравный,

туда, гдѣ, еще недавно, жилъ Евгений,

Но гдѣ его теперь ужъ нѣть.
 Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ

Вы думаете, что сочинитель въ самомъ дѣлѣ поведеть васъ прямо въ деревню Онѣгина? извините! *своенравная* Муза его дастъ прежде изрядный крюкъ и поведеть васъ по проселкамъ прежде къ памятнику Ленского, гдѣ

.... Сѣдой и хилой
Пастухъ по прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететъ.

За этимъ вслѣдъ, по Байроновски, поставить:

VII. IX.

X;

потомъ выдастъ Ольгу замужъ за Улана:

Уланъ увлекъ ея вниманье,
Уланъ умѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить,
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою...

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ пѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаючись,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла...

Послѣ этого сочинитель, какъ сами изволите видѣть, на-
мѣренъ занять васъ положеніемъ Татьяны:

Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находить
Она подавленнымъ слезамъ—
И сердце рвется пополамъ.

XIV

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И обѣ Онѣгинѣ далекомъ

(наконецъ, дошло дѣло и до Онѣгина)

Ей сердце громче говоритъ.
Она его *не будетъ* видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть

Убийцу брата своего;
 Поэтъ погибъ... но ужъ его
 Никто не помнить, ужъ другому
 Его невѣста отдалась.

Теперь просимъ покорно впередъ — за Татьяною, или, что все равно, за *своенравною* Музою нашего поэта, въ деревню Онѣгина. Однажды, вечеромъ,

Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ
 Въ свои мечты погружена,
 Татьяна долго шла одна,

и куда бы, вы думали, пришла? въ домъ Онѣгина. Это немного неприлично, но такъ угодно было поэту-живописцу Русскихъ нравовъ.

И входить (Татьяна) на *пустынныи дворѣ*.
 Къ ней, лая, кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
 Ребятъ дворовая семья
 Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
 Взявъ барышню подъ свой покровъ.

Какъ бы то ни было, но *барышня* была въ комнатахъ Онѣгина, все тамъ видѣла, выпросила позволеніе ходить на *пустынныи дворѣ*, на которомъ встрѣтили ее собаки и семья ребятъ, и читать въ бариновомъ кабинетѣ книги.— Эта прогулка продолжалась до самой зимы. Пришла зима, Татьяну привезли въ Москву; а что было съ нею въ Москвѣ—читатели наши сами знаютъ изъ Московскаго Вѣстника и Сѣверной Пчелы. Нужно ли сказывать, какъ бѣдно содержаніе 7-ї главы Онѣгина? Но содержаніе въ сторону; оно почти во всѣхъ произведеніяхъ г-на Пушкина не богато; самый языкъ, на которомъ основана слава пѣвца *Бахчисарайскаго фонтана*, въ Онѣгинѣ, особенно въ разбираемой нами главѣ, не выдержитъ не только строгой, но даже и снисходительной критики; во многихъ стихахъ мы не узнаемъ Пушкина; есть цѣлые тирады, которые не

понравятся любителямъ изящнаго; за образчиками далеко ходить не для чего. Чтобы не упрекнули насъ въ излишней привязчивости и пристрастіи, выписываемъ сряду нѣсколько стиховъ:

*Вотъ, Сиверѣ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завыль—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.*

XXX.

*Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сухахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснуль морозъ; и рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани,
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Омыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшенъ зимній путь.*

XXXI.

Отъѣзда день давно просрочень,
Приходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обить, упроченъ
Забвеною брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кострюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, кльтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы ет сeterа,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ.

XXXII.

*Въ возокъ боярскій ихъ впряженіи, (?)
 Готовятъ завтракъ повара,
 Горой кибитки нагружаютъ,
 Браняются бабы, кучера.
 На клячиѣ тощей и косматой
 Сидитъ форрейторъ бородатый.
 Сбѣжалась челядь у воротъ
 Прощаются съ барами. И вотъ
 Услысь, и возокъ почтенный,
 Скользя, ползетъ за ворота,
 „Простите, миляя мѣста!
 „Прости, пріютъ уединенный!
 „Увижу ль васъ?...“ И слезъ ручей
 У Тани льется изъ очей!*

Стихи, которые сами себя рекомендуютъ съ невыгодной стороны, напечатаны курсивомъ для того, чтобы не утомить читателей нашихъ подробнымъ объясненіемъ, почему именно каждый стихъ не хороши. На счетъ недостатковъ, замѣченныхъ нами въ стихотворномъ языке г-на Пушкина, мы могли бы сказать многое. Такъ, напр., онъ неудачно соединяетъ слова простонародныя съ Славянскими; часто употребляетъ неточные выраженія, неправильные метафоры; многие стихи у него не стихи, но проза, заостренная рифмою, которая часто заставляетъ его повторять одну и ту же мысль;— но боимся оскорбить многочисленныхъ почитателей поэта, любимца публики.

Но неужели во всей VII-й главѣ Онѣгина нѣть ничего хорошаго? скажетъ кто-нибудь. Мы этого не говоримъ: есть мѣста, въ которыхъ видѣнъ еще Пушкинъ, но этихъ мѣстъ очень мало. Болѣе всего понравился намъ станъ:

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
 Красавицъ много на Москвѣ.
 Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
 Луна въ воздушной синевѣ.

Но та, которую не смѣю
 Тревожить лирою своею,
 Какъ величавая луна
 Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна;
 Съ какою гордостью небесной
 Земли қасается она!
 Какъ нѣгой грудь ея полна!
 Какъ томенъ взоръ ея чудесной!..
 Но полно, полно; перестань:
 Ты заплатилъ безумству дань.

Изъ „Галатеи“.

* * *

*) Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной
 Дорога зимняя гладка.

Евг. Онъгинъ, Глава VII, стр. 35.

Въ № 3 „Московскаго Телеграфа“ на сей 1830 годъ (на стр. 356 и 357) объяснено нынѣшнее состояніе общаго мнѣнія въ Литературѣ и, между прочимъ, сказано: „Нынѣ требуютъ отъ писателей не одной подписи знаменитаго имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго“.— Справедливо! медленное, траурное шествіе Литературной Газеты и холодный приемъ, оказанный публикою Поэмѣ *Полтава* (о которой такъ остроумно сказано было въ № 2 Вѣстника Европы на стр. 164) служать яснымъ доказательствомъ, что очарованіе именъ исчезло. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напримѣръ, глава VII Евгения Онъгина? Мы сперва подумали, что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта Глава VII есть произведеніе сочинителя Руслана и Людмилы, пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Эта Глава VII—два маленькие печатные листика,— испещрена такими стихами и балагурствомъ, что въ сравненіи съ ними даже Евгений Вельскій кажется чѣмъ-то похожимъ на дѣло. Ни одной мысли въ этой водянистой VII Главѣ, ни одного

*) „Сѣверная Пчела“ 1830 г., №№ 35 и 39 (Новыя книги).

чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія! Совершенное паденіе, *chute complète*!

И такъ надежды наши исчезли! Мы думали, что Авторъ Руслана и Людмилы, устремился за Кавказъ, чтобы написаться высокими чувствами Поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями, и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великие подвиги Русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на Востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ гений нашихъ Поэтовъ—и мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи появился опять Онѣгинъ, блѣдный, слабый... Сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину!—Читатели наши спросятъ: какое же содержаніе этой VII Главы въ 57 страничекъ? Стихи Онѣгина увлекаютъ насъ и заставляютъ отвѣтить стихами на этотъ вопросъ:

Ну, какъ разсѣять горе Тани?
Вотъ какъ; посадить дѣву въ сани,
И повезутъ изъ милыхъ мѣстъ,
Въ Москву на ярмонку невѣстѣ!
Мать плачетъ, скучаетъ дочка:
Конецъ седьмой главы — и точка!

Точно такъ, любезные читатели, все содержаніе этой главы въ томъ, что Таню везутъ въ Москву изъ деревни! Всѣ вводныя и вставныя части, всѣ постороннія описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобъ можно было *печатать* такія мелочи! Разумѣется, что какъ въ предыдущихъ главахъ, такъ и въ этой, Авторъ часто говоритъ о себѣ, о своей скучѣ, *томленіи*, о своей мертвѣй душѣ, которой все кажется темно и проч. Великій Байронъ ужъ такъ утомилъ насть всѣми этими выходками, что мы сами чувствуемъ невольное *томление*, слыша безпрерывное повтореніе одного и того же. Глава начинается описаніемъ весны (старая пѣсня), которую наслаждаться Поэтъ выкликаетъ изъ города поименно разныя лица. Между прочимъ является новое сословіе. Поэтъ кличетъ:

Вы, школы Левшина птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы!—

Что такое птенцы школы Левшина? Для этого въ концѣ книги находится объясненіе слѣдующаго содержанія: „Левшинъ, Авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной“. Что мы узнали изъ этого объясненія? Левшинъ писалъ и о лошадяхъ, и объ овцахъ, и о курахъ. Не это ли птенцы? Не ихъ ли вызываютъ на пиръ весны? Не догадываемся! А кто таковы деревенскіе Пріамы? гдѣ деревенская Троя? Гдѣ ея Гомеръ? Объясненія нѣтъ — и мы отвѣтить не можемъ. Думаемъ однако жъ, что *Пріамы* находятся въ стихѣ для риѳмы: *дамы*. Далѣе Поэтъ выкликаетъ своего благосклоннаго читателя — оставить городъ *неугомонной*, въ своей коляскѣ *выпинсной*, городъ, гдѣ этотъ читатель, по словамъ Поэта, веселился всю зиму съ Музой *своенравной* пѣвца Онѣгина? Ужъ подлинно своюнравная Муза!

На стр. 13 мы съ величайшимъ наслажденіемъ находимъ двѣ пропущенные, самимъ Авторомъ, строфы, а вмѣсто ихъ двѣ прекрасныя римскія цифры VII и IX. Какъ это пестрить Поэму и заставляетъ читателя мечтать, догадываться *о небываломъ!* Это производить полный драматической эффектъ, и мы благодаримъ за сіе Поэта!

Послѣ двухъ пропущенныхъ строфъ, въ строфи X, васъ увѣдомляютъ, что Олинька, за которую убить Ленскій, вышла замужъ за Улана. Объ немъ никто не грустить, и очень хорошо. Самъ Поэтъ говоритъ:

На что грустить?

Нынѣ грустять *такъ*, изъ ничего, а о смерти друзей не беспокоятся. И дѣльно. Всльдѣ за этимъ описаніе вечера:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Вотъ является новое дѣйствующее лицо на сцену: жукъ! Мы разскажемъ читателю о его подвигахъ, когда дочи-

таемся до этого. Можетъ быть, хоть онъ обнаружить какой-нибудь характеръ.

При тихомъ журчаніи водъ и жужжаніи жука, Таня идетъ въ поле, видитъ передъ собой господскій домъ, и входитъ въ него: это домъ Онѣгина. Ей показываютъ опустѣлые комнаты любовника, гдѣ она находить кій, *отдыхающій* на билліардѣ, манежный хлыстикъ, а въ кабинетѣ портретъ Лорда Байрона (вѣроятно для того, чтобы читатель помнилъ, съ чѣмъ должно сравнивать Онѣгина), чугунную куклу и сочиненія Байрона:

Да съ нимъ еще два-три Романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Стихи эти весьма замѣчательны. Правду сказать, что это весьма жалкое понятіе о современномъ человѣкѣ—но что дѣлать? покоримся судьбѣ!

Таня начинаетъ раздумывать о своемъ любовнику, объ Онѣгинѣ, и хочетъ догадаться, кто онъ таковъ:

Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?
Ужъ не пародія ли онъ?

О томъ, что Онѣгинъ есть неудачное подражаніе Чайльдъ-Гарольду и Донъ-Жуану, давно уже объявлено было въ русскихъ журналахъ

Наконецъ, везутъ Таню въ Москву. Вотъ пітическое описание, *à la* Byron, выѣзда.

Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три қибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кострюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.

Мы никогда не думали, чтобы сіи предметы могли составлять прелестъ поэзіи, и чтобы картина горшковъ и кострюль et cetera была такъ приманчива. Наконецъ поѣхали! Поэтъ увѣдомляетъ читателя, что:

На станціяхъ қлопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ.

Подѣзжаютъ къ Москвѣ.

Тутъ Авторъ забываетъ о Танѣ, и воспоминаетъ о незабвенномъ 1812 годѣ. Вниманіе читателя напрягается; онъ готовъ простить поэту все прежнее пустословіе за нѣсколько высокихъ порывовъ; слушаетъ первый приступъ, когда поэтъ воспоминаетъ, что Москва не пошла на поклонъ къ Наполеону, радуется, намѣревается благодарить Поэта, но вдругъ исчезаетъ очарованье. Одна строфа мелькнула — и опять то же! Читатель ожидаетъ восторга при возврѣніи на Кремль, на древнія главы храмовъ Божіихъ; думаетъ, что ему укажутъ славные памятники сего *Славянскаго Рима* — не тутъ-то было. Вотъ въ какомъ видѣ представляется Москва воображенію нашего Поэта:

Прощай, свидѣтель *падшей* (?) славы, (?????)
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ, вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,

Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины, моды,
Балконы, львы на воротахъ,
И стаи галокъ на крестахъ.

Начинается описание Московской жизни и общества. Здесь поэт взял обильную дань из «Горя от ума», и, просим не прогневаться, из другой известной книги. Из «Горя от ума», являются: архивные юноши, и дранье за уши Хлестовой, тот же французик из Бордо, тот же шпицъ, тот же клуба членъ исправный, тот же глухой князь Тугоуховскій, тот же мужъ, Платонъ Михайловичъ, и, словомъ, многое всего, весьма многое кое-чего въ перифразахъ.

Мы по крайней мѣрѣ надѣялись найти въ Онѣгинѣ тонъ большаго свѣта, о которомъ намъ толкуютъ безпрерывно въ альманачныхъ обозрѣніяхъ Словесности; но что же мы видимъ? Московскія барышни

Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы.

Потомъ:

Взбивають кудри ей по модѣ.

А на балѣ:

Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули.

Въ цѣлой главѣ VII нѣтъ блестящихъ стиховъ, *прежнихъ* стиховъ Автора, исключая двухъ строфъ XXXVI и XXXVII, которые очень хороши. Две строфы въ цѣлой книгѣ! За то стиховъ прозаическихъ и *непонятно-модныхъ* бездна, и всѣ описанія состоятъ только изъ наименованія вещей, изъ которыхъ состоитъ предметъ, безъ всякаго распорядка словъ. Напримѣръ, что значитъ:

Развозять Таню каждый день,
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разспяянную линь.

Развозятъ *разсъянную льнъ!* Что это за стихи:

И близъ него ее замѣтъ,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старицъ.

Мы полагали, что въ описаніи бала Поэтъ возлетитъ во-
ображенiemъ. Но это то же поименование предметовъ безъ
всякаго порядка, какъ въ описаніи Москвы и въ выѣздѣ
Тани изъ деревни.

Ее привозятъ и въ собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ *блистанье* (?!),
Мельканье (?!), *вихорь* быстрыхъ паръ (?!),
Красавицъ легкіе уборы,
Людми пестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ,
Всѣ чувства поражаетъ вдругъ (!!!).
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И *невнимательный* лорнетъ (!?);
Сюда гусары отпускные
Спѣшать явиться, прогремѣть (?),
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

Больно и жалко, но должно сказать правду. Мы видѣли
съ радостью подоблачный полетъ пѣвца Руслана и Люд-
милы, и теперь съ сожалѣніемъ видимъ печальный походъ
его Онѣгина, тихимъ шагомъ, по большой дорогѣ нашей
Словесности!

Изъ „Сѣверной Пчелы“.

* * *

*) Евгений Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Глава VII, сочи-
неніе Александра Пушкина.

— Давно ль
Я, кажется, тебя крестила!—
— А я такъ на руки брала!—
— А я такъ пряникомъ кормила!—
Евг. Онѣг. Гл. VII, с. 45.

*) „Вѣстникъ Европы“ 1830 г., № 7. (Изящныя искусства, науки и
литература). Статья Н. Надеждина.

— „Дома ли хозяинъ?“ — раздался громкій голосъ въ предѣніи мирной моей каморки: тогда какъ я, усѣвшиесь подъ окномъ послѣ обѣда, въ блаженномъ бездѣйствіи любовался золотымъ сіяніемъ солнца, разыгравшагося на изнывающемъ черепѣ *Патріаршаго пруда*, съ длиннаго зимняго просонья.—„Дома ли хозяинъ?“ — повторилось снова: и—проказница дверь моя, имѣющая похвальное обыкновеніе отсырѣвать всегда къ веснѣ, отозвалась однимъ глухимъ шумомъ на мощный ударъ, данный ей, вѣроятно, ногою назойливаго пришельца.

— Сейчасъ! сейчасъ! — отвѣчалъ я, приподнимаясь. Но едва только успѣлъ встать, какъ неравное бореніе между лицемъ и вецию кончилось—романтически. Веци уступила лицу: дверь отпахнулась И—глазамъ моимъ представился незванный и нежданый гость—залетная птаха... *Глинскій*.

— „Mille diables“! — вскричалъ онъ, свергая съ раменъ огрязненный плащъ свой. — „До тебя, не изломавъ ноги, не доберешься!“

— Mille pardons! — отвѣчалъ я, улыбаясь — Давай-ко руку! Ноги изломать у меня не обо что: но—да позволено будетъ употребить парадіальный тонъ вашего околодка—но преткнуться можно и не обѣ одно гробище романтическаго суесловія!

— „Будь проклято ето гробище!“—возразилъ еще громче *Глинскій*.

— „Будь проклято оно и съ тобою, нечестивый гробокопатель!“

— Я. Со мною... Что ты, любезнѣйшій. Что съ тобой?.. Да ты вѣрно прямо теперь—изъ Конторы Московскаго Телеграфа!.. Сядь-ко лучше и преткни хульныя уста свои етимъ чубукомъ, къ которому только что придѣланъ новый мундштукъ. Авось-либо гнѣвъ твой развѣется съ табачнымъ дымомъ!—*Глин.* (*съвии и затянувшись*).—Нѣть—не развѣется!.. ты не отдаешься отъ меня такъ дешево!.. Скажи — удовольствовалось ли твоє ретивое? Напраздновался ли ты досыта?.. (*выпуская облако дыма съ жалкою грифасою*). Исполненіе желаній... поздравляю... Я. Да объяснись, дражайшій! Что ето значитъ? Ты паѳетизируешь

не на шутку... О чём дѣло?.. — *Тлин*. Какъ будто не знаешь, притворщикъ?.. (вынимая изъ бокового кармана листъ измятой печатной бумаги и бросая передо мною на столъ). А ето что? А?.. Я (подымая и развертывая). Ето?.. Да ето моя дорогая кумушка — *Съверная Пчелка!*.. Что-жъ тутъ такое?.. Ужъ не измѣна ли *Телеграфу?*.. Такъ и ето — право — не слишкомъ большая диковина!.. — *Тлин*. Не умничай, а читай — ниже... ниже... Рубрика: *Новыя книги...* Я. Вижу! *Новыя книги...* Что-жъ тутъ новаго?.. *Евгений Оньгинъ, романъ въ стихахъ. Глава VII. Сочиненіе А. Пушкина* *). Браво! поздравляю... Давно бы пора!.. (*Складывая листокъ*). Ну, такъ что же!.. Чай — это одинъ пушечный выстрѣлъ и торжественная пѣснь съ многократнымъ виватъ!..

Тлин. Такъ ты дѣйствительно ничего еще не знаешь!.. Читай же далѣе — и... (пускаетъ новое облако дыма)... Я. (развертывая опять и продолжая):

*Какъ стихъ безъ мысли въ пѣсни модной,
Дорога зимняя гладка..*

Евг. Оньг. Гл. VII, с. 35.

Ба! какой епіграфъ-то! Да еще и изъ самаго *Оньгина!*.. — *Тлин*. (жалобно). Читай далѣе... Я (продолжая). „Въ № 3 Московскаго Телеграфа на сей 1830 годъ объяснено нынѣшнее состояніе общаго мнѣнія въ Литературѣ и, между прочимъ, сказано: „нынѣ требуютъ отъ писателей не одной подписи знаменитаго имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго“. Справедливо!.. Ай! ай!.. ай!.. что такое... что за чудо!.. — *Тлин*. Читай далѣе! Я. „Медленное, траурное шествіе Литературной Газеты и холодный приемъ, оказанный публикою поемъ *Полтава* (о которой такъ остроумно сказано было въ № 2 Вѣстника Европы)...“ Праведное небо! *Вѣстника Европы!*.. Да полно — *Пчела* ли ужъ ето?.. Такъ — она!.. „такъ остроумно

*) „Сѣв. Пч.“ № 35.

сказано было въ № 2 Вѣстника Европы служить яснымъ доказательствомъ, что очарованіе именъ исчезло.. “ Ну!!! — *Глын.* (возвышеная голосъ) Да читай далѣе!.. Я „И въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напримѣръ, Глава VII Евгенія Онѣгина? Мы сперва подумали, что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта Глава VII есть произведеніе Сочинителя Руслана и Людмилы, пока книгопродавцы нась не убѣдили въ етомъ. Ета Глава VII—два маленькие печатные листка—испещрена такими стихами и балагурствомъ, что въ сравненіи съ ними даже Евгеній Вельскій кажется чѣмъ-то похожимъ на дѣло. Ни одной мысли въ этой водянистой VII Главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія! Совершенное паденіе, *chute complète!*“ И порусски и пофранцузски!.. Ну!!! — *Глын.* (*Удаливъ по столу кулакомъ съ яростью*). А! что ты на ето скажешь?.. Я. Что я скажу на ето?.. Говорить нечего! Само дѣло говорить за себя весьма ясно... — *Глын.* Такъ! Я ето зналъ напередъ. Тебя ето должно было обрадовать... Я. Какъ оправданіе моихъ предчувствій и предсказаній—конечно...

Глын. И ты нисколько не трогаешься?.. Я. Боже мой! Да чѣмъ тутъ трогаться! Я зналъ давно, что етому когда нибудь... а надо будетъ случиться!.. Раненько правда немножко: ну—да нынѣ вѣкъ такой!.. Шагаетъ исполински: совѣсть и правду хвостомъ застилаетъ, мелкія приличія—перепрыгиваетъ... — *Глын.* Но—валявшись прежде у ногъ *Пушкина*... не умѣвшіи бывало налюбоваться малѣйшею его строчки... разсыпавшись всевозможными похвалами и ласкательствами цѣлые шесть разъ сряду для *шести* первыхъ главъ *Онѣгина*... Я. При седьмой почить отъ трудовъ своихъ и запѣть другимъ голосомъ—ето тебѣ кажется удивительнымъ!.. Вотъ что право забавно!.. Да *Історія Государства Россійскаго* — сей великій трудъ, слава, честь и украшеніе Россіи—не шесть, а одиннадцать *) разъ была

*) Не тысячу ли одиннадцать? *Пр. Пост.*

предметомъ слѣпаго, безотчетнаго благоговѣнія; и въ двѣнадцатый—должна была сдѣлаться цѣллю неистового остервененія, замыслившаго воздвигнуть на ея развалинахъ... мерзость запустѣнія!... Великое дѣло — VII Глава Онѣгина?... Ей бы должно было еще гордиться приглашеніемъ испытать судьбу творенія—бессмертнаго, великаго.. пускай она ее вынесетъ!.. — Тльн. И отъ кого же? Я. Стало быть — ругательства *Московскаго Телеграфа* тебѣ кажутся почетнѣе ругательствъ *Сѣверной Пчелы!*.. Погоди немножко! Дойдетъ чередъ и до нихъ . Флюгеръ етой каланчи уже передуло. Мы хотя люди и темные: но понимаемъ довольно ясно, кто въ *Телеграфскомъ* райкѣ освистывается подъ именемъ *Пустоцвѣтова*, изъ поемы коего, именуемой яко бы: *Курбскій*—предложены были намъ такіе занимательные отрывки!.. Это достойная награда тому, который, бывало безотговорочно и безостановочно, ставилъ на заказъ привѣтныя словечки для друзей и остренькия пикульки для непріятелей всего *Телеграфскаго* околодка!.. Зрѣлище конечно поучительное и назидательное! *Sic transit gloria mundi!*... — Тльн. Провались ты съ своей проклятої Латынью! Это ты—всему злу причиню! Отъ тебя сырь боры загорѣлися!.. Я. Отъ меня!.. Извини, любезнѣйшій!.. По крайней мѣрѣ я и не думалъ зажигать ихъ... Чего доброго можно ожидать отъ етого пожара, кромѣ курнаго дыма, который выѣсть всѣмъ глаза, и черной смолы, которая ко всему прилипать и все марать станетъ... Я дожидался напротивъ спокойно, пока они сами собой посохнутъ и переведутся...

Тльн. И однако—не изъ твоего ли арсенала взято оружіе, коимъ измѣнническая рука замышляетъ поразить Онѣгина? Дай мнѣ сюда листокъ! — „И такъ надежды наши исчезли! мы думали, что Авторъ Руслана и Людмилы устремился за Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами Поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великие подвиги Русскихъ современныхъ героевъ Мы думали, что великие события на Востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ геній нашихъ

Поетовъ — и мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей Поэзіи появился опять Онѣгинъ, блѣдный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на ету безцвѣтную картину!... “—Чьи ето мысли? Чей языкъ—*traître qui tu es?*...

Я отъ мыслей не смѣю отказываться: въ языкѣ — уже не вступаюсь! Признаюсь однако искренно, что мнѣ не хотѣлось бы слышать повтореніе ихъ тамъ, гдѣ самая чистая истина тратить свою цѣну. Такъ—можеть быть и правда, что VII Глава Онѣгина хуже шести прочихъ. Талантъ — особенно не закупоренный печатью истиннаго образованія—скоро очень выыхается. Но — я весьма сомнѣваюсь, чтобы въ сравненіи съ нею „Евгений Вельскій казался чѣмъ-то похожимъ на дѣло“. Статья можетъ, что въ ней нѣтъ „ни одной свѣтлой и глубокой мысли, ни одного теплаго и благовоннаго чувствованія: но—чтобы не было — ни одной картины, достойной воззрѣнія...“ Это для меня непостижимо! Правда — я не понимаю еще порядочно, что такое значитъ: картина, достойная воззрѣнія. По нашему простому понятію, воззрѣніе есть такое дѣйствіе зрительнаго нерва, коимъ совѣстно скупиться даже—для лубочной картишки. Да и давно ли Сверная Пчела стала дорожить своими воззрѣніями. Съ какимъ рабскимъ подобострастіемъ взирала она еще недавно на самую ничтожную блестку, кинутую Пушкинымъ въ Радугу? Не мерещилось ли ей что она-то одна и составляетъ всю поетическую лучезарность сего мглистаго метеора?... А теперь!... изъ того же дупла—о тѣхъ же вещахъ и какія вѣсти!... Правда — повторяю опять — можетъ быть VII Глава слишкомъ уже...

Тлии. Увѣряю тебя, что нѣтъ!... совсѣмъ нѣтъ!... Прочти только — и ты увидишь, что геній великаго Поэта, представителя современаго человѣчества на небосклонѣ отечественной нашей Словесности, остался и здѣсь себѣ вѣрнымъ! Это перло достойно быть внизаннымъ въ драгоцѣнное ожерелье Онѣгина—честь и красу нашей Поэзіи! Пушкинъ, не смотря на пошлое жужжанье безжаленной Пчелы, всегда и вездѣ пребываетъ Байрономъ!...

Я. Вотъ-то и дѣло... зачѣмъ повторяешь ты эти высокопарныя Телеграфскія фразы, которая только что могутъ извинять въ глазахъ строгихъ ревнителей истины — это ожесточеніе противъ *Пушкина*? Поднимать выше, нежели гдѣ можно держаться, значитъ — заставлять падать больнѣе!... И это именно случается теперь съ *Пушкинымъ*, коего талантъ заслуживалъ бы лучшей и почтеннѣйшей участіи?... Ты и подобные тебѣ—вы самые лютѣйшіе враги его! Превышающими всяку мѣру хвалебными взвывами, вы забросили его за облака и, не ссиливъ поддержать тамъ—уронили въ преисподнюю! Вѣрно плохо вы читали прекрасную басню *Крылова о Пустыннике и Медвѣдѣ*, начинаяющуюся сими прекрасными, поучительными и назидательными стихами:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣеть взяться.
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться:
Услужливый дуракъ опаснѣе врага!

Глын. (сердясь). Такъ тебѣ бы — по твоему... Я. А почему жъ и — не по моему?... Никто, можетъ быть, болѣе меня не возмущается своею волей, съ каковымъ пѣвецъ *Руслана и Людмилы* грязниль часто лучшія свои изображенія; и однако я первый готовъ сказать и нынѣ и послѣ, что изъ подъ его — истинно *своенравной* — кисти выпадали не рѣдко — не скажу *картины* — *картинки*, на которая нельзя не засмотрѣться. Талантъ *Пушкина* я признавалъ всегда — *талантомъ*: и какъ было видѣть его сокровище — иждиваемымъ всуе... въ угожденіе вѣтренному легкомыслию... на посмѣшище здравому вкусу!... Еще можно было однако надѣяться, что время и опытность угомонятъ это рѣзвое скаканіе разгульной фантазіи. Пѣвецъ *Руслана и Людмилы* могъ выработать изъ себя — Русскаго *Аристотеля*. Ета необузданная шаловливость воображенія, помыкающая природою, какъ игрушкою, и уродующая безжалостно ея стереотипныя пропорціи, какъ бы для потѣхи надѣя пе-

дантическою чиновностію и аккуратностію, что могла бы произвестъ, еслибъ заключилась въ предѣлахъ естетическаго благоразумія?... Но... не тутъ-то было!... По несчастію, юный талантъ былъ замѣченъ слишкомъ скоро, оцѣненъ слишкомъ опрометчиво. Наша добродушная публика при видѣ новаго літературнаго явленія, пришедшагося ей совершенно по плечу—разахалась отъ удивленія; а услужливые прихлебатели, снискивающіе себѣ насущное пропитаніе громогласнымъ подтакиваніемъ общему мнѣнію, не умѣли переложить эти *ахи* и *охи* въ пышные возгласы, составленные изъ высокопарныхъ фразъ, вытянутыхъ со грѣхомъ пополамъ изъ иноземныхъ программъ и журналовъ. Явленіе *Бахчисарайскаго фонтана*—снабженное лихимъ *Предисловіемъ* отъ извѣстнаго Автора *Предисловій* къ пріятельскимъ сочиненіямъ—произвело такую тревогу въ нашемъ літературномъ муравейнике, какой не производила въ Германіи *Клонштокова Мессіада*. Загорѣлась жестокая война на перьяхъ: и *Предисловицъ*, изувѣченный смертельно стрѣлами Логики, изнесенъ былъ съ поля сраженія подъ щитомъ *Дамскаго Журнала*, купивъ однако своей неудачей *Пушкину*—почетное имя *Романтическаго Поэта*. Вскорѣ выстроился *Телеграфъ*, зажужжала *Пчела*. И тотъ и другая наперерывъ старались расхваливать *Пушкина*, дабы прикрыть его *романтическою* славою антиклассическое невѣжество. Такимъ образомъ слава *Пушкина*—если только можно назвать такъ молву, скитающуюся по гостинымъ и будуарамъ на крыльяхъ журнальныхъ листковъ, вмѣстѣ съ модами и извѣстіями о *Лебединскихъ скачкахъ*—слава *Пушкина* созрѣла, прежде нежели онъ самъ успѣлъ развернуться. Его огласили великимъ геніемъ, неподражаемымъ Поетомъ, представителемъ современаго человѣчества, Русскимъ *Байрономъ*—вѣроятно прежде еще, чѣмъ онъ узналъ о *Байронѣ*. И кто Богу не грѣшенъ, кто Еввѣ не внуکъ?... можно ли быть слишкомъ строгу и взыскательну къ молодому Поэту за то, что онъ имѣлъ слабость—столь простительную нашей бѣдной человѣческой природѣ—повѣрить безразсуднымъ ласкателемъ

ствамъ, вокругъ него раздававшимся*)?... *Пушкинъ* возвышается еще безконечно надъ тѣми, кои сами себя нахально выдаютъ за *Кузеней и Гизотовъ*—думая заполонить общее мнѣніе безстыдною дерзостью. Его задачили дымнымъ куревомъ невыслуженной славы: *обайронили* насильно: и онъ — увлекаясь своей слишкомъ таланной звѣздою — началъ и въ самомъ дѣлѣ *байронить*... безталанно!... Но — лишь только выбился онъ изъ своей колеи, какъ и стало кидать его во всѣ четыре стороны.

На славу!

По камнямъ, рѣтвинамъ: пошли толчки, прыжки!

Лѣвѣй, лѣвѣй! и... бухъ въ канаву!

Прощай прекрасные стихи.

Тльн. И ты осмѣливаешься еще говорить — что уважаешь талантъ *Пушкина*... нечестивецъ!.. Я. Да! уважаю! — несравненно болѣе, чѣмъ невѣжды, которые хвалять его по наслышкѣ... чѣмъ вертопрахи, которые хвалять въ немъ самихъ себя... чѣмъ *барышники*, которые сбирали жидовскіе проценты съ наемныхъ похвалъ своихъ, поддерживая на литературной биржѣ курсъ достоинства *Пушкина* — изъ собственныхъ разсчетовъ и видовъ!... Давно ли слышали мы отъ людей и притомъ тѣхъ, которые бывало криковали больше всѣхъ и громче всѣхъ — давно ли слышали увѣренія, что на *Пушкина* была... мода — и что теперь сія

*) Не одни впрочемъ ласкательства слыхалъ онъ; голосъ истины раздавался и прежде неумолчно. Въ *B. E.* за 1824 годъ (№ 1, стран. 71), по случаю представлѣнія на театрѣ извѣстной пѣсеньки, подъ пышнымъ титуломъ кантаты, *Черной шали*, отдана была ея автору болѣе чѣмъ должна справедливость; но тамъ же немногіе вопросы указывали и настоящее мѣсто ему на Пarnassѣ „Гдѣ mens divinior? где os. magna sonaturum?“ Батарея, кажется, немудреная, а какой сильный зарядъ електричества мгновенно пробѣжалъ тогда черезъ всю фалангу романтиковъ, истинныхъ и мнимыхъ? *Прим. одного посыт.* — А за чѣмъ не приложено было Русскаго перевода къ Латинскимъ выраженіямъ? Вѣдь извѣстно было уже и тогда, что *Латынь* для нашихъ литературныхъ крикуновъ то же, что тарабарская грамота! *Прим. другого посытителя.*

мода начинаетъ изживать вѣкъ свой?.. Не есть ли это торжественное признаніе, что имъ торговали доселъ, какъ модной вещицею!.. О tempora!.. Одно только развѣ можетъ утѣшить нашего Поэта въ столь унизительномъ оскорблѣніи, что оно досталось не одному ему!... Намъ тоже безъ всякихъ обиняковъ говорено было, что и на *Наполеона* была *мода*, которая также кончилась. *Мода на Наполеона!*.. О стыдъ разума человѣческаго!.. Я весьма далекъ отъ того, чтобы сравнивать *Пушкина* съ *Наполеономъ* иначе, какъ только въ шутку: и очень жалью, что позволилъ себѣ однажды это ироническое сравненіе *), которое теперь переиначето такъ не къ стати и не у мѣста. Не смотря на то, я нахожусь теперь вынужденнымъ сказать, что достоинство *Пушкина*, точно какъ и *Наполеона* — недолжно и не можетъ зависѣть отъ прихотей моды!.. *Мода* можетъ быть на *Телеграфѣ*, на *Ивана Выжигина*... на *Дмитрія Самозванца* — да и то развѣ въ провинціяхъ!.. Но стихотворческій талантъ *Пушкина* есть сокровище неподдѣльное, съ котораго цѣна никогда спастъ не можетъ! Не усиливайся только онъ придавать ему фальшиваго блеска—насильственной примѣсью веществъ чуждыхъ!.. Ввались опять въ свою колею—иди своей дорогою: и яувѣренъ, что *Пушкинъ* заиграетъ опять блестящей звѣздою на горизонтѣ нашей Словесности... *Тлии*. Что жъ по твоему долженъ онъ теперь дѣлать... *Я*. *Разбайронитъся* добровольно и добровольственно. Сjечь *Годунова* и—до кончить *Онѣгина*... *Тлии*. Такъ по этому *Онѣгину* тебѣ нравится...—*Я*. Что идетъ, какъ слѣдуетъ, то не можетъ не нравится...—*Тлии*. Ну! слава Богу! По крайней мѣрѣ это геніальное произведеніе... *Я*. Успокойся, успокойся! Совсѣмъ не геніальное! Я и не думалъ такъ называть его... *Тлии*. Какъ? *Я*. Да такъ!.. Тфу пропасть! какой безтолковый! Развѣ одно только геніальное можетъ нравиться? Мнѣ нравится теперешняя твоя прическа, сообщающая головѣ твоей необыкновенный *романтический* рельефъ; и однако — самъ ты вѣрно не назовешь ее геніальнымъ произведеніемъ... — *Тлии*.

*) См. „Вѣст. Европы“ 1850 г., № 2, стр. 164.

(вскакивая). Ты ругаешься надо мною — ты издѣваешься — ты безчестишь Русскую Словесность!.. Какъ?.. Возможно ли сравнивать поетическое произведеніе съ прическою... Я. Почему же не такъ?.. Нынѣ рядять Музъ въ душегрѣйки: стало быть, можно ихъ и причесывать?.. И что — если бы мнѣ вздумалось въ какомъ нибудь привилегированномъ Альманачѣ наименовать *Онъгина* буколькой... буколькой изъ роскошнаго локона, хотя бы *десятой* — Музы?.. Меня бы занесли за облака похвалами... не правда ли?.. *Тльн*. Буколькой изъ роскошнаго локона десятой Музы — это дѣло другое... Но почему жъ одинъ только *Онъгинъ* — а не вмѣстѣ и всѣ другія произведенія *Пушкина*?.. Я. Потому что въ одномъ *Онъгинѣ* только — послѣ *Руслана* и *Людмилы* — вижу я талантъ *Пушкина* на свое мѣстѣ... въ своей тарелкѣ. Ему не дано видѣть и изображать природу поетически — съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрењія: онъ можетъ только мастерски выворачивать ее на изнанку. Слѣдовательно — онъ не можетъ нигдѣ блистать какъ только въ — *арабескахъ*. *Русланъ* и *Людмила* представляютъ прекрасную галлерею физическихъ *арабесковъ*; *Евгений Онъгинъ* есть *арабескъ* міра нравственнаго... — *Тльн*. То-есть — уродъ, говори простѣ... Я. Именно — уродъ... но образованный естетически. *Тльн*. Теперь я вижу, что ты уважаешь талантъ *Пушкина*... Вижу... Я. И странно бы было, еслибы ты не видѣлъ. Удивительно — право удивительно! По вашему мнѣнію, нельзя иначе выразить своего уваженія къ Поэту, какъ присосѣдивши его къ *Шекспиру*, *Данту* или *Байрону*! Какъ будто бы на поетическомъ ристалищѣ одни только сильные могучіе атлеты, съ богатырскою силой и колоссальными мышцами, могли имѣть право на вѣнцы и рукоплесканія!.. *Скаффонъ* и *Пирронъ*, *Берни* и *Аретинъ* умѣли смѣшить поетически и — пригрѣли себѣ порядочное мѣстечко на *Парнасѣ*. Не говорю уже объ *Аристофанѣ* и *Апулеѣ*, *Ариостѣ* и *Вольтерѣ*, *Свифтѣ* и *Виландѣ* — истощавшихъ геній свой на построеніе чудныхъ гротесковъ, коимъ долго-долго жить и пережить многія великолѣпныя зданія! Не уже ли жъ для пѣвца *Онъгина* оскорбительно, если я предскажу ему ту же

судьбу и — ту же славу?.. — *Тльн.* (*почесывая затылокъ*). Оно, конечно, такъ... но... Я. Но?. Что еще?.. *Тльн.* Но... ты еще не читалъ VII Главы *Онъгина*... Тамъ нашелъ бы ты—право не арабески... Я. И тѣмъ хуже... Стало быть, *Пушкинъ* не вѣренъ самому себѣ—вѣроломенъ къ своему таланту. Въ это время послышался тихій шелестъ шаговъ въ моей передней. Я обратился къ отворяющейся медленно двери и—бросился обнимать другого нежданного гостя... моего любезнѣйшаго *Пахома Силича*. Это былъ онъ самъ—своей почтеною персоною.

„Вы ли это, дорогой мой!“—вскричалъ я, усаживая добраго старика, запыхавшагося отъ дальней дороги и высокой лѣстницы.

— Кому жъ, кромѣ меня! — отвѣчалъ онъ, улыбаясь. — Никто вѣрно не захочетъ мною нарядиться — даже и для домашняго маскарада. Ну, какъ вы поживаете!.. — Я. Понемножку, почтеннѣйшій, понемножку. А ваше здоровье... здоровье доброй вашей старушкѣ... — *П. С.* Какъ нельзя лучше по старицковски. Бредемъ тихонько. Я. Вѣрно однако не отстаете отъ хода дѣлъ любимой вами Словесности... — *П. С.* (*отирая потъ съ лица*). Да для етого, кажется, и не нужно особой прыткости... Я. Вы шутите! *Московскій Телеграфъ*, шагая исполнински, едва можетъ за нею угнаться... — *П. С.* Ахъ! Боже мой! блоха и за черепахою должна прыгать, а все—назади остается!.. Я. Позвольте однако испытать васъ. Знаете ли вы о пріятной литературной новости? VII Глава *Онъгина* явилась... — *П. С.* Я несу теперь ее обратно въ библиотеку *Ширяева*... Я. О! о! стало быть вы меня уже перегнали. Ходки, *Пахомъ Силичъ*!.. И такъ — книжка съ вами — дозвольте взглянуть мнѣ по крайней мѣрѣ... *П. С.* (*вынимая изъ бокового кармана*). Вотъ она! Вотъ наше литературное *нещичко*, котораго мы насили дождалися!.. *Тльн.* (*стремительно вмѣшиваясь въ разговоръ*). Такъ, слѣдствѣнно, не мы одни дождались *Онъгина*!.. Слышишь!.. (*къ Пахому Силичу*). О, почтеннѣйшій! Я не имѣю чести знать васъ! но я васъ уважаю! Я — благоговѣю предъ вами! *П. С.* (*улыбаясь*). Благоговѣніе, дешево купленное—дешево и пропадаетъ. Я еще не умѣю объяснить

себѣ, чѣмъ могъ возбудить въ васъ столь высокое чувство... Тлин. Вы дожидались *Онъгина* и—довольно!.. Я. (перевертывая книжку). Да кто жъ его не дожидался! Признаюсь однако, при видѣ на эту книжечку, мнѣ становится жутко: не обманулись ли полно многія ожиданія! *Пахомъ Силичъ!* Вы изволили прочесть ее. Позвольте угостить васъ *Сльверную Пчелою*.—П. С. Много доволенъ вашею милостью! Не стоитъ благодарности! Я. Но я желалъ бы слышать ваше мнѣніе о приемѣ, который сдѣлала она *VII Глава Онъгина!* Почитайте и—подивитесь! — П. С. Я уже читалъ и—дивился... Я. Что же вы однако скажете о хулахъ, которыхъ на нее изрыгнуты? Имѣютъ ли онѣ *предлежательное основаніе?* Неужели въ самомъ дѣлѣ эта *VII Глава* такъ далеко отстала отъ *шести прочихъ?*.. П. С. Ничего не бывало! *Глава* какъ *Глава!* *Онъгинъ* какъ *Онъгинъ!* Я. Стало быть, эти выраженія: *ни одной мысли, ни одного чувствованія, ни одной картины...* П. С. Той же пробы и того же достоинства, какъ и тѣ, кои ставливались прежде вмѣсто ихъ: *сльверный Байронъ, представитель современного человѣчества...* Я. Но—Поэзія *Пушкина* и прежде не роскошна была *мыслями и чувствованіями!* Развѣ не разбогатѣлъ ли онъ недавно? Не дался ли ему філософскій камень?.. П. С. Ну! этого непримѣтно. — Тлин. Какъ непримѣтно? Пожалуйте мнѣ книжку, и теперь—слушайте внимательнѣе эту строфу:

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осеню листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ;
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увиданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣть?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ
Средь поетическаго сна
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ

Мечтой о дальней *) сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

Ето не мысли? Не глубокія — поетическая мысли?.. *П. С.*
Что-то похоже на мысли: но — кто пойметъ ихъ? Первое
предположеніе;

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ —

завиваетъ въ себѣ дѣйствительно мысль, и — мысль оригинальную, представляющую новый способъ рѣшенія одной изъ труднѣйшихъ задачъ сердца человѣческаго. Скажу болѣе: отъ ней пышеть даже *Байронизмомъ*; ибо *Байронъ* только могъ жалѣть о веснѣ, какъ объ утратѣ зимы. Но кому удастся скоро добраться до настоящаго ея смысла, сквозь темную чащу словъ, сплетенныхъ такъ неудачно?.. Второе же — скажемъ словами самого Поэта — есть

*старая весна,
Средь поетического сна,*

пришедшая ему въ мысли и заставившая его съ просонья пробормотать нѣсколько невнятныхъ звуковъ, кои исчезли наконецъ въ неудачномъ подражаніи *Жуковскому!*.. въ давно тертой и истертой мечтѣ

о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

И кто знаетъ — можетъ быть о той глупой лунѣ, которую Поетъ нашъ видѣлъ нѣкогда на глупомъ небосклонѣ!.. Нѣть! воля ваша! а *Пушкинъ* — не мастеръ мыслить!.. Тѣмъ. А изображеніе современаго человѣка? послушайте:

Два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ

*) Не опечатка ли? *Пр. Соч.*

Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безиравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

И это не мысль?.. *П. С.* Мысль—да не своя. Это общее мѣсто, развитое довольно порядочно. И—только!.. *Тльн.* Такъ вамъ вѣрно бы хотѣлось выслушать здѣсь полный курсъ *Метафизики!* Вспомните, что *Евгений Оньгинъ* романъ, а не учебная книжка! Душу Поезіи составляютъ чувства, а не—мысли... *П. С.* *Бесмысленные чувства!*.. Это—диковинная Поезія... Гдѣ жъ однако сіи драгоцѣнныя рѣдкости! Дайте намъ ими полюбоваться!.. *Тльн.* Извольте слушать.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ етой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ.
Бывало, въ поздніе досуги,
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ при лунѣ,
Обнявшись, плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылой
Забыть. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣть;
Одинъ, подъ нимъ, сѣдой и хилой
Пастухъ по прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететь.

Неужели и здѣсь черствая, съ позволенія сказать, душа ваша — ничего не слышитъ?.. *П. С.* Слышитъ подражаніе прекрасному заключенію прекрасной *Мессеніи Казимира Делавиня о Наполеонѣ*:

Et le pêcheur le soir s'y repose en chemin;
Reprenant ses filets qu'avec peine il soulève,
Le s'éloigne à pas lents; foule ta cendre, et rêve...
A ses travaux du lendemain.

Слышишь и—невольно дѣлаешь шагъ отъ великаго—къ смиренному... столько близкій, по выраженію воспѣваемаго *Делавинемъ* героя!.. И замѣтьте, какъ надорвался Поетъ, разродившись етимъ заимственнымъ чувствомъ! У него не достало духу на цѣлые двѣ строфы: и вы видите двѣ крупные Римскія цифры:

VIII. IX,

означающія очень ярко пустоту, слѣдовавшую за столь чрезмѣрнымъ напряженіемъ.—*Тльн.* (*разгорячаясь опять*). Чортъ меня возьми! Такъ зачѣмъ вы ругаете *Стверную Пчелу?* Воронъ ворону глазъ не выклевываетъ. Если въ *VII Главѣ* *Онѣгина* нѣтъ ни мыслей, ни чувствъ; что же есть въ ней?.. *П. С. Кафтины* и—кафтины прекрасныя. Вотъ что составляетъ истинное достоинство *Пушкина*, не уроненное имъ и въ *VII Главѣ* *Онѣгина!*.. *Тльн.* Вашъ приятель не находить однако и кафтинъ у *Пушкина*, а только—кафтинки!..

П. С. (посматриваю на меня). Екой строгой *Аристархъ!* Весь въ батюшку!.. (къ *Тльнскому*). Но позвольте оправдать предъ вами *Нікодима Аристарховича*. Уменьшеніе, которое онъ позволилъ себѣ употребить, говоря о *кафтинахъ Пушкина*, означаетъ, можетъ быть, лъстивую привѣтливость таланту Поэта: но ни сколько не уменьшаетъ его достоинства. На прекрасную *кафтину* не меныше потребно мастерства, какъ и—на хорошую *кафтину!* *Тльн.* Это—лукавая только увертка... не болѣе! Я понимаю очень хорошо вѣсть и вашего приятеля... *П. С.* Совсѣмъ не увертка. Что есть *Поэзія?* Живопись Природы!.. Ея достоинство слѣдовательно должно состоять въ вѣрности, живости и красотѣ изображеній, въ коихъ она ее представляеть. Но природа есть безпредѣльное зданіе, проникнутое однимъ духомъ во всѣхъ безчисленныхъ частяхъ своихъ. Въ ней вездѣ жизнь—вездѣ Поэзія! Величественныя Альпы и мшистый камень—равно говорятъ воображенію; только одинъ напшептываетъ то, что другія проповѣдуютъ велегласно. Не въ одномъ только грозномъ рокотѣ грома слы-

шится ехъ вѣчной гармоніи, одушевляющей вселенную; ухо чуткое чуетъ ее и въ щебетаніи ранней ласточки, и въ жужжаніи вечерняго жука, и въ чиликаны запоздалаго кузнеца. Пусть Поезія изображаетъ намъ вѣрно то, что видитъ и слышитъ въ Природѣ! Будутъ ли то *картины* или *картиночки*... до формата нѣтъ нужды... Я. *Пахомъ Силичъ!* *Пахомъ Силичъ!* Не увлекитесь слишкомъ далеко!.. Я боюсь, чтобы знаменитый мадригалъ *на прыщукѣ Делии* не заслужилъ отъ васть названія поетической миниатюрной *картиночки*... *П. С. Лубочной...* почему не такъ?.. Но—и *прыщукѣ* можетъ имѣть поетическое достоинство... не на прекрасномъ личикѣ *Делии*, а на красной рожѣ кухарки *Аксиньи*—въ каррикатурномъ зрелицѣ: ибо онъ тамъ можетъ возбуждать *поетический смѣхъ*... основаніе комического услажденія!.. И ето ни чуть не низко для Поезіи! Ибо если сама Природа забываетъ иногда свою важную степенность до того, что пародируетъ саму себя подобными уродливостями: то, почему и Поезіи, какъ вѣрному ея зеркалу, не позволить себѣ удовольствія ихъ передразнивать?.. Лишь бы только это удовольствіе было невинно и не выходило изъ должныхъ границъ уваженія, коимъ она обязана всегда Природѣ и самой себѣ!.. Будь Поезія, какъ Природа! Изображай *червячковъ*, но—*свѣтляющихъ*, коихъ Природа сама развѣшиваетъ торжественно по древеснымъ листамъ, какъ бы для потѣшной иллюминаціи; а—не копайся въ навозѣ, чтобы открывать тамъ гнусныхъ насѣкомыхъ, утаеваемыхъ ею самою отъ человѣческихъ взоровъ! Заставляй улитку высовывать рожки: но не срывай съ нея скорлупы, прикрывающей ея отвратительную уродливость!.. Я буду всегда любоваться подобными *картиночками*, сколь ни мелочны онѣ кажутся... Я. Но какое жъ будутъ имѣть онѣ поетическое значеніе? *П. С.* Значеніе *забавной болтовни*:—и этого довольно! Знаменитый нашъ Поетъ сказалъ нѣкогда, говоря о *сказкѣ*:

Но все ли одного полезнаго искать?

Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ настъ сорвать!

Такія сказки, право, дороже иной *Исторіи цѣлаго Народа!*.. Я улыбнулся горько, начитавши въ етомъ же самомъ нумерѣ *Сѣверной Пчелы* чудную выходку противъ двухъ прекрасныхъ стишковъ, выдернутыхъ изъ VII Главы *Онѣгина*:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Наша *Пчелка* насыщливо называетъ бѣднаго жука, о которомъ здѣсь говорится, новымъ дѣйствующимъ лицомъ Романа, и дожидается, не покажетъ ли по крайней мѣрѣ онъ въ себѣ характера!.. Бѣдняжка! она не примѣчаетъ, что эти два слова:

Жукъ жужжалъ—

обрисовываютъ характеръ новаго дѣйствующаго лица, если только можно такъ называть бѣдное насыкомое, гораздо лучше, вѣрнѣе и полнѣе, чѣмъ четыре полновѣсные тома—характеръ Димитрія Самозванца, и что етъ двѣ строки имѣютъ приличнѣйшее мѣсто и производятъ успѣшнѣйшее дѣйствіе въ VII Главѣ *Онѣгина*, чѣмъ длинный епізодъ Калеріи въ такъ называемомъ новомъ *Историческомъ Романѣ!*.. Тѣмъ. Но оставьте етого жука въ покой!.. Въ VII Главѣ *Онѣгина* сышется довольно картина набросанныхъ истинно поетическою кистью. Напримѣръ—его описание зимы:

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнуль, завыль—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравнила пухлой пеленою;
Блеснуль морозъ.

Кажется, право, читаешь оду *Державина...* П. С. И тѣмъ хуже для *Пушкина!* Ето совсѣмъ не его тонъ... И посмо-

трите-ка, на что наконецъ сведено ето пышное описаніе!..
Пожалуйте мнѣ книжку!..

Блеснуль морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы!

Вотъ и запѣль опять своимъ натуральнымъ голосомъ!...
Но за то и пошло лучшее!...

Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣтить,
Морозной пылью подышать
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь.

Ета послѣдняя черта—прекрасна! Я узнаю въ ней—
деревенскую *Таню!*—*Тильн.* Но не уже ли только... *П. С.*
Нѣтъ—не только!... Двѣ слѣдующія строфы представляютъ
Фламандскую *картиночку*, довольно вѣрно набросанную:

Отъѣзда день давно просроchenъ,
Проходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кострюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы *et cetera* (???)...

Ето *et cetera* пора бы и устать повторять безпрестанно!...

Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ,
Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ,
Готовятъ завтракъ повара,
Горой кибитки нагружаютъ,
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидить форрейторъ бородатой.

Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный
Скользя, ползетъ за ворота.

Ну, право, хорошо?... Но—драгоцѣннѣйшее сокровище всей етой *VII Главы* есть безъ сомнѣнія—*описаніе Москвы*, которое, правду сказать, одно и составляеть всю ея поэтическую *реальность*. Это описаніе сдѣлано истинно—*Гогартовски!* Талантъ *Пушкина* здѣсь именно—въ своей тарелкѣ! Каковъ, напримѣръ, сталъ первый *coup-d'oeil*, брошенный имъ на ету *большую деревню!* ..

Уже столпы заставъ
Бѣлѣютъ; вотъ ужь по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы,
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, козаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ,
И стая галокъ на крестахъ.

Не такъ же ли точно не斯特рѣять у насъ въ глазахъ, какъ если бъ мы въ самомъ дѣлѣ мчались по *Тверской* съ *Таней*? Не представляеть ли это Вавилонское смѣщеніе безпорядочныхъ и безсвязныхъ словъ—живой образъ нашей старушки?... Или далѣе... потрудимся завернуть вмѣстѣ съ *Таней* въ *переулокъ къ Харитонью!*

Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежь отворяетъ дверь,
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой қалмыкъ.
Встрѣчааетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

Истинно умилительное зрѣлище!.. А привѣтственная рѣчъ доброй тетушки?

Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
Миѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Ужъ никуда не годна я...
Подъ старость жизнь такая гадость...
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

Право—самъ раскашляешься здѣсь невольно!.. Но — пес plus ultra каррикатурнаго изящества есть пародіальное изображеніе блаженной неизмѣняемости *Московскихъ антиковъ*, запоздавшихъ отъ послѣдняго столѣтія:

У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевой чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все тоже лжетъ Любовь Петровна
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семенъ Петровичъ также скупъ;
У Пелагеи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ;
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
А онъ, все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также Ѳсть и пьеть за двухъ.

Прелестно! безподобно!.. Вотъ гдѣ надобно видѣть *Москву*, а не—въ литературныхъ выжигахъ... Я. Но—какое отношеніе имѣютъ всѣ эти изображенія къ Евгению Онѣгину?.. На своемъ ли они здѣсь мѣстѣ?—П. С. Очень на своемъ! Прочитайте епіграфъ, избранный *Пушкинымъ* для етой VII Главы:

Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Вотъ текстъ, на который Поетъ хотѣлъ проповѣдывать! И не выполнилъ ли онъ предположенной себѣ задачи... Наші *Пчелицы* пропустили ето безъ вниманія; и—пустились

отыскивать... *вчерашияго днѧ!*.. Это любимое обыкновение всѣхъ неумытыхъ... Я хотѣлъ сказать — неумытныхъ... критиковъ Улья и Каланчи, воюющихъ при подошвѣ нашего Парнасса!.. На Поетѣ не больше должно взыскивать, какъ сколько обязался онъ самъ сдѣлать. *VII Глава Онъгина* назначалась самимъ творцемъ своимъ — повергнуть предъ нами Москву въ поетическомъ қалейдоскопѣ: это и—сдѣлано, какъ нельзя лучше... Я. Но Евгений Онъгинъ названъ *Романомъ*. Гдѣ жь дѣйствіе...—П. С. Это правда! Имя здѣсь не соотвѣтствуетъ дѣлу.

Но—что намъ нужна до названья?

Въ наши времена именами не очень какъ-то дорожатся. Развѣ не видимъ мы бездушныхъ глыбъ, не имѣющихъ ни жизни, ни движенія, величаемыхъ пышными названіями *Романовъ Историческихъ?* Развѣ не суждено намъ было изломить глазъ о безобразнѣйшую и уродливѣйшую компиляцію, нареченную даже великимъ именемъ *Исторіи?* И такъ пусть *Онъгинъ* величается названіемъ *Романа*: такъ и быть ужъ!.. какъ ни зовись — лишь знай свое дѣло!.. Я. Но что же онъ въ самой вещи?.. П. С. Евгений Онъгинъ?.. На мои глаза — это рама, въ которую нашему Поету за благоразсудилось вставить свои фантастическія наблюденія надъ жизнью, представлявшуюся ему — не съ степеннаго лица, а съ смѣшной изнанки! Сама рама смастерена неудачно; но *картинки*, вставляемыя въ нее, большою частью — прелестны!.. Онѣ производятъ вполнѣ эффектъ, требующійся отъ подобныхъ поетическихъ бездѣлокъ. Ихъ можно слушать—

безъ скучи, добровольно;
И могутъ *завсегда* улыбку съ насъ сорвать!..

а иногда—и полный сардническій хохотъ!.. Пусть Поетъ нашъ продолжаетъ тѣпнить насъ съ такимъ, ему одному свойственнымъ, искусствомъ! Это ни мало не унижаетъ его таланта! Гдѣ жизнь окисаетъ и плѣснѣетъ, тамъ Поэзія

имѣеть полное право морщиться и гримасничать!.. И — я признаюсь охотно, искренно, что дожидаюсь *семи* новыхъ *Главъ Оньгина* съ большимъ нетерпѣніемъ и надѣюсь отъ нихъ большаго удовольствія—даже большей части нашей литературѣ—чѣмъ отъ *одиннадцати* толстыхъ грудъ *сумбуру*, посвященнаго *Нибуру!*..—Тутъ подали намъ чай, и—разговоръ обратился на несчастное сумасшествіе *Нибура*, загрозившее было ему въ самое время пожалованія въ *первые Историки нашего вѣка*. Тмынскій окружалъ себя безпрестанно густыми облаками табачнаго дыма; но — на лицѣ его видны были слѣды стыда и униженія. Примѣта добрая!..

H. Надеждинъ.

Съ Патріаршихъ прудовъ.

* * *

*) *Бахчисарайскій фонтанъ*, соч. А. С. Пушкина, напечатанъ уже третьимъ тисненіемъ: форматъ одинъ съ мелкими стихотвореніями того же Автора, вышедшиими въ двухъ частяхъ въ С.Пб. 1829. Издатели не помѣстили прежняго предисловія, теперь уже не необходимаго, но въ свое время возбудившаго жаркіе споры. Въ немъ князь П. А. Вяземскій первый выказалъ всю смѣшную сторону такъ называемыхъ у насъ классиковъ, первый поднялъ знамя умной и благомыслящей критики. Въ замѣнѣ сей убыли, прибавленъ, въ выпискѣ изъ занимательного путешествія по Тавридѣ И. М. Муравьевѣ-Апостола, отрывокъ письма самого Сочинителя къ Д..., въ которомъ читатели увидятъ, какъ часто первая впечатлѣнія, прозаически скользя по душѣ, нечаянно послѣ разгораются въ ней огнемъ вдохновенія и созрѣваютъ до высокой Поэзіи.— Мы читали и перечитывали и въ третьемъ изданіи *Бахчисарайскій фонтанъ*. Человѣкъ, не лишенный чувства изящнаго, не устанетъ читать

*) „Литературная Газета“ 1830 года, томъ I, № 22 (Рецензія подъ заглавіемъ: „Бахчисарайскій фонтанъ“. Сочиненіе Александра Пушкина. Изданіе третье.—Спб. въ типогр. Департ. Народ. Просвѣщ. 1830 (46 страниц, въ 8-ю д. л.).

подобныя сочиненія, какъ охотникъ до жемчугу пересматривать богатое ожерелье. Въ каждый новый разъ удовольствіе усугубляется, потому что все болѣе и болѣе убѣждается въ неподдельной красотѣ своей драгоценности. Пушкинъ въ сей поэмѣ достигъ до неподражаемой зреости искусства въ поэзіи выраженій, а въ сценѣ Заремы съ Марией уже ясно обнаружилъ истинное драматическое дарованіе, съ большимъ блескомъ въ послѣдствіи развившееся въ трагедіи: *Борисъ Годуновъ* и въ исторической поэмѣ: *Полтава* *).

Изъ „Литературн. Газеты“.

1831 г.

**) *Борисъ Годуновъ*. Сочиненіе Александра Пушкина. С.-Пб. 1831 г., въ т. Деп. народн. просвѣщенія, in-8, 142 стр.

Давно ожиданное твореніе Пушкина, наконецъ, предъ судомъ публики. Поэтъ не называетъ его ни *трагедію*, ни *драмою*, ни *историческими сценами*. Онъ конечно знаетъ, что онъ писалъ, но, кажется, хочетъ посмотретьъ, что придумаютъ другіе, опредѣляя, сущность его творенія. Вотъ любопытная задача для русской критики! Тѣмъ, которые слышали, что Пушкинъ написалъ *трагедію*, скажемъ, что изданный имъ нынѣ *Борисъ Годуновъ* есть то самое, что называли имъ, по слухамъ, *трагедію*.

*) Сюда не вошли еще три рецензіи, появившіяся въ 1830 году: въ „Русскомъ Инвалидѣ“ № 79 (*О Евгениѣ Онѣгинѣ*); въ „Сѣверномъ Меркуріи“, № 55, стр. 17—218 (*Ничто о собраніи настѣнныхъ, эпиграмма А. Пушкина, помѣщенная въ Подснѣжнике*); въ „Дамскомъ Журналѣ“, ч. 30, № 20, стр. 108—111 (*О Евгениѣ Онѣгинѣ*).— Въ 1830 году появились статьи, относящіяся къ біографіи А. С. Пушкина въ слѣдующихъ изданіяхъ: „Галатея“, ч. 17, № 35, стр. 198—200 (Некрологъ В. Л. Пушкина); „Московскій Вѣстникъ“, ч. 2, № 6, стр. 201—204 (Письмо къ издаletю „Московскаго Вѣстника“. Статья С. Аксакова); „Сѣверный Меркурій“, № 27 (*A mademoiselle****, просившей меня прислать ей романъ А. С. Пушкина: „Евгений Онѣгинъ“. Стихотвореніе Б. Р.).

Примѣч. В. Зелинского.

**) „Московскій Телеграфъ“ 1831 г., ч. 37, № 2 („Русская литература“).

Если отъ настъ потребуютъ читатели мнѣнія о *Борисѣ Годуновѣ*, скажемъ прежде всего, что мы желали бы объяснить наше мнѣніе не въ краткихъ словахъ, но въ разборѣ подробнѣомъ.

Бориса Годунова можно обозрѣвать въ двухъ отношеніяхъ. Первое, какъ произведеніе Пушкина, Русскаго лите-
ратора, Русскаго поэта. Съ этой стороны, *Борисъ Году-
новъ* есть великое явленіе нашей Словесности, шагъ къ
настоящей Романтической Драмѣ, шагъ смѣлый, дѣло даро-
ванія необыкновенаго. Нужно ли прибавлять, что Пушкинъ
становится имъ, уже рѣшительно и безспорно, выше всѣхъ
современныхъ *Русскихъ поэтовъ*; имя его дѣлается послѣ сего
причастно небольшому числу великихъ поэтовъ, донынѣ
бывшихъ въ Россіи, и между ими горитъ оно яркою звѣздою.

Но, бывши Русскимъ, бывши современнымъ, Пушкинъ
принадлежитъ въ то же время вѣкамъ и Европѣ. Вотъ вто-
рое отношеніе, въ которомъ должно рассматривать „Бориса
Годунова“. Здѣсь получаетъ онъ, безъ сомнѣнія, почетное
мѣсто, но только какъ надежда на будущее, болѣе совер-
шенное. Первый опытъ Пушкина въ семъ отношеніи не
удовлетворяетъ насъ; первый шагъ его смѣль, отваженъ,
великъ для *Русскаго поэта*, но не полонъ, не вѣренъ для
поэта нашего вѣка и Европы. Можемъ теперь видѣть, что
въ состояніи сдѣлать въ послѣдствіи Пушкинъ, этотъ озна-
менованный небеснымъ огнемъ истинной Поэзіи человѣкъ;
но въ „Борисѣ Годуновѣ“ онъ еще не достигъ предѣловъ
возможнаго для его дарованія. Языкъ Русскій доведенъ въ
„Борисѣ Годуновѣ“ до послѣдней, по крайней мѣрѣ въ
нашѣ времена, степени совершенства; сущность творенія,
напротивъ, запоздалая и близорукая: и могла ли она не
быть такою даже по исторической основѣ творенія, когда
Пушкинъ рабски влекся по слѣдамъ Карамзина въ обзорѣ
событий, и когда, посвященіемъ своего творенія Карамзину,
онъ невольно заставляетъ улыбнуться, въ дѣтскомъ какомъ-
то раболѣпствѣ называя Карамзина — Богъ знаетъ чѣмъ!
Это дѣлаетъ честь памяти и сердцу, но не философіи Поэта!

Обо всемъ этомъ постараемся поговорить подробнѣе.

Изъ „Моск. Телеграфа“.

**) Борисъ Годуновъ. Сочинение Александра Пушкина.
Санктпетербургъ 1831 г.*

Мы прочли въ первый разъ *Бориса Годунова* очень бѣгло, удовлетворяя одному только любопытству, столь сильно возбуждаемому каждымъ сочиненіемъ Пушкина, но въ особенности „Борисомъ Годуновымъ“, о которомъ такъ давно и такъ много слышали и слышимъ. Мысли и впечатлѣнія волновались въ головѣ и душѣ нашей, подобно легкому членоку на безбрежномъ океанѣ, не представляющемъ никакой пристани.

Надлежало возобновить путь, съ тѣмъ чтобы непремѣнно ввести умъ и чувство въ желанную пристань, и мы имѣли удовольствіе восклікнуть: *берегъ! берегъ!*

Такъ! прочитавши „Бориса Годунова“ въ *другой* разъ, уразумѣешь и почувствуешь достоинство сего необыкновенного творенія. Оно не подходитъ подъ обыкновенные вопросы о родѣ, о формѣ и проч. и проч. Нѣтъ! на немъ лежитъ особенная, или, лучше сказать, собственная печать, подобная Микель - Анджеловой печати на бессмертномъ куполѣ знаменитаго Римскаго храма—печать таланта неустрешимаго, всемогущаго!

Вмѣсто *выписокъ*, мы приглашаемъ *всмотрѣться* въ сердца и умы дѣйствующихъ лицъ; въ колоритѣ и перспективѣ картины общихъ и частныхъ; въ тайныя пружины страстей и намѣреній; въ основу и разнообразіе положеній, уготовляющихъ величія происшествія; въ глубину и оттѣнки характеровъ, тонкими или рѣзкими чертами отдѣляющихся одинъ отъ другаго; въ неожиданность случаевъ, кажется, не Авторомъ, но самимъ жребиемъ предназначеныхъ; на конецъ, въ языкъ, столь соотвѣтственный времени и столь свойственный каждому на той сценѣ, которую онъ занимаетъ—однимъ словомъ: кто прочтетъ *наскоро* и только *однажды* Бориса Годунова и станетъ судить о немъ *рѣшительно*, тотъ мо-

**) „Дамскій Журналъ“ 1831 г., ч. 33, № 6. Статья Издателя (К. Шаликова).*

жеть во многомъ легко ошибиться. Въ противномъ случаѣ каждый беспристрастный читатель скажетъ вмѣстѣ съ нами: „Одно только непостижимое воображеніе геніевъ творить такими образомъ!“

Смѣшно? а? что? что-жъ не смѣешься ты?

спрашиваетъ Годуновъ у Шуйскаго въ такую минуту, когда *всякий другой вопросъ*, или вопросъ, иначе выраженій, былъ бы гораздо несовершенѣе, и менѣе означилъ бы Годунова, Шуйскаго и семнадцатое столѣтіе.

Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

говорить Маринѣ, прелестной Маринѣ, сластолюбивый Са-
мозванецъ въ тайномъ свиданіи съ нею.

Чѣмъ хвалится безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего? и проч.

сказала дочь Мишкѣ Лжецаревичу.

Намъ кажется, что довольно сихъ двухъ примѣровъ для поясненія нашихъ мыслей о семъ твореніи, достойномъ драгоцѣнной для Россіянъ памяти, Николая Михайловича Карамзина, которой оно посвящено благодарнымъ Сочинителемъ.

„Но когда дойдетъ дѣло до *классификаціи* Бориса Годунова,—между какими же сочиненіями помѣстить его?“ Вотъ нашъ отвѣтъ:

Когда Лашоссе ввелъ новый родъ комедіи (*comédie mixte*) во Французскій театръ, подъ именемъ драмы; то чрезвычайное множество критиковъ того времени взирало на нее, какъ на искаженіе искусства. Но столѣтній успѣхъ драмы доказалъ, что ея достоинство зависѣло не отъ новости и моды, которая во всякое время и во всякомъ родѣ весьма могущественны, но не надолго—и драма не осталась *безпріятною*. Напротивъ того, всѣ Европейскіе театры, какъ извѣстно, приняли *драму* въ свои объятія. Останется ли

новый родъ сочиненія, вышедшій изъ-подъ магическаго пера, безъ послѣдователей? и *Борисъ Годуновъ* будетъ начalomъ нової классификациіи.

Издатель „Дамскаго Журнала“ (К. Шаликовъ).

* * *

*) *Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ А. С. Пушкина.*

Онъ. Читали ль вы Бориса Годунова?

Я. Читалъ.

Онъ. Я и самъ читалъ его; но и теперь еще не знаю, какъ онъ писанъ: стихами или прозою?

Я. И стихами, и прозой, и чѣмъ вамъ угодно. Мы теперь не называемъ *стихами* выраженій, предлагаемыхъ числомъ условленныхъ словоў. Пишите прозой или стихами, и вы достигнете своей цѣли, если перо выразить душу; если сочиненіе ваше не исказить природы и если сердце ваше передаетъ сердцамъ другимъ чувствованія пламенныя, живыя и тѣ величественныя мысли, которыя *Лонгинъ* называлъ звуками и отголосками души возвышенной.

Онъ. Вы упоминаете о *Лонгинѣ*. Но, вить, и *Лонгинъ* предлагалъ правила?

Я. Нѣтъ! онъ только отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ дѣйствовали на него выраженія необычайныя и величественныя, принадлежащія душѣ и сердцу, а не правиламъ схоластическимъ. Вотъ его слова: „Мы переселяемъ въ произведенія свои внутреннюю мысль, внутреннее чувство, и—высокое, такъ сказать, есть звукъ, издаваемый душой великой“.

Онъ. Такъ, по вашему мнѣнію, правила вовсе ненужны?

Я. Монтескіе радовался, когда въ обществѣ другіе говорили, а онъ могъ молчать и не тратить словъ, которыя часто вѣтрѣ тогда же разносить, когда произносимъ ихъ.

*) „Дамскій Журналъ“ 1831 г., ч. 33, № 10. Статья Мечтателя (С. Глинка).

А потому, вмѣсто собственнаго моего отвѣта, предложу вамъ то, что *Вольтеръ* сказалъ о *правилахъ*.

„Почти всѣ искусства“, говорить онъ, „обременены безчисленными *правилами*, по большей части ложными и бесполезными. Вездѣ видимъ уроки, а образцовъ почти нигдѣ. Всего легче умствовать о томъ, чего самъ не сдѣлаешь! На одного *поэта* есть сто *пітикъ*. Видишь множество учителей *элоквенції*, а ни одного оратора. Вездѣ *критики*, вездѣ *истолкованія* и *перетолкованія*, вездѣ *опредѣленія* и *раздѣленія*, и все для того, чтобы запутать, затемнить то, что само по себѣ и просто и ясно“. Говоря о томъ же предметѣ, остроумный *Сюарѣ* сказалъ: „Гений подобенъ Гуливеру, опутанному *Лилипутцами* во время сна его: онъ проснулся, привсталъ и разорвалъ паутины оковы, которыя карликами почитались за канаты“.

Онъ. Согласенъ и несогласенъ. Вы такъ меня засыпали *ситаціями*, что я и опомниться не успѣль. Но къ какому разряду, къ какому роду Словесности принадлежитъ „Борисъ Годуновъ“?

Я. Не знаю. Это тайна А. С. Пушкина. Онъ не назвалъ произведенія своего ни трагедію, ни драмою и никакимъ извѣстнымъ именемъ, относящимся къ драматическимъ сочиненіямъ. Но дѣло не объ имени, а о томъ: видите ли вы старину; видите ли тѣ лица, которыя тогда дѣйствовали; слышите ли вы ихъ рѣчи? прошедшаго нельзѧ переиначить. Слѣдственно: если Пушкинъ силою очарованія такъ увлекъ васъ въ прошедшее, что вы на время забыли настоящее; то онъ, какъ мнѣ кажется, достигъ цѣли своей. *У*

Онъ. И на это не дамъ рѣшительного отвѣта. У насть такъ много наговорено о *классицизмѣ* и о *романтизмѣ*, что я не знаю, къ чему пристать?

Я. Къ тому, куда сердце поведеть.—Свободныя искусства потому названы свободными, что они дозволяютъ наслаждаться тѣмъ, что кому нравится, а откладывать въ сторону то, что заставляетъ зѣвать. *У*

Онъ. Признаюсь, что Пушкинъ такъ быстро увлекалъ

меня за собою летучими своими переходами, что мнѣ нѣкогда было и передохнуть, и зѣвнуть.

Я. Слѣдственно, онъ достигъ своей цѣли...

Онъ. Слѣдственно...

Тутъ принесли ко мнѣ новый романъ: *Киргизъ-Кайсакъ*. Пріятель мой ушелъ, и я принялся читать и, при всей охотѣ моей къ раннему сну, зачитался до зари утренней. - Еслибъ мой пріятель спросилъ у меня мнѣніе мое о *Киргизъ-Кайсакъ*, то, по привычкѣ къ *ситаціямъ*, я отвѣчалъ бы ему словами *Паскаля*, котораго никто еще не причислялъ къ *романтикамъ*. „У сердца“, сказалъ онъ, «есть такіе доводы, которыхъ умъ не понимаетъ».

Вотъ вся тайна романтизма.

Мечтатель (С. Глинка).

* * *

*) *Борисъ Годуновъ. Сочиненіе Александра Пушкина.*

Твореніе первокласнаго Поэта, обращающаго на себя вниманіе отечественной и иностранной публики, достойно подобнаго, основательнаго, во всѣхъ отношеніяхъ обдуманнаго разбора, а на это надобно времѧ: вотъ почему мы донынѣ не печатали разсмотрѣнія сего новаго блистательнаго произведенія. Одинъ просвѣщенный любитель Литературы доставилъ намъ на сихъ дняхъ разборъ „Бориса Годунова“; но какъ статья его вышла весьма пространная, и заняла бы въ Сѣверной Пчелѣ нѣсколько нумеровъ сряду, то мы и рѣшились напечатать ее въ Сынѣ Отечества. Начало ея появится въ 24-й книжкѣ сего Журнала.

Изъ „Сѣверной Пчелы“.

* * *

**) Литературные преобразователи, подобно политическимъ, бываютъ двухъ родовъ: одни дѣйствуютъ по вну-

*) „Сѣверная Пчела“ 1831 г., № 133. „Новые книги“.

**) „Сынъ Отечества“ 1831 г., т. 20, часть 142 и 143, №№ 24, 25, 26, 27 и 28. Статья В. Плацсина, подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина: Борисъ Годуновъ.“

треннему голосу генія, по призванію; и хотя такъ, что не въ силахъ противостоять сему беспокойному, вѣчно алчу-щему дѣлъ духу, но во всѣхъ ихъ начинаніяхъ, дѣлахъ и преобразованіяхъ видна сила предвѣдѣнія, свободное избра-ніе. Такъ дѣйствовалъ велицій Ломоносовъ; такъ шель по слѣдамъ его менѣе сильный, съ менышею смѣлостію, но кажется, съ большеюувѣренностию, Карамзинъ; такъ дѣй-ствовалъ недовѣрчивый къ могуществу своему В. А. Жу-ковскій. Другіе развиваются свои силы и направляютъ ихъ беззаботно, не думая о своемъ великому назначеніи, о при-званіи—жить и дѣйствовать для человѣчества, вести его въ дѣлѣ совершенствованія. Первые имѣютъ свой постоян-ный характеръ: ихъ совершенства суть пополненія того, чего недоставало человѣчеству и къ чему оно уже готово; ихъ ошибки и заблужденія носятъ печать современности и мѣстности; — а послѣдніе равно постоянны, безхарактерны въ совершенствахъ своихъ и недостаткахъ; ихъ самое величіе нерѣдко кажется чудовищнымъ, часто остается незамѣченнымъ; ибо тамъ господствуетъ воля твердая, не-поколебимая и произвольная подчиненность принятymъ однажды навсегда правиламъ; здѣсь—прихоть, мелочные и ничтожные случаи, физическая необходимость, деспо-тизмъ вѣнчанихъ обстоятельствъ. Заслуги первыхъ мы при-нимаемъ съ благодарностью благотворимъ: ошибки про-щаемъ, какъ неизбѣжная слѣдствія слабости человѣческой природы; онѣ столь же поучительны, какъ долгъ, неожи-данно заплаченный; на ихъ безполезныя ошибки смотримъ, какъ на похищенія, ибо чувствуемъ—часто безъ созна-нія—что талантъ является на службѣ человѣчеству.

Я не хочу опредѣлять мѣста А. С. Пушкину въ ряду образователей нашей Литературы, потому что не пишу характеристики сего Поэта, а только думаю по возмож-ности оцѣнить послѣднее его произведеніе: *Борисъ Году-новъ*, и въ той только мѣрѣ буду касаться общаго духа его Поэзіи, сколько оный проявляется въ семъ произве-деніи.—Читатель увидитъ, когда сей Поэтъ возвышается даже надъ первыми, и когда падаетъ до послѣднихъ. Но тѣмъ не менѣе нахожу приличнымъ показать здѣсь глав-

ную заслугу Г. Пушкина относительно языка, и какъ полезное, такъ и вредное его влияніе въ нашей Литературѣ. Онъ послѣ И. А. Крылова, въ своемъ родѣ, по всей справедливости можетъ называться первымъ народнымъ поэтомъ, въ полномъ смыслѣ этого выраженія. Всѣ ихъ предшественники, Классики и Романтики, писали для немногихъ, для высшихъ только сословій; самые Баснописцы всегда употребляли языкъ книжный: И. А. Крыловъ *Басни*, а по томъ А. С. Пушкинъ *Поэмы* начали писать такъ, что одно и то же произведеніе и вельможа и простолюдинъ читаютъ съ равнымъ удовольствіемъ. Г. Пушкинъ не старается, такъ сказать, *официарствовать* Русскихъ витязей; онъ умѣлъ найти черты изящества въ нихъ самихъ; онъ не старается, подобно В. А. Жуковскому, обогащать Русской языкъ новыми оборотами, а разрабатываетъ богатый, неисчерпаемый рудникъ языка народнаго; онъ материальную часть нашего языка знаетъ лучше всѣхъ другихъ Писателей; его можно назвать окончательнымъ образователемъ виѣшней стороны нашей Поэзіи; онъ въ сладко-звукіи стиховъ превзошелъ даже Батюшкова. Но, съ другой стороны, большая часть его Поэмъ отличается бѣдностю содержанія, недостаткомъ единства идеи, цѣлости, *поэтической истины*, а часто смѣлость и удальство героя замѣняютъ доблестъ. Эти недостатки, не всегда замѣтные въ немъ по причинѣ прелести формъ, вошли въ моду у второстепенныхъ и мелочныхъ Поэтовъ, и многіе значительные таланты сдѣлались отъ сего подражанія смѣшными.

Лучшіе наши Критики давно отдали ему вѣнокъ первенства предъ всѣми Русскими новѣйшими Поэтами; противъ этого не могу ничего сказать; всѣ назвали его гениемъ,— противъ сего еще менѣе можно спорить; но думаю, время решитъ вѣрнѣе настѣ: ни голосъ друга, ни голосъ врага не пробьется сквозь тьму вѣковъ; ни злонамѣренная лесть, ни хилая зависть, ни усердное невѣжество не уменьшатъ и не увеличать силы истиннаго таланта. Гений есть искра Божества: дѣла его суть, какъ бы ревность къ мощной творящей природѣ, съ которой онъ находится въ непрерыв-

ной борьбѣ, въ какомъ-то непрестанномъ дружественномъ спорѣ; въ произведеніяхъ своихъ онъ простъ, но простота его недосягаема, — она всегда имѣетъ свою особенность; онъ свободенъ, но его свобода подчинена вѣчной идеѣ изящества, оживленной стройностю цѣлаго, величествен-ною доблестю; его произведенія возвышаютъ духъ и ра-дуютъ сердце бытіемъ своимъ; онъ небреженъ, но самая небрежность его разливаетъ какую-то сладость. Воспла-менившись предметомъ, онъ не думаетъ объ извѣстномъ классѣ читателей; онъ осуществляетъ свою идею, дабы плѣнить *человѣка!* — Геній не всегда чуждъ своеокрыстныхъ видовъ, но никогда не забываетъ человѣчества, коего онъ есть представитель и на службу коего явился, ибо самому себѣ принадлежитъ только своими страстями, чувствами, тѣмъ, что въ немъ есть обыкновеннааго. Онъ увлекаетъ за собою свой вѣкъ, или по крайней мѣрѣ націю. И такъ, если геній Поэта не принадлежитъ ему самому, если Поэтъ не имѣетъ права направлять его къ мелочнымъ житейскимъ расчётамъ, не можетъ употреблять его какъ игрушку, — что же есть Поэзія? Назовемъ ли ее *стопомърною рѣчию?* Это значитъ назвать безцѣлтные, безхарактерные, безжиз-ненные очерки, являющіеся только въ двухъ протяженіяхъ, Живописью! Не есть ли она стремленіе *подражать природѣ?* Нѣтъ! Тогда бы она не отличалась отъ Прозы, которая выражаетъ чувственныя представленія и умозрѣнія, возбу-жаемыя дѣйствительною природою, съ которою они имѣ-ютъ сходство. Прозаикъ идетъ по слѣдамъ природы; спи-сываетъ, подражаетъ, находится подъ вліяніемъ дѣйстви-тельности. Поэтъ чувствуетъ, что самыя изящнѣйшия произведенія природы суть чувственно-несовершенны, ибо они существуютъ не для себя, не какъ отдѣльныя, само-стоятельныйя, но *необходимо нужны для цѣлости вселенной*, которая необозрима, слѣдовательно, неощущаема, и при-томъ всякая часть природы первоначальною цѣлю имѣетъ назначеніе житейское, прозаическое, слѣдовательно, явля-ется какъ издѣліе ремесла. Посему духъ Поэта, преобла-дая надъ природою, побуждаетъ его къ преобразованію сей послѣдней, къ произведенію существъ идеальныхъ, чув-

ственno-совершенныхъ, которые самыми недостатками, отсутствиемъ существенности, малообъемлемостю, прозрачностю, какъ, напримѣръ: въ Живописи *третье протяжение*, въ Поэзіи *движение*, прельщаются насть; и въ семъ - то отношеніи Поэтъ выигрываетъ въ спорѣ съ природою.

Не имѣя надобности здѣсь различать Художество отъ Поэзіи, и сю послѣднюю раздѣлять подробно и точно, по родамъ предметовъ и способамъ изложенія, я однако почитаю необходимымъ для моей цѣли опредѣлить Поэзію Драматической, и отличить ее отъ всякой другой. Художества, какъ Искусства вещественно изящныя, оспаривають въ твореніяхъ своихъ и природу вещественную, но степенность которой ясно отражается въ постепенномъ переходѣ ихъ отъ *Пластики до Живописи Исторической*; а Поэзія, какъ Искусство идеальное, развивается по степенямъ духовной жизни человѣка: чувствованія изливаются въ *Лирической Поэзіи*; изображенія мечтаній о минувшемъ въ *Эпопеѣ*; прекрасные помыслы о дѣлахъ житейскихъ и нравственныхъ— въ *Дидактической Поэзіи*; живая дѣянія, рождаемая и сопровождающаяся сильными, постоянными чувствованіями, или чувствованія, являющіяся въ живыхъ дѣяніяхъ, питаемыхъ мечтами, устроемыхъ сильнымъ разумомъ къ возвышенню нравственного бытія человѣка, составляютъ *Драму*.

И такъ Драма, какъ изящное произведеніе, требуетъ известной идеи и сообразнаго оной выраженія, она нуждается въ стройности цѣлаго, въ доблести чувствованій и помысловъ и въ пріятности формъ; какъ словесное произведеніе, ищетъ связнаго теченія рѣчи и соблюденія правилъ языка; какъ Поэзія, должна выражать въ звучной, въ согласно текущей рѣчи мірѣ идеальный. Но всѣ сіи условія еще не опредѣляютъ Драмы: она есть послѣднее высшее развитіе изящнаго; представляеть дѣянія нравственно-духовныхъ существъ, которые, въ слѣдствіе изложенныхъ требованій, не могутъ здѣсь являться съ характерами обыкновенными, каковые мы встрѣчаемъ повсемѣстно. Если Драма *положительно изящная, не комическая*, то она отмѣтаетъ все смѣшное; здѣсь мелочная повседневная движе-

нія сердца не могутъ ни вести ни останавливать дѣйствія. Впрочемъ это не значитъ, что Поэтъ долженъ выбирать дѣйствія, имѣющія только историческую важность — нѣтъ! — только великие характеры могутъ дѣйствовать въ *высокой* драмѣ; только души сильныя, борясь или съ собственною натурою, или съ игрою случая и прихотью судьбы, или ухищреніями и страстями другихъ лицъ также сильныхъ, могутъ потрясти, возвысить душу крѣпкую и привести ее въ умиленіе; ибо цѣль Драмы, равно какъ и всего изящнаго, сдѣлать читателя или зрителя чувствительнѣе, добре, благороднѣе.

Сей родъ Поэзіи требуетъ дѣйствія занимательнаго, сильнаго, достаточнаго для дѣйствованія на благородно-чувственную сторону: это необходимое условіе Драмы. Сія необходимость предполагаетъ извѣстныя *единства*, безъ которыхъ нельзя держать въ безпрерывномъ напряженіи душу зрителя и направлять его чувствованія. Но что сіи *единства*? Какъ должно понимать ихъ? Чего требуетъ, относительно сихъ единствъ, существо Драмы! — Ихъ считается обыкновенно три: единство дѣйствія, единство времени и единство мѣста; но забываютъ къ тому прибавить четвертое, единство характеровъ, и кажется потому, что сливаютъ оное съ первымъ. Ежели это предположеніе справедливо, то я не знаю, почему бы всѣхъ ихъ не слить въ одно единство дѣйствія, ибо подъ симъ послѣднимъ надобно разумѣть не только безпрерывную послѣдовательность случаевъ, къ одному концу направленныхъ и развивающихъ ходъ Драмы, но и преимущественно то, чтобы все дѣйствіе имѣло одинаковый характеръ, несмотря ни на какія препятствія, ускоренія и измѣненія, чтобы каждое лицо, при всѣхъ бореніяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ, дѣйствовало по одному чувствованію, или одной ідеѣ; чтобы физіономія его видна была во всѣхъ многоразличныхъ положеніяхъ; чтобы желанія и усилія всѣхъ вмѣстѣ самымъ противоборствомъ своимъ составляли одно цѣлое *дѣйствие*. Слѣдовательно Драма можетъ столько обнимать времени, сколько, по естественному ходу дѣль, чувствованія и идеи, какъ силы, движущія героевъ, могутъ сохранять свой ха-

рактеръ.—И такъ количество времени здѣсь опредѣляется степенью измѣняемости побужденій къ дѣйствію; посему высокая Драма ни совершиться не можетъ въ нѣсколько часовъ, ни продолжиться на нѣсколько возрастовъ человѣка. Вотъ единство времени! — Мѣсто дѣйствованія подчиняется тѣмъ же условіямъ; впрочемъ перемѣна оного ограничивается не одною возможностію, но и необходимостию, проистекающею изъ характера дѣйствія и обстоятельствъ, въ которыхъ находятся лица. Ибо что можетъ быть непріятнѣе, когда видишь, какъ Сочинитель выводитъ героеvъ своихъ на сборное мѣсто, подобно Китайскимъ тѣнямъ, чтобы показать ихъ зрителю, или когда заставляетъ зрителя на *коврикъ самолетъ* гоняться по *бѣлу свѣту* за героями, потому только, что они властны быть *тамъ и сямъ*? Зритель можетъ перенестись и за *тридевять земель*, если необходимый ходъ дѣйствія требуетъ того, такъ, чтобы мѣсто, развивая оное, не могло быть перемѣнено, не вредя цѣлому.

Вотъ условія, безъ которыхъ нельзя произвести извѣстнаго вліянія въ чувствованіяхъ, дабы дать имъ то или другое направлениe; но Поэтъ, хотя и не обязанъ размножать наши познанія, уничтожать заблужденія, объяснять метафизическія и историческія истины, однако онъ не можетъ положительно противорѣчить симъ послѣднимъ и вводить насъ въ заблужденія; а драматическій Поэтъ, представляя въ изящныхъ видахъ свободно - дѣятельную сторону человѣка, отдаленнѣйшею цѣллю имѣеть нравственность. Посему дѣйствіе драмы должно быть назидательно; и притомъ какъ общій ходъ ея, такъ и частные поступки лицъ, ихъ мысли и чувствованія, изображая собственные ихъ характеры, должны выражать и характеръ того народа и духъ того времени, къ которымъ принадлежитъ дѣйствіе. Языкъ, также удовлетворяя симъ требованіямъ, долженъ быть чистъ, благороденъ, звученъ и выразителенъ.

Конечно, приступая къ разбору извѣстнаго сочиненія, кажется совсѣмъ бы не нужно было говорить столь много о предметахъ постороннихъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣю-

щихъ съ главнымъ предметомъ связь посредственную, отдаленную; но не всегда и вездѣ можно дѣйствовать оди-наково: у насъ мнѣнія литературныя еще совсѣмъ не уста-новились,—они теперь какъ бы въ какомъ-то броженіи; одни крѣпко держатся старофранцузской чопорной школы, и го-тovy прокричать: *анаема, аще кто прибавитъ или уба-витъ!* Другие хотятъ произвести какую-то литературную революцію, полагая, что Романтизмъ не долженъ имѣть ни правиль ни законовъ; они думаютъ установить какое-то, въ отношеніи къ изящному, равенство между частями, дѣйствіями, явленіями и даже отправленіями природы, и, какъ бы въ отмщеніе доблестному самоотверженію героевъ и величию душъ сильныхъ, которая во всѣхъ вѣкахъ вос-пламеняли геніи пѣснопѣвцевъ, съ болѣшимъ жаромъ вос-пѣваютъ низкихъ бродягъ, головорѣзовъ, бездушныхъ са-моубийцъ, безжизненныхъ сластолюбцевъ, сладострастныхъ буяновъ, нежели великихъ людей. Третыи, боясь отступить отъ учительскихъ тетрадокъ, ищутъ въ Поэзіи положи-тельныхъ наставлений, и не отличаютъ Поэмы отъ Исторіи, Сатиры отъ Проповѣди. Не принадлежа ни къ одной изъ сихъ партій, равно и ко многимъ другимъ, основаннымъ на дружбѣ, на расчетахъ и проч., я счелъ нужнымъ предва-рительно обнаружить мой образъ мыслей о семъ предметѣ, дабы показать и самое въ дѣлѣ семъ мое намѣреніе, ко-торое проистекаетъ изъ внутренняго моего убѣжденія.

Можетъ быть, Поэтъ и всякий другой читатель найдетъ здѣсь ошибочная мнѣнія — это необходимо; но никто не уличить меня въ злонамѣренности и пристрастіи. Только любовь, только состраданіе къ сиротствующей нашей Ли-тературѣ, которую нещадно искажаютъ великіе таланты, созданные для того, чтобы возлелѣять, возрастить и возве-личить ее, побудили меня накликать на себя непріязнь усердныхъ защитниковъ того, кто выше ихъ покрова. Можеть быть, какой-нибудь юный талантъ услышитъ мой голосъ, и... но къ дѣлу.

Прочитавъ *Бориса Годунова*, стараешься припомнить дѣй-ствіе, хочешь остановиться на тѣхъ случаяхъ, которые бы, удерживая героевъ въ подвигахъ доблестныхъ, или

увлекая къ бѣдствіямъ и гибели, беспокоили, тревожили, устрашали читателя, но—не находишь сего! Ищешь сильныхъ, возвышенныхъ чувствованій, и — кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ, принужденъ оставаться довольствоваться милыми, живыми, вѣрными списками съ обыкновенной природы!

Конечно, можно бѣло спросить: зачѣмъ произведеніе сіе названо *Борисъ Годуновъ?* Можетъ ли *Борисъ* называться главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, героемъ Драмы?—

Рѣшительно нѣтъ! — Но это назовутъ мелочными придирками; это послужитъ источникомъ и основаніемъ эпиграммъ. — И такъ, разсмотримъ *дѣйствіе*. Оно состоитъ изъ 22, въ разныхъ мѣстахъ происходящихъ сценъ: въ 1-й,— 1598 года, въ Кремлевскихъ палатахъ — Шуйскій, утверждая, что Борисъ притворно отговаривается отъ Престола, котораго конечно никакъ и никому не уступить, разсказываетъ Воротынскому о убиеніи Димитрія, о своемъ криводушіи, спомоществовавшемъ скрыть злодѣяніе, и доказываетъ права всѣхъ Князей на престолъ.—

Во второй,—на Красной площади—Щелкаловъ, верховный Дьякъ успокаиваетъ сѣтующій народъ, объявляя, что Патріархъ и Бояре хотятъ употребить рѣшительное средство къ убѣждению Бориса принять Корону.—Въ 3-й, въ Кремлевскихъ палатахъ — Борисъ, упрощенный за кулисами, на сценѣ соглашается царствовать; а Шуйскій, который и прежде зналъ, чѣмъ все это кончится, теперь отказывается отъ своихъ словъ, за что Воротынскій назвалъ его *лукавымъ царедворцемъ*. — Четвертая сцена происходитъ 1603 года въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ *никто Григорій*, разсказалъ свой сонъ отцу Пимену, который писалъ въ то время лѣтопись, разспрашивается у него о смерти Царевича, и потомъ грозить Борису судомъ мірскимъ и Божіимъ.—Въ 5-й—палата Патріарха—Патріархъ приказываетъ пойматъ убѣжавшаго Григорія.—6-я представляетъ въ царскихъ палатахъ двухъ Столъниковъ, разбѣжавшихся при появлѣніи Царя, который, поскучавъ неблагодарностю народа, и самъ скрывается.—7-я состоитъ въ томъ, что монахи, пируя въ корчмѣ на Литовской границѣ, попались

въ руки царскимъ сыщикамъ, отъ которыхъ Григорій бывшій съ монахами, хотѣлъ было отдѣлаться хитростю; но не успѣвъ въ томъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ, и тѣмъ спасся.—8-я представляетъ домъ Шуйскаго, гдѣ множество гостей ужинаютъ и, выпивъ за здоровье Царя, расходятся; остается одинъ Пушкинъ, разсуждаетъ съ хозяиномъ о Самозванцѣ, о предстоящей опасности, о безразсудной жестокости Бориса, окружившаго всѣхъ Бояръ шпіонами, и уходитъ.—Въ 9-й царскія палаты—Царевна оплаиваетъ жениха; Царевичъ чертитъ карту; Царь, вошедъ, состраждеть первой, одобряетъ трудъ другаго, наслаждается семейственнымъ счастіемъ; но Семенъ Годуновъ, явившись съ доносами, разстроилъ тихія и пріятныя мечты Царя; ихъ мѣсто заступаетъ подозрѣніе и злоба. Когда же является Шуйскій и обнаруживаетъ опасность отъ появленія Самозванца, то страхъ и отчаяніе овладѣваютъ сердцемъ Царя. Въ 10-й сценѣ, которая происходитъ въ Краковѣ, въ домѣ Вишневецкаго, сначала Pater Черниковскій даетъ наставленія Самозванцу, потомъ сей послѣдній принимаетъ всѣхъ собирающихся подъ его знамена. 11-я представляетъ балъ въ Самборскомъ домѣ Миншека. Марина назначаетъ тайное свиданіе Самозванцу; въ слѣдствіе сего назначенія, онъ является *ночью, въ саду, у фонтана*—это 12-я сцена,—и тамъ сначала въ монологѣ, а потомъ предъ Мариною изливаетъ свои чувствованія любви; но сія гордая шляхтянка, упоенная мечтами будущаго величія, а не любовью, заставляетъ его разсказать, что онъ бродяга. Марина, оскорблennая любовью и надеждами обманщика, рѣшается разорвать съ нимъ связь и открыть его обманъ, но за гордость и рѣшимость признаетъ его Царевичемъ, вопреки собственному его признанію, и уходитъ, приказавъ ему спѣшить въ Москву.

Въ 13-й, Самозванецъ съ войсками переходитъ Литовскую границу, гдѣ онъ завидуетъ чистой радости Курбскаго.—14-я представляетъ думу Царскую. Патріархъ совѣтуется, для успокоенія народа, волнуемаго появленіемъ Лже-Димитрія, открыть моги Димитрія; но Шуйскій, замѣтивъ смущеніе Царя, отклоняетъ сей совѣтъ, и берется

самъ успокоить встревоженный народъ.—15-я происходит близъ Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ, при побѣгѣ Царскихъ войскъ, Маржеретъ и Вальтеръ-Розенъ разсуждаютъ по-французско-Нѣмецки о семъ дѣлѣ.—Въ 16-й, предъ дверьми Собора, Царь далъ милостыню юродивому за то, что сей совѣтовалъ ему перерѣзать ребятишекъ, какъ онъ запрѣзалъ Царевича.—Въ 17-й—Сѣвскъ.—Самозванецъ допрашиваетъ плѣнного Русскаго, осуждаетъ распоряженія Бориса, приказываетъ приготовиться къ бою; плѣнникъ пугаетъ Поляка кулакомъ.—Въ 18-й—Лѣсь.—Лже-Димитрій и Пушкинъ, спасаясь послѣ пораженія, располагаются ночевать въ лѣсу.—19-я происходитъ въ Царскихъ палацахъ: Борисъ предполагаетъ уничтожить мѣстничество, поручаетъ Басманову главное начальство надъ войсками, идетъ принять гостей иноземныхъ, и вдругъ, почувствовавъ приближеніе смерти, дѣлаетъ завѣщаніе Царевичу и приказываетъ постричь себя въ схиму.—Въ 20-й, ставка Басманова.—Пушкинъ, посланный самозванцемъ къ Басманову, склоняетъ его измѣнить Феодору; Басмановъ остается вѣренъ; Пушкинъ уходитъ, тотъ начинаетъ колебаться, и вдругъ на что-то рѣшается.—Въ 21-й, Пушкинъ на лобномъ мѣстѣ убѣждаетъ народъ принять сторону Лже-Димитрія. Народъ въ изступленіи стремится ко дворцу низложить Феодора.—Въ послѣдней сценѣ Голицынъ, Масальскій, Молчановъ, Шерифединовъ и три стрѣльца входятъ въ домъ Годунова, и задушивъ Царицу вдову и Феодора, объявляютъ, что они отравились ядомъ.

Изъ сей выписки содержанія, въ которой я старался ни прибавить, ни убавить, какъ связи, такъ и несвязности, видно, что дѣйствіе Драмы не имѣть ни единства, ни полноты; ибо сначала дѣйствующая сила содержится въ Борисѣ, а съ четвертой сцены все принимаетъ другой видъ: дѣйствіе проистекаетъ изъ Самозванца, такъ, что Бориса уже нѣтъ, а Драма все еще идетъ. Множество совершенныхъ картинъ, которыхъ хотя мастерски отдѣланы, не имѣютъ здѣсь никакой цѣли, и нимало не способствуютъ ходу дѣлага; напримѣръ: разговоръ Патріарха съ Игуменомъ, превосходно изображая важную духовную особу того вре-

мени, не развиваетъ общаго дѣйствія. Слѣдующая за тѣмъ сцена, въ которой два Стольника превратно изображаютъ характеръ Царя, а сей, хотя довольно вѣрно, но совершенно не у мѣста описываетъ характеръ народа—есть лишняя. Балль у Мнишека и слѣдствіе онаго—свиданіе у фонтана, не имѣютъ ни малѣйшей связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, и проч.

Дѣйствіе сіе и отъ того теряетъ единство, что Сочинитель взялъ время разнохарактерное, ибо во время избрания Бориса, народъ любилъ его, и желаніе имѣть его Царемъ было всеобщее, единодушное, искреннее; да и самъ Борисъ находилъ пищу для своего честолюбія въ благотвореніи народу; властолюбіе его было тѣсно соединено съ пользами государства; а подъ конецъ его царствованія, безумные временщики, низкіе доносчики и қлеветники рассторгли взаимную довѣренность между Царемъ и народомъ, а тѣмъ, разрушивъ счастіе того и другаго, возродили взаимную ненависть. Тогда царь по временамъ прибѣгалъ къ мѣрамъ жестокимъ, ненавистнымъ народу, а сей послѣдній, забывъ благодѣянія, сдѣлался неблагодарнымъ: подстрекаемый боярами, ропталъ на Царя Бориса и по зорно предалъ родъ его. По сей разнохарактерности все сіе время не можетъ входить въ одну Драму, хотя бы оно въ пяти часахъ заключалось,—предположимъ невозможное. Дѣйствующія лица здѣсь въ началѣ Драмы являются съ такими побужденіями и желаніями, которыхъ они послѣ бѣгутъ, не терпятъ. Народъ пламенно желаетъ власти Годунова, потомъ хладнокровенъ къ ней, на конецъ ненавидитъ ее. Это естественно въ Исторіи, позволительно въ Романѣ, но въ Поэмѣ, а преимущественно въ Драмѣ, такое разночувствіе можетъ быть допущено въ такомъ только случаѣ, когда то и другое чувствованіе проистекаютъ изъ одного источника, или когда одно изъ другаго рождается непосредственно, какъ, напримѣръ, любовь и мщеніе за истинную или мнѣмую невѣрность. Здѣсь любовь берется только какъ завязка,—начало, ревность—дѣйствіе, мщеніе—развязка, и потому только совмѣщаются въ одномъ произведеніи, что отдельно существовать не могутъ. Гри-

горій (а кто онъ? откуда и зачѣмъ здѣсь? это загадка!) является вначалѣ простымъ мечтателемъ, не понимаетъ даже сна, предвѣщающаго участъ его, завидуетъ безнадежно младымъ, со славою проведеннымъ, лѣтамъ Пимена, угрожаетъ Борису судомъ божескимъ и человѣческимъ безъ всякихъ видовъ, и вдругъ въ слѣдующей же сценѣ говаряеть о немъ, какъ о Самозванцѣ. Борисъ совсѣмъ не имѣеть характера: онъ дѣйствуетъ несравненно менѣе, нежели въ Исторіи, хотя мы отъ Поэзіи ожидаємъ всегда болѣе; хотимъ видѣть не только дѣйствительное, но и неизрѣдь возможное,—и не встрѣчаемъ ни одного рѣшительного движенія воли его, кромѣ возвышенія Басманова. Посему онъ нисколько не занимаетъ нась, не возбуждаетъ никакого участія. Второстепенные лица совершенно не дѣйствуютъ; ни одно изъ нихъ не имѣеть собственного желанія, или идеи, такъ сказать, движущей и привязывающей его къ общему дѣйствію. Доказательства сего мнѣнія будутъ послѣ, для избѣжанія повтореній.

Съ одной стороны излишество или неумѣстное введеніе случаетъ, не имѣющихъ ничего драматического, съ другой—опущеніе необходимыхъ для сообщенія характера дѣйствію, для возбужденія участія, и третie, какъ слѣдствіе того и другаго—недостатокъ связи въ ходѣ цѣлаго, представляютъ Драму въ отрывкахъ, заставляютъ безпрестанно переселяться съ одного мѣста на другое безъ всякой нужды. Это кочеваніе происходитъ отъ того, что Поэтъ выбираетъ мѣста, которыя совсѣмъ неспособны развить дѣйствіе, а иногда мѣсто прямо противорѣчить дѣйствію.

Все, сказанное доселѣ вообще, яснѣ можно видѣть изъ частнаго разбора каждой сцены въ отдѣльности самой по себѣ, и въ отношеніи къ другимъ. Но сіе предполагаемое разсмотрѣніе покажетъ намъ и множество частныхъ красотъ, истинно высокихъ.

О первой сценѣ можно замѣтить, что она происходитъ на такомъ мѣстѣ, которое стѣсняетъ ее и необходимо заставляетъ, прервавъ дѣйствіе, перенести оное тотчасъ на другое мѣсто, болѣе приличное; ибо нужно показать участіе народа въ дѣлѣ избранія Царя; да и время выбрано

неудачно. Если бы Поэтъ началъ свою драму послѣднимъ днемъ избранія, то всѣ три первыя сцены составляли бы связное и богатое дѣйствіемъ начало, а преимущественно послѣдняя изъ нихъ могла имѣть и особенную силу и занимательность, когда бы она происходила всенародно; и тутъ какои-нибудь случай или злонамѣренность бросили бы сѣмѧ будущей бури, которая бы предугадываема была зрителемъ или читателемъ, а не дѣйствующими; тогда сіе начало имѣло бы связь съ послѣдующимъ, родило бы ожиданія, предположенія, опасенія. 2-с. Шуйскій, котораго, не говорю объ Исторіи—и Воротынскій и самъ Борисъ называютъ *лукавымъ царедворцемъ, уклончивымъ, несмѣльнымъ и лукавымъ*,—здесь является завистливымъ говоруномъ; онъ разсказываетъ безъ всякой надобности, безъ цѣли, о убіеніи царевича, о своемъ потворствѣ злодѣянію, разсуждаетъ о преимуществѣ своихъ правъ на престолъ предъ Годуновымъ. Правда, цѣль сего послѣдняго поступка ясно выражена въ стихахъ:

„Когда Борисъ хитрить не перестаетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова;
Своихъ *князей* у нихъ довольно, пусть
Себѣ въ Цари любого изберутъ“.

Но неужели это слова хитраго честолюбца?— Мысль, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, естественная, слѣдовательно позволительная Поэту, который вымыслами украшаетъ историческія наши свѣдѣнія, и, такъ сказать, пополняетъ дѣйствительное возможнымъ; и всего приличнѣе родиться ей въ головѣ Шуйскаго, который, вѣроятно, не изъ одного страха, какъ онъувѣряетъ Воротынского, скрылъ злодѣяніе Бориса—если только оно было,—его могли склонять къ тому и различныя надежды, ближайшая или отдаленныя.— Но какъ сія ужасно смѣлая мысль выражена человѣкомъ хитрымъ столь прямо, открыто, сказана человѣкомъ честолюбивымъ столь холодно, мимоходомъ, и кому же? Воротынскому!—Человѣку, который, при всемъ вліяніи на него мѣстническаго духа, вѣритъ отъ души, что Годуновъ

исполинъ предъ ними!—Шуйскій здѣсь представленъ столь хитрымъ, что самъ долженъ былъ напомнить о семъ Воротынскому. З-е. Сцена сія не можетъ похвалиться и Поэзію;—прелестные, легкіе *Пушкинские* стихи,—но нѣтъ ни чувствованій, ни смѣлыхъ мечтаній, ни высокихъ мыслей. Нельзя также не замѣтить здѣсь совсѣмъ не-поэтическаго сравненія:

„Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина...“

Это сравненіе не всегда можетъ быть позволено даже комедіи, и притомъ выраженіе: что пьяница *предъ* чаркою поморщится, неправильно, ибо частица *что* тогда только употребляется въ сравнительномъ смыслѣ, когда мы сравненіе произносимъ съ удивленіемъ, отдавая преимущество сравниваемой вещи предъ тою, съ которой она сравнивается. Напримеръ: *рубашка на немъ что кленовъ листъ*, или: что твой кленовъ листъ!

Вторая сцена, происходящая на Красной площаади, во-первыхъ, доказываетъ безхарактерность Шуйскаго, который, вопреки своему плану и обѣщанію, не пользуется притворнымъ или истиннымъ упрямствомъ Бориса и раздражительнымъ состояніемъ народнаго духа, который въ таковыхъ обстоятельствахъ легко воспламеняется. Во-вторыхъ, она представляеть и народъ также безхарактернымъ, ибо слышавъ стихи:

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

мы ожидаемъ отъ народа сильныхъ движеній, настоятельныхъ требованій, подстрекаемыхъ недовѣрчивостію и нетерпѣніемъ. Но чѣмъ же все кончилось? Верховный Дѣякъ выходитъ, разсказываетъ о послѣднемъ предполагаемомъ средствѣ убѣжденія Годунова, совѣтуетъ народу итти по домамъ, и народъ молча расходится. Какой быстрый и неестественный переходъ отъ страсти къ спокойствію! Едва

ли возможно такъ легко управляться и съ однимъ человѣкомъ!—Вообще сцена сія необходима для цѣлости Драмы, но ежели допустить ее въ такомъ видѣ, какова теперь, то она не имѣетъ цѣли, ибо не выражаетъ ни слѣдствія предыдущей, ни причины слѣдующей.

Еще слово о народной жалобѣ, а именно о выраженіи: *о Боже мой!* Это голосъ не Русскаго народа. Русскій одинъ не скажетъ о Богѣ: *мой*, а говорить обыкновенно: *нашъ*; и притомъ Русскіе любятъ сложныя восклицанія и воззванія, какъ, напримѣръ: Ахъ, Господи, Боже нашъ! О Пресвятая Богородица! и т. п.—Конечно, у другаго Писателя, такія обмолвки можно опустить безъ замѣчанія, а иногда даже грѣшно замѣтать; но Г. Пушкинъ, понявъ вполнѣ характеръ Русскаго языка, не долженъ особенностями и красотами его жертвовать упрямству стиха.

За симъ слѣдуетъ согласіе Бориса на принятіе короны; оно конечно кажется слѣдствіемъ предшествующаго; но гдѣ эта строгая послѣдовательность, въ которой Поэма, Драма и Исторія равнѣ нуждаются, чтобы читатель видѣлъ необходимо, непрерывное теченіе случавъ одного за другимъ, которыя бы всѣ вмѣстѣ изображали человѣчество въ томъ или другомъ отношеніи? Исторія ограничивается дѣйствительностію; Поэма ведетъ къ мечтательно-возможному, а Драма стремится къ непремѣнно-возможному.—Борисъ принимаетъ корону (и между прочимъ хитрый Шуйскій отказывается отъ словъ своихъ, и тѣмъ даетъ противъ себя орудіе безхарактерному Воротынскому). Но какъ происходило избраніе, которое и въ Исторіи умилительно и въ дѣйствительности очаровательно? Поэтъ, по какому-то непонятному выбору, все это выпустилъ, и только сказалъ, что совершилось—даже не рассказалъ какъ. Посему во всѣхъ сихъ трехъ сценахъ нѣтъ ни тридцати поэтическихъ стиховъ. Это прекрасная проза!—Вотъ, по моему мнѣнію, самое лучшее мѣсто:—Борисъ говоритъ:

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ Бояре:
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть

Велику страхомъ и смиреньемъ.
 Сколь тяжела обязанность моя!
 Наслѣдуя могущимъ Иоаннамъ—
 Наслѣдую и Ангелу — Царю—!...
 О праведники! О мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ,
 И ниспошли тому, кого любилъ ты,
 Кого ты здѣсь столь сильно возвеличили,
 Священное на власть благословеніе:
 Да правлю я во славѣ свой народъ,
 Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Человѣкъ обыкновенный, истинно боявшійся воцаренія, въ подобныхъ обстоятельствахъ конечно не могъ бы говорить иначе; но Борисъ, тотъ самый, каковымъ представляютъ намъ его Историки и Поэты, не могъ говорить такимъ образомъ. Слѣдовательно и эти прекрасные, умильные стихи несообразны лицу говорящему.

Четвертую сцену можно считать началомъ Драмы. И если бы Драма сія была названа *Григорій Отреієвъ*, если бы сей герой открылъ здѣсь свои намѣренія, хотя не прямо, то и дѣйствіе ея менѣе бы отступало отъ единства. Здѣсь является и поэзія, достойная г. Пушкина; особенно же отличается рѣчь лѣтописца *Пимена*, монаха Чудова монастыря; напримѣръ:

На старости я съзнова живу,
 Минувшее проходитъ предо мною —
 Давно-ль оно неслось событій полно,
 Волнуясь, какъ морѣ Окіянъ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно;
 Не много лицъ мнѣ память сохранила,
 Не много словъ доходить до меня,
 А прочее погибло невозвратно!

Поэтъ совершенно понялъ Пимена въ его положеніи. Представимъ себѣ старца, который, какъ свидѣтель дѣлъ великихъ и ужасныхъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва, ведетъ Лѣтопись и надѣется, что его *правдивыя* сказанья прейдутъ тьму забвенья, что онъ есть органъ суда человѣческаго надъ правителями міра, что онъ *вѣщаетъ*,

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбину,
Своихъ Царей—великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.

Какая великая мысль! Стоять между предками и потомствомъ, и маніемъ руки, силою слова, передавать минувшее грядущему!

Старецъ, стоя передъ прагомъ вѣчности, видитъ, какъ дѣла предковъ назидательны, какъ они близки къ сердцу потомства; видитъ, какъ это все *невозвратно погибаетъ*; озираетъ свой вѣкъ, богатый дѣлами, и—долгую жизнь и *книжное искусство* — даръ, въ то время великий — посвящаетъ на службу человѣчеству. Мысль гениальная, высокая! Она имѣеть столько силы, чтобы воспламенить самую дряхлую старость. Но сія воспламененность выражена языкомъ старца, снова почувствовавшаго жизнь, языкомъ сообразнымъ предмету и въ стихахъ прекрасныхъ, легкихъ, звучныхъ, словомъ: здѣсь видѣнъ *Пушкинъ*.

Остальная часть сцены сей, хотя стоить выше сценъ предшествующихъ, но не имѣеть того величія, какого-бъ можно было ожидать по многимъ условіямъ. Сонъ Григорія разсказанъ особенно слабо: если предположить, что Григорій въ то время замышлялъ уже низверженіе Годунова, то сіи царственные грезы должны сильно волновать его надменную, беспокойную душу, и сонъ его долженъ быть ужасенъ; если же этотъ сонъ предупредилъ самый зародышъ сихъ умывсловъ, если онъ былъ, такъ сказать, пророческій, то самое свойство его требуетъ источника сильнаго; онъ можетъ проистекать только изъ души смѣлой, пламенной, способной, въ минуты восторговъ и раздражительныхъ потрясеній, сквозь тѣлесную преграду провидѣть будущее въ чистыхъ или иносказательныхъ видахъ. Это была бы самая возвышенная, смѣлая и пламенная Поэзія. Мечты Григорія и преимущественно воспоминанія Пимена о царствованії Іоанна и Феодора, о кончинѣ сего послѣдняго, — дышать Поэзіею легкою, прелестною. Разсказъ старца объ ужасной

смерти Димитрія Царевича исполненъ силы; необыкновенная быстрота даетъ ему рѣдкую живость, а простота сообщаетъ трогательную выразительность:

„Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальний Угличъ
На нѣкое былъ послано послушанье
(Стихъ тяжелъ).

Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда-жъ—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаянїи рыдаетъ,
А тамъ народъ, остервенѣясь, волочитъ
Безбожную предательницу мамку...“ и т. д.

Это образецъ обыкновенной Г. Пушкина Поэзіи—искусственное соединеніе легкости съ важностью!

Монологъ Григорія силенъ, однако оставляетъ еще желать многаго, и притомъ наводитъ какое-то тяжелое недоумѣніе: ибо любопытство, искательность Григорія, ненависть его къ Борису и нѣкоторыя послѣдствія рождаютъ мысль, что онъ еще давно питалъ замыслы свои; но, не выразивъ ихъ прямо въ настоящей сценѣ, даетъ поводъ думать, что замыслы сіи родились въ немъ случайно, вдругъ. Зачѣмъ поставлять читателя въ такое недоумѣніе, которое закрываетъ истинный характеръ героявъ?

Послѣ сего дѣйствіе переносится на минуту въ палаты Патріарха, который говоритъ съ Игуменомъ Чудова монастыря о побѣгѣ и самозванствѣ Григорія. Языкъ Игумена и Патріарха столь естественъ и сообразенъ лицамъ говорящимъ и предмету рѣчи, что, очаровавъ читателя, переносить его въ вѣкъ простоты, въ чертоги сего Первосвятителя, который на слова Игумена:... „былъ онъ весьма грамотенъ..... но знать грамота далась ему не отъ Господа Бога...“ съ душевной простотою отвѣчаетъ: „Ужъ эти мнѣ грамотни... Ахъ, онъ сосудъ діявольскій!... Поймать, пой-

матъ врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ Игуменъ?» Что можетъ быть проще, естественнѣе, чистосердечнѣе послѣдняго вопроса? Но эта, сама по себѣ очаровательная сцена, совершенно неумѣстна: въ какой связи состоить она съ предшествующими? Приготовляеть ли читателя къ слѣдующей, которая происходитъ въ Царскихъ палатахъ? и, мимоходомъ сказать, совершенно также лишняя. Здѣсь одинъ Стольникъ, пришедъ, спрашивается у другаго: „гдѣ Государь?“

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

Такъ вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуны.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чёмъ гадаетъ онъ?

Второй.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый.

Какъ онъ угрюмъ! (*Уходитъ*).

Для чего явленіе этихъ двухъ лицъ? Не для того ли, чтобы показать главныя и любимыя занятія Царя и боязливость придворныхъ, бѣгающихъ отъ его угрюмости? Но въ такомъ случаѣ, кажется, позволительно спросить: желалъ ли Поэтъ изобразить Бориса лицемъ совершенно идеальнымъ, или историческимъ? — Если идеальнымъ, то для сего Борисъ совсѣмъ негодится: во-первыхъ, потому, что онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ Исторіей; никакая гениальная сила не отторгнетъ его отъ оной; во-вторыхъ, потому, что, будучи совершенно необыкновеннымъ явленіемъ нравственно-политического міра, не требуетъ посторонней сильной помощи для того, чтобы удивить читателя величиемъ и потрясти душу его чудесною своей судьбою.

И при томъ решительно можно сказать и доказать, что и историческая черты сего лица доселе не исчерпаны всѣ, и много, много великаго еще не отгадали въ семъ человѣкѣ, хотя все худое и Прозаики и Поэты увеличили до иперболы. Если же Поэтъ хотѣлъ представить своего героя лицемъ историческимъ, въ современномъ его вѣку изящномъ костюмѣ, пополняя дѣйствительность непремѣнно возможнымъ, и выпуская все житейское, холодное, мелочное, прозаическое, то съ какимъ намѣреніемъ всѣ важныя и маловажныя лица Драмы и на площади, и во дворцахъ, и въ кельяхъ монашескихъ говорятъ о немъ только *худое?* Правда, Воротынскій изъ боязни или слабодушія говоритъ Шуйскому:

Да, трудно намъ тягаться съ Годуновымъ...

а Басмановъ, находя свои выгоды въ истребленіи мѣстничества:

И много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворить...

Но самыя побужденія и обстоятельства обезсиливаютъ сіи незначительныя похвалы. Похваливаетъ иногда онъ самъ себя, да и то не совсѣмъ выгодно, ибо вслѣдъ за побѣгомъ Стольниковъ, онъ въ длинномъ монологѣ между похвалами наговорилъ на себя много небылицъ, совсѣмъ не похвальныхъ. Неужели Поэтъ хотѣлъ возвысить Драму свою опущенiemъ великихъ свойствъ и дѣйствій Годунова? Она много потеряла отъ сей односторонности въ изображеніи характера героя; отъ сего читатель не принимаетъ въ судьбѣ его никакого участія, не тревожится опасностями и не жалѣтъ о гибели его; ничто не располагаетъ въ его пользу. Если же это было его намѣреніе, то надлежало бы противодѣйствующее лицо поставить въ затруднительныя и опасныя положенія, которыя бы тревожили читателя относительно его судьбы.

Но обратимся къ монологу Царя. Когда человѣкъ способенъ говорить самъ съ собою? Въ минуты сильнаго вол-

ненія чувствованій, которая, подобно огнямъ подземнымъ, насильственно исторгаются изъ груди его, но которыхъ или никто не хочетъ слушать, или никому не смѣеть онъ открыть. О чёмъ же Борисъ говоритъ? Рассказывается о своихъ благодѣяніяхъ народу, о неблагодарности, несправедливости послѣдняго; оправдываетъ себя во всѣхъ клеветахъ народа. Это не тайна! и кажется, приличнѣе бы всего было такъ говорить предъ другими, и даже всенародно. Только въ концѣ нѣсколько намекаетъ о томъ, что не терпитъ гласности, и заставляетъ подозрѣвать въ какомъ-то тайному злодѣяніи:

Ахъ! чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто... Едина развѣ совѣсть —
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою.
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошинитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радѣ бѣжать, да некуда... Ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста!

Но сія ужасная тайна, сжигающая душу его какъ язва моровая, выраженная языкомъ какимъ-то непріятно смѣшнымъ; особливо послѣдніе пять стиховъ, безобразіе которыхъ я не считаю нужнымъ и показывать: оно само за себя слишкомъ громко говоритъ—отличаются самымъ вялымъ прозаизмомъ. И здѣсь послѣдній холодный стихъ заставляетъ насъ сомнѣваться въ томъ, чтобы эти упреки Борисъ относилъ къ себѣ. Это — размышиленіе о совѣсти, это—общая мысль!

Послѣ того дѣйствіе переносится на Литовскую границу, въ корчму. Здѣсь представляется современная того вѣка картина въ необыкновенно искусной отдѣлкѣ, столь живо, столь рѣзко изображенная, что, кажется, нѣтъ ни

одной черты лишней, ничто не упущено, все на своемъ мѣстѣ, все живо оттѣнено; языкъ таковъ, что, читая эту сцену, кажется, находишься въ кругу сихъ пирующихъ и спорящихъ удальцовъ: веселость, заносчивое удальство Варлаама, привѣтливость, простота и болтливость хозяйки, придирчивость Царскихъ Приставовъ, ловкость монаха *Мѣхониши*, съ каковою онъ, жалуясь на скучность мірянъ, на холодность ихъ къ спасенію душъ подаяніемъ, отыгryвается отъ сычиковъ, изображены столь искусно, столь согласно съ духомъ времени, что все это вмѣстѣ даетъ полное понятіе о трехъ классахъ народа—напримѣръ, слова: *Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли,—все намъ равно, было бы вино...* Это совершенно выражаетъ ухватки простонароднаго Русскаго весельчака, краснобая. И хотя сцена сія не имѣтъ ничего важнаго, доблестнаго, великаго, трагическаго, однако она, кромѣ вѣрнаго выраженія народности, развиваетъ дѣйствіе Драмы и нѣсколько знакомитъ уже съ характеромъ важнаго въ ней лица Григорія Отреѣева.

Слѣдующія за симъ двѣ сцены, происходящія въ домѣ Шуйскаго и въ Царскихъ палатахъ, выказываютъ настоящій характеръ дѣйствія, и, вводя Бориса въ трагическое положеніе, могли бы въ душѣ читателя родить участіе, опасеніе и беспокойство о судьбѣ его, если бы одностороннее изображеніе характера и дѣлъ его не возбуждало противъ него негодованія, которое подавляетъ всякое участіе, всякое чувствованіе, родившееся въ его пользу; нѣть ни одного голоса на защиту Годунова; а собственная его безхарактерность еще болѣе усиливаетъ равнодушіе читателя; онъ ни оправдываетъ, ни обвиняетъ себя своими дѣйствіями; вездѣ видимъ въ немъ какую-то усталость и боязливую недѣятельность. Только въ разговорѣ съ Шуйскимъ онъ пробуждается; но это пробужденіе довершаетъ негодованіе читателя, особенно когда слышишь:

„Головою сына
Клянусь, тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильевичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется“.

Сильно сказано! Но естественны ли, вѣроятны ли эти слова въ устахъ Царя Бориса—Шуйскому? И нужно ли доказывать это сомнѣніе?—Отъ сихъ-то ошибокъ рождаются въ читатель какія-то странныя, неестественныя чувствованія. Привыкши по исторіи почитать Бориса человѣкомъ небывалымъ, величимъ, ожидаешь, что драма разовьетъ его характеръ со всѣми малѣйшими оттѣнками величія и добродѣтелей, слабостей и пороковъ, приведши все сіе то въ прелестную, то въ ужасную форму, ожидаешь возбужденія участія, опасенія, беспокойства, страха, и о самыхъ порокахъ сожалѣнія, или, по крайней мѣрѣ, ужаса, возбужденаго раскаяніемъ. Но что же?—Какая-то холодность, какое-то равнодушіе къ доброй и злой сторонѣ его, даже раскаяніе, само по себѣ ужасное, не производить ожидаемаго дѣйствія: оно двусмысленно! Его добродѣтели нисколько не привязываютъ къ нему насть, злодѣянія—не ужасаютъ; ибо хотимъ видѣть то и другое въ живыхъ дѣйствіяхъ, или ожидаемъ, чтобы о первыхъ проговаривались самые враги его, о послѣднихъ — онъ самъ. Въ разговорѣ съ дѣтьми своими, съ Семеномъ Годуновымъ, съ Шуйскимъ и съ самимъ собою, Борисъ могъ бы совершенно открыть свою душу, высказать свой истинный и кажущійся характеръ; но онъ остался загадкой!

Въ обѣихъ сценахъ Шуйскій есть важное лицо, и онъ является здѣсь въ особенномъ своемъ характерѣ—хитръ, непроницаемо хитръ: въ первой сценѣ притворнымъ равнодушіемъ, удачными возраженіями, лаконическими вопросами чрезвычайно искусно заставилъ Пушкина высказать все и не узнать ничего; а во второмъ еще искуснѣе, отклонивъ отъ себя бурю гнѣва Царскаго, умѣль занять Бориса дѣломъ важнѣйшимъ, объяснить ему всю силу опасности. Лучшія, хотя и не высокія, мѣста въ поэтическомъ отношеніи, суть: молитва при Царскомъ здоровье, жалоба, впрочемъ преувеличеннай — Пушкина противъ Царя; разговоръ Бориса съ Феодоромъ о чертежѣ земли Московской; но смятеніе Царя, его страхъ, изступленіе, сомнѣніе, истинно превосходны. Онъ, не желавъ видѣть опасности, потомъ противъ собственной воли увѣрившись

въ оной, вдругъ приказываетъ взять мѣры для ограждѣнія Россіи отъ Литвы, снова желаетъ не вѣрить, и снова ужасная увѣренность — подозрѣніе, страхъ, угрызенія совѣсти, гнѣвъ и отчаяніе. Вотъ трагическое положеніе Бориса! Вотъ драматическое Искусство Поэта! Царь, удерживая Князя Шуйскаго, чтобы увѣрить его въ маловажности сей вѣсти, такъ сильно выражаетъ свой страхъ, говоря:

„...Слыхаль ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ!
Смѣшино? А? Что? Что-жъ не смѣешься ты?“ *)

Въ семъ мѣстѣ Поэтъ совершенно понялъ и выразилъ положеніе Годунова, который имѣлъ нужду напоминать, что онъ Царь, Царь законный, что *мертвые* не могутъ его допрашивать; и какъ онъ, боясь проговориться, мѣшается въ словахъ отъ излишней осторожности:

„Послушай, Князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни...“

Это истинно разговоръ Годунова съ Шуйскимъ при появлѣніи слуха о Самозванцѣ. Но когда Шуйскій, послѣ ужасной угрозы Царя, слишкомъ увѣрилъ его въ смерти Димитрія, и когда Царь, встревоженный подробностями разсказа высылаетъ хитраго вельможу, то ясно обнаруживается тѣмъ участкованіе въ убіеніи Царевича; а по удаленіи Шуйскаго, въ сильномъ страстномъ монологѣ снова находитъ непроницаемое сомнѣніе; ибо слова:

„Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
„Все снился убитое дитя!
„Да, да—вотъ что! Теперь я понимаю!“

*) Надобно вспомнить разсказъ Франца Моора о своемъ сновидѣніи. Прим. Кор.

дооказываютъ, что онъ не могъ укорять себя въ убийствѣ царственнаго отрока, какъ не принимавшій въ томъ ни малѣйшаго участія. Если онъ былъ убийца, то могъ ли не понимать сна сего, могъ ли теперь толковать его какъ предвѣщеніе, а не какъ дѣйствіе тревожной совѣсти? Притворство здѣсь не у мѣста; онъ одинъ и въ какомъ положеніи? Итакъ это противорѣчитъ предшествующему, и опровергаетъ все, чѣмъ онъ измѣнилъ себѣ въ *присутствіи другихъ*.

Теперь дѣйствіе переносится въ Краковъ; Самозванецъ начинаетъ дѣйствовать прямо, открыто, и всѣ движения начинаютъ происходить отъ него. Русскіе выходцы, Поляки, Литовцы,—толпами приходятъ къ нему; онъ принимаетъ ихъ весьма прилично обстоятельствамъ: Езуиту Черниковскому хитро льстить и обѣщаетъ ввести въ Россію католицизмъ; Мнишеха улещаетъ, разсыпаясь въ похвалахъ его гостепріимству и прелестямъ дочери; Русскихъ привязываетъ къ себѣ, разумѣется, добрымъ словомъ, Поляковъ деньгами. Лучшія мѣста изъ сей сцены: обращеніе Самозванца къ Курбскому и къ Поэту.

Балъ у Мнишеха, какъ уже извѣстно, совершенно лишний, и, кажется, для того только введенъ, чтобы сказать нѣсколько остротъ да назначить ночное свиданіе Самозванца съ Мариной, изъ котораго узнаемъ, что первый страстно влюбленъ въ гордую Панну; она надменные замыслы предпочитаетъ всѣмъ нѣжностямъ и хочетъ любить *только Царя*.

Если разсматривать сей разговоръ отдельно, какъ изъясненіе любви и тщеславія, не принимая въ уваженіе лицъ и обстоятельствъ и не соображая начала съ концомъ, то найдутся въ немъ мѣста превосходныя, чувствованія необыкновенно сильныя; напримѣръ, въ началѣ, выраженіе любви или потомъ еще сильнѣе выражена оскорбленая гордость:

„Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно, стыдно мнѣ...“

Но если вспомнимъ, что здѣсь говоритъ проходимецъ Самозванецъ, съ гордой дочерью надменнаго воеводы Польскаго, что говоритъ человѣкъ, котораго почитаютъ Царскимъ сыномъ и который на семъ заблужденіи основываетъ ужасно-великіе замыслы, то, предположивъ его неглупымъ, должны думать съ нимъ вмѣстѣ, что никогда, никогда,

*Ни въ тишинѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнѣ языкъ его не выдастъ;
Что онъ обманъ отважный обезпечитъ
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.*

Ни какъ нельзя ожидать, чтобы онъ открылъ свои обманы гордой дѣвѣ; чтобы такъ просто, такъ вѣтрено позорѣ свой обличилъ. И для чего? Не для того ли, чтобы читателя вывести изъ заблужденія, относительно своего происхожденія?—Во-первыхъ, это нужно сдѣлать раньше; во-вторыхъ, для этого можно избрать другія средства, болѣе приличныя характеру дѣла и самому названию Драмы, а эту споръ Самозванца съ Мариною не имѣть никакого отношенія къ Борису, ни къ его царствованію, ни къ падѣнію, хотя и говорятъ здѣсь о немъ. Притомъ вся сія сцена наполнена противорѣчіями: Григорій въ первомъ монологѣ говоря:

Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою Царицей...

ясно показываетъ сомнѣніе въ ея согласіи на союзъ съ нимъ и боязнь отказа, и вдругъ рѣшается обольстить сію надменную красавицу, чѣмъ? Объявляетъ, что онъ бродяга, обманщикъ; и такъ твердо рѣшился увѣрить ее въ сей истинѣ, что забылъ любовь, въ которой ему отказываютъ за такую откровенность; забылъ опасность, которую тѣмъ навлекалъ на себя, и умильно доказываетъ, что Марина должна любить *Самозванца*. И когда же онъ рѣшается на открытие сей ужасной для него тайны? Тогда, какъ Марина на его страстныя объясненія отвѣчаетъ:

„Стыдись не забывай
Высокаго святаго назначенья...

или:

„Дмитрій, ты и быть инымъ не можешь;
Другаго мнѣ любить нельзя“ (т. е. Царевича).

Неужели послѣ этого Григорій могъ быть столько откро-
веннымъ?—Конечно, онъ былъ увлеченъ порывомъ страсти,
онъ говорить:

„Любовь мутитъ мое воображенье...“

или:

„Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣль“.

Но могъ ли этотъ до изступленія страстный обожатель,
какъ бы ни былъ оскорбленъ, говорить такъ:

„Нѣть,—легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ
Или хитрить съ придворнымъ Езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними, мочи нѣть:
И путаетъ, и вѣтется, и ползетъ,
Скользить изъ рукъ, шипитъ, грозить и жалитъ“.

Нѣть, это не любовь оскорбленая, а досада обманутаго,
пристыженаго хитреца, который однако въ гнѣвной своей
выходкѣ неудачно изобразилъ Марину; она не виласъ, не
ползла, и не скользила изъ рукъ...

При совершенствахъ внутреннихъ, при связности представлений, при быстротѣ дѣйствія,—внѣшніе недостатки, которые впрочемъ у Г. Пушкина не часто встрѣчаются, бываютъ не совсѣмъ замѣтны; но здѣсь они, оставаясь какъ бы безъ защиты, слишкомъ явно выказываются, такъ, что трудно вѣрить, чтобы довершитель преобразованія нашего стихотворнаго языка могъ произвести таковые стихи:

Стыдишься ты не-Княжеской любви;
Такъ вымолви-жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ (?) теперь моя судьба
Рѣши: я жду! (бросается на колѣни).

МАРИНА

Встань, бѣдный Самозванецъ.
 Не мнишь ли ты колѣнопреклоненъемъ,
 Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой
 Тщеславное мнѣ сердце умилить?
 Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
 Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
 Но ихъ мольбы я хладно отвергала
 Не для того, чтобы бѣглого монаха...“

Но въ какомъ отношеніи сія сцена къ ходу Драмы?—Она вполнѣ изображаетъ характеръ Марини; и сіе-то маловажное назначеніе—изображеніе лица, никакими узами не связанного съ Борисомъ—столь долгаго и столь ошибочнаго во всѣхъ отношеніяхъ эпизода, еще болѣе усиливаетъ непріятное чувствованіе, рождающееся при чтеніи онаго.

Слѣдующая за тѣмъ сцена, происходящая на Литовской границѣ, превосходна: въ словахъ Курбскаго, кажется, всякий звукъ выражаетъ пламенную жизнь, сильную душу, кипящую чувствованіями.

Представимъ себѣ въ началѣ XVII столѣтія—молодаго, пылкаго человѣка, который взросъ, раздѣляя изгнаніе съ отцемъ своимъ, и который видѣлъ, какъ сей послѣдній грустиль до конца жизни, тосковаль по прославленной и оскорблennой имъ отчизнѣ, гдѣ славная шумная жизнь его *сияла ярко*. Сей юноша стремится съ завѣщанною тоскою по отечеству, воображая, что онъ взойдетъ туда на тронъ Царя законнаго, котораго отецъ былъ нѣкогда другомъ и врагомъ его отца, стремится къ примиренію тѣни покоящагося въ нѣдрахъ чуждой земли родителя съ оскорблennымъ отечествомъ, и сей-то юный витязь, увидѣвъ границу давно желанного края, въ который онъ вступаетъ со славою возстановителя древняго царственнаго рода, восклицаетъ:

„Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
 Святая Русь! отчество! я твой!
 Чужбины прахъ съ презрѣнью отрижаю
 Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:

Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснуль опять наслѣдственный нашъ мечъ.
Сей славный мечъ, гроза Казани темной...

Вотъ языкъ истиннаго, непрітворнаго, сильнаго, возвышенаго чувствованія! Легко чувствовать, легко постигать простую, но возвышенную красоту, трудно оѣнить ее, трудно рѣшить, который стихъ можно предпочесть другимъ. Первый стихъ:

„Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!“

совершенно выражаетъ чувствованіе человѣка, который наконецъ достигъ того, о чёмъ всю жизнь свою мечталъ; эта простота, это быстрое повтореніе частицы *вотъ*, съ прибавленіемъ словъ, постепенно объясняющихъ предметъ его восторга, есть торжество Поэта—онъ выразилъ съ совершенною естественностью переходъ отъ слитнаго нѣмаго ощущенія, рождающагося при первомъ возврѣніи на предметъ, къ сознанію причины восторга, въ которомъ онъ сначала не можетъ даже назвать сюю причину, а только указываетъ ее краткою частицею. Второй стихъ, будучи столь же силенъ, простъ и естественъ, изображаетъ самымъ пламеннымъ поэтическимъ обращеніемъ причину столь живой, чистой радости. Стихъ третій и половина четвертаго, какъ выраженіе того же чувствованія, возмущаемаго огорчительнымъ, непріятнымъ воспоминаніемъ, прекрасны; далѣе: *пью жадно воздухъ новый: онъ мнѣ родной!* и проч. Хотя нѣть здѣсь необыкновенной простоты, каковою отличаются первые стихи, и выказывается нѣкоторое искусство, но какая сила, какія чувствованія! Это самая возвышенная *Oda!* Сie явленіе объясняетъ частію успѣхъ Самозванца, и столь тѣсно связано съ мѣстомъ, что совершенно проистекаетъ изъ онаго; но жаль, что Поэтъ мало симъ воспользовался; сie явленіе требуетъ большаго развитія; оно должно поставить Бориса въ положеніе опасное, заставляющее страшиться за него.

Царская Дума здѣсь очень умѣстна; она, развивая дѣйствіе, необходима для хода Драмы; вѣшняя сторона сей сцены вообще очень хороша, а нѣкоторыя мѣста прекрасны, особенно въ совѣтѣ и разсказѣ Патріарха, которые отличаются рѣдкою сообразностію съ саномъ, положеніемъ и отношеніями говорящаго къ Царю, и съ духомъ времени. Напримѣръ:

„Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился;
Но стоитъ лишь ей раздрать—и самъ
Онъ наготой своею посрамится“.

Но умная рѣчь Щуйскаго—проза.

О битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ не считаю нужнымъ говорить: неужели тамъ, кромъ Французовъ и Нѣмцевъ, никого не было, кто-бъ могъ *поговорить по-Руски?*— Народная сцена передъ соборомъ слаба и безхарактерна, намъ нужно знать, для возбужденія участія, общее направленіе умовъ; мы желаемъ и боимся узнать вліяніе народнаго мнѣнія въ мысляхъ и чувствованіяхъ Царя,—и узнать это ожидаемъ изъ хода Драмы; а что одинъ или два мужика признаютъ въ Отрепьевѣ Царевича, или, какъ юродивый говоритъ дерзости Борису, эта пружина дѣйствія менѣе нежели слаба для такой огромной машины; это теряется въ обширномъ мірѣ, созданномъ Поэтомъ для Драмы.—Не менѣе странно и то, что царедворцы страшатся даже вида Царева, а на площади, передъ лицемъ этого ужаснаго Царя, всенародно дѣлаются вольности. Борисъ не былъ слабъ; онъ не былъ бездушнымъ, безхарактернымъ злодѣемъ; пусть намъ это доказываютъ и Поэты и Прозаики, не вѣримъ!

Достоинство сего мѣста, равно какъ и двухъ слѣдующихъ, состоить въ томъ, что здѣсь весьма удачно изображаются современные особенности, а преимущественно въ послѣднихъ очень хорошо схвачены нѣкоторыя черты характера Григорія, взаимная вражда Русскихъ и Поляковъ, ихъ похвалы; но сіи [сцены совершенно безъ нужды, и

даже вопреки единству мѣста, раздроблены между собою и оторваны отъ другихъ.

Наконецъ приступаемъ къ той минутѣ, которая и въ Исторіи разливаєтъ уныніе и страхъ: это—смерть Годунова!—Здѣсь сначала Борисъ, не предчувствуя скораго конца, *разсуждаетъ* о бездѣйствії своихъ полководцевъ и низверженіи мѣстничества; я говорю *разсуждаетъ* потому, что онъ такъ холодно выражаетъ свое неудовольствіе противъ Воеводъ, что если бы дѣло шло о простомъ отторженіи областей или только о пораженіи войскъ, то и тогда бы можно было упрекать его въ равнодушіи; а тутъ вырываются изъ рукъ его власть, для которой онъ, какъ полагаетъ и самъ Поэтъ, рѣшился на послѣднее злодѣяніе, и сіе бездѣйствіе Воеводъ предаетъ его на уничтоженіе, его родъ, его имя, честь и славу на поруганіе. Въ таковомъ положеніи, душа низвергаемаго сильнаго властолюбца должна пытать подобно грозному, всеразрушающему волкану; въ семъ-то воспламененіи она рождается смѣлуя мысль—низверженіе мѣстничества. Если же Поэтъ хотѣлъ представить Бориса не хладнокровнымъ, а слабымъ, потерявшимся, то какъ могла въ душѣ слабаго, при столь ужасномъ положеніи, родиться эта мысль, отважная, великая; неужели это отчаяніе. Нѣтъ! Оно далеко отъ спокойствія. Отчаяннныи не скажетъ:

„Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоять у Кромъ, гдѣ кучки казаковъ
Смѣются имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ.
Пошли тебя начальствовать надъ ними“.

Это ироническое *герои* выражаетъ злобу, а не гнѣвъ. Завѣщаніе Царя—прекрасная проза; немного здѣсь стиховъ поэтическихъ, какъ, напримѣръ:

„...Не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или велицій празднікъ“.

И здѣсь есть удивительная несообразности: Борисъ, поставляя сына дороже душевнаго спасенія своего, могъ ли рѣшиться очернить свое имя въ его воспоминаніи? Могъ ли онъ сказать этому сыну:

... „Я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно ты невиненъ...“

Это противно человѣческой природѣ; мы хотимъ жить и въ памяти далекаго потомства, а жить въ памяти милыхъ сердцу—это высочайшее желаніе; это земное понятіе о бессмертіи. Онъ также завѣщаетъ сыну сдѣлать главнымъ вождемъ Басманова, несмотря на ропотъ мѣстничества, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ не измѣнять теченія дѣлъ, потому что привычка душа Державѣ.—И вообще рѣчь сія слишкомъ слаба, спокойна, слишкомъ растянута, слишкомъ связана для того, чтобы она приличествовала Борису, рожденному подданнымъ, умирающему Царемъ съ неправою совѣстю, оставляющему въ ужасное бурное время сына, для счастія, для величія коего онъ жертвуетъ въ смертный часъ совѣстю, душевнымъ спасеніемъ; наставленіе сыну предпочтаетъ покаянію. Минь и то удивительнымъ кажется, что сынъ допускаетъ отца принести ему сію непостижимо ужасную жертву въ XVII вѣкѣ;—но всего удивительнѣе: видишь, что смерть Царя сильнаго ввергаетъ народъ въ гибельную бездну, и онъ пребываетъ въ какомъ-то непонятномъ спокойствіи; только послѣднее обращеніе его къ Патріарху и Боярамъ имѣеть характеръ рѣчи умирающаго Царя, но не Бориса.—Неужели восторженный Поэтъ не смѣеть изъ-за клеветы вызвать истину, дабы въ блестящей одеждѣ вымысла поставить ее передъ потомствомъ, и умилить читателя, внушить ему сожалѣніе къ падающему величію? Конечно, геніальные люди, совершивъ, такъ сказать, предопредѣленіе, не чувствуя болѣе призванія, указующаго имъ пути къ дѣятельности, слабѣютъ, утомляются; но и въ самомъ утомленіи бываютъ вспышки сильныя, слѣды величія. Отъ чего же Борисъ постоянно слабъ отъ начала до конца Драмы? Какъ можно вообразить человѣка, кото-

рый дѣлается злодѣемъ изъ желанія возвести родъ свой на престолъ, и который, еще разъ повторяю, отвергаетъ очищеніе души своей послѣднимъ покаяніемъ, для того, чтобы успѣть дать сыну наставленіе царствовать, и этотъ человѣкъ дѣйствуетъ слабо! — И такъ Бориса нѣтъ, но Драма еще не кончилась: еще остается три сцены. — Не считаю нужнымъ повторять, сколь много симъ прибавленіемъ нарушается единство дѣйствія; но нельзя замѣтить, что сіи сцены не имѣютъ никакихъ красотъ, которыхъ бы сколько-нибудь искупали ихъ излишество. Здѣсь, не видя и слѣдовъ Поэзіи, встрѣчаемъ множество противорѣчій; такъ, напримѣръ: зачѣмъ сошлись Пушкинъ и Басмановъ? Что сказалъ убѣдительного первый? Неужели то, что выразилъ свое сомнѣніе противъ такъ называвшагося Царевича, и объявилъ слабость силъ его? И отъ чего измѣнился и измѣнилъ послѣдній? — Неужели, читая Драму, должно спрятаться съ Исторію? А въ борьбѣ Басманова съ самимъ собою, не все ли склоняло его, судя по собственнымъ его словамъ, въ пользу Феодора? И на что же онъ рѣшился? — Конецъ Драмы рѣшительно недостоинъ Г. Пушкина, какъ по дѣйствію, такъ и по стихамъ, каковы, напримѣръ, сіи:

„Но я такъ Феодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ: начальству надъ войскомъ“.

И такъ, гдѣ жъ наши надежды, ожиданія и преждевременная радость — видѣть Трагедію, достойную сей эпохи, равную Борису, — Трагедію, которая бы проявляла зрѣлый талантъ А. С. Пушкина, и, выражая вѣкъ героя, отѣняла бы мысли и чувствованія вѣка Поэта? Устранившись отъ всѣхъ споровъ и опроверженія безусловныхъ похвалъ сему произведенію, не могу впрочемъ вѣрить искренности ихъ; скажу болѣе: имѣя высокое мнѣніе о сильномъ таланѣ Поэта и питая глубокоеуваженіе къ нему, какъ представителю нашего вѣка въ грядущихъ вѣкахъ — думаю, что онъ самъ не вѣритъ симъ похваламъ, и посему смѣю надѣяться, что А. С. Пушкинъ, отвергнувъ лжепророчества лести, пойдетъ выше Бориса. „Неужели“, скажутъ

мнѣ: — „Пушкинъ въ Борисѣ упалъ“, — нѣтъ, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, выше, но только одинъ шагъ, и стала на двухъ неровныхъ высотахъ неровной твердости, неравнаго объема. Онъ Борисомъ доказалъ, что много можетъ сдѣлать, а ничего не сдѣлалъ. Отъ чего это произошло? Неужели отъ неудачнаго выбора предмета? Нѣтъ! Борисъ есть такое лицо, въ жизни котораго и самая существенность имѣеть много поэтическаго; ибо события, означененные сильнымъ волненіемъ страстей, и подъ перомъ холоднаго историка носятъ отпечатокъ Поэзіи, особенно, когда Исторія не можетъ всего высказать. — Отъ недостатка поэтическаго таланта? Нѣтъ! Его достанетъ на многое: доказательство предъ глазами. — Отъ недостатка воли? Сомнѣваюсь, не вѣрю! Я думаю, это случилось частію по необходимости. Отъ неестественнаго хода нашего образованія, мы въ одномъ ушли, въ другомъ отстали; частію отъ того, что наши писатели теперь подобны новопоселенцамъ, которые, основавъ мѣстопребываніе свое на пустыхъ необозримыхъ равнинахъ, не заботятся о томъ, чтобы, выбравъ лучшій клочокъ земли, воздѣлать оный съ возможнымъ тщаніемъ, но стараются захватить, какъ можно, болѣе полей. Такъ Г. Пушкинъ, назначивъ для своей Драмы несоразмѣрный, разнохарактерный періодъ, поставилъ себя въ необходимость изображать несвязныя сцены, для послѣдовательной связи которыхъ требовалось великое терпѣніе; одно вдохновеніе здѣсь недостаточно, бессильно! Совѣты друзей здѣсь конечно могутъ быть полезны, но какихъ друзей? Тѣхъ, которые могутъ и хотятъ проникнуть въ сущность идеи столь же глубоко, какъ самъ Поэтъ; тѣхъ, которые понимаютъ требованія вѣка, которые могутъ и чувствовать красоты творенія, и спокойно разсуждать о нихъ; безъ того нѣтъ въ Поэзіи совѣта! Хотя человѣчество идетъ къ одной цѣли по одному направленію, но всяку изъ нась начинаетъ путь съ своей особенной точки, и *ницие духомъ* тянутся, подобно муравьямъ, по протоптанной тропѣ, а *сильные* или прокладываютъ новую стезю, или продолжаютъ ту, на которой, не кончивъ начатаго, остановились ихъ предшественники. Слѣдовательно

Г. Пушкинъ не можетъ и не долженъ хотѣть быть ни Шекспиромъ, ни Байрономъ, ибо они на его мѣстѣ не были бы тѣмъ, что *они теперь*. И притомъ, идя впередъ, не должно прельщаться прежнею своею славою, не должно повторять ни словъ, ни дѣйствій своихъ, хотя имъ и рукоплескали когда-то.—Что было превосходно въ Русланѣ, то не нравится въ Борисѣ; но главное: духъ Поэта тогда только способенъ произвести великое, когда, проникнутый своей идеей и проникнувшій въ характеръ своего предмета (и лицъ), онъ находитъ высочайшую награду и наслажденіе въ самой дѣятельности своей. Больно видѣть въ бездѣйствіи исполина, когда қарлики, кряхтя работаютъ.

B. Плаксинъ.

* * *

*) Слава, насть учили, — дымъ:
Свѣтъ — судья лукавый!

Жуковскій.

— „Слава... слава... обольстительный призракъ!.. Что за волшебную прелесть имѣешь ты для насть слабыхъ смертныхъ!.. Едва удастся намъ выбраться изъ подъ ига животныхъ потребностей, кои первыя одолѣваютъ наше земное существованіе, какъ душа, только что спознавшая саму себя, становится игралищемъ собственныхъ силъ и рабою собственныхъ прихотей. Ей кажется тѣсно и душно въ предѣлахъ своего недѣлимаго бытія: она ищетъ выиться, излиться, раскинуться сколько можно шире въ пространствѣ, среди коего поставлена; и, при недостаткѣ существенной полноты, утѣшаются, если шумъ, производимый ея усилиями, раздается вокругъ нея болѣе или менѣе внятными звуками. Забава, конечно, невинная: но за то—прочна ли?.. Сіи обольстительные звуки... надолго ли ихъ становится? Какая волшебная сила можетъ оковать ихъ летучую бѣглость въ этой безпрестанно мятущейся

*) „Телескопъ“ 1831 г., ч. 1, № 4 („Борисъ Годуновъ“. Сочиненіе А. Пушкина. Бесѣда старыхъ знакомцевъ). Статья Н. Надеждина.

стихії, которая называется мнѣніемъ?.. Очарованіе естественно: но разочарованіе гораздо естественнѣе!.. *Transit gloria!*—Такъ разсуждалъ я самъ съ собой третьяго дня, направляя стопы свои къ жилищу доброго и почтенного Князя *Любославскаго*, у котораго въ этотъ день, по слу чаю рожденія старшой дочери и имянинъ младшаго сына, снаряженъ быль, по обычаю предковъ, богатый обѣдъ на славу. Случай сдѣлалъ меня извѣстнымъ Князю, сохранившему отъ временъ Екатерининскихъ барскую пышность и барское меценатство къ ученой братіи, которое, не въ судъ нашему просвѣщенію, началось нынѣ выходить изъ моды. Въ прежніе годы, когда онъ самъ быль помоложе, поретивѣе, у него отлѣленъ быль особенный день въ недѣлѣ, который посвящался исключительно грамотѣямъ и писакамъ,

Прозаистамъ и Поэтамъ,
Журналистамъ, Авторамъ,

приглашаемымъ и угощаемымъ,

Не по чину, не по лѣтамъ,

а по добруму изволенію хозяина. Здѣсь зарождались и созрѣвали многіе поэтическія вдохновенія: заплетались *вѣнки Граціямъ*, припасались *жерфты Музамъ*. Здѣсь редакція *Парнасскаго Мотылька* имѣла свои торжественнѣйшія за сѣданія и важнѣйшія совѣщанія. Здѣсь... но времена переходчивы... Наша словесность мало-по-малу выбралась изъ гостиныхъ, отъ того ли, что она слишкомъ отяжелѣла для нашихъ патриціевъ, переставъ разсыпаться розами и незабудками; или отъ того, что они слишкомъ отяжелѣли для ней, погрузившись въ болѣе полезные агрономическіе. Можетъ быть, это не осталось безъ полезнаго вліянія на нашу литературу: ибо вывело ее на вольный воздухъ и сообщило ей самостоятельное бытіе, что не бездѣлица... Какъ бы то ни было, Князь *Любославскій*, какъ человѣкъ, долженъ быль увлечься общимъ потокомъ. Онъ измѣнилъ

Музамъ для Цереры и Помоны; промѣнялъ Лагарпа на Домбала, пустился въ системы хозяйства; обогатилъ новыми улучшеніями плугъ; изобрѣлъ проектъ для преобразованія бороны; написалъ брошюрку о различныхъ свойствахъ навоза, и сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ корреспондентовъ Земледѣльческаго Журнала. Но старинная привычки глубоко вѣдаются. Посреди важныхъ своихъ занятій, Князь любилъ иногда отдохнуть подъ шумокъ литераторовъ и ученыхъ, коихъ время отъ времени приглашалъ къ себѣ хлѣба соли откушать и добрыхъ рѣчей послушать.

Гостей было уже много, когда я вошелъ въ высокіе чертоги Его Сиятельства. Не имѣя никакого права на извѣстность, я не могъ возбудить никакого вниманія своимъ прибытіемъ; а моя природная застѣнчивость воспрепятствовала мнѣ призвать на себя любопытство. Я остался незамѣтнымъ. Изъ угла, представившаго мнѣ тихое и безмятежное убѣжище, усмотрѣлъ я только одно знакомое лицо, между множествомъ присутствующихъ. Это былъ мой ста-ринный пріятель *Тлынскій*. Онъ бесѣдовалъ жарко съ однимъ молодымъ офицеромъ, передъ большою картиною, на которую весьма не рѣдко простирали указательный перстъ свой. Глаза наши встрѣтились. Мы привѣтствовали издали другъ друга Зевесовскимъ мановеніемъ; но не прежде сопались вмѣстѣ, какъ по приглашеніи ити въ столовую.— „Сидѣть вмѣстѣ“ — сказалъ онъ мнѣ, пожавъ руку мимоходомъ. Я послѣдовалъ за нимъ; и при занятіи мѣстъ вокругъ стола, успѣлъ втереться подлѣ него, по правую руку.

Мои скучные свѣдѣнія въ гастрономіи лишаютъ меня возможности представить подробное описаніе обѣда, которое не было бъ конечно безъ занимателности. Я не припомню даже и числа блюдъ; ибо занимался болѣе слушаньемъ, чѣмъ кушаньемъ. По общимъ законамъ слова, равно господствующимъ при составленіи домашней бесѣды, какъ и при образованіи цѣлой системы языка народнаго, разговоръ начался съ односложныхъ между метій, развился потомъ на фразы, и уже при концѣ обѣда, посыпался

бѣглымъ огнемъ общаго собесѣданія. Говорили прежде о холерѣ; потомъ о театрѣ; перешли было къ политикѣ; но одинъ почтенный, пожилыхъ лѣтъ человѣкъ, у котораго я замѣтилъ признаки Каммергерскаго ключа, перервалъ вдругъ рѣчь и сообщилъ разговору другое направление.

— „Я думаю“ — сказалъ онъ, вытираясь салфеткою, по слѣ жирнаго соуса, и наполняя рюмку свою виномъ — „я думаю, что всѣ бѣды происходятъ отъ ученыхъ и стихотворцевъ. Ma foi, это пренеугомонныя головы. Мой Jean-not — хоть бы напримѣръ — съ тѣхъ поръ какъ вышелъ изъ пансиона и началъ писать въ альбомы, сдѣлался ни на что не похожъ. Такую несетъ дичь!..“

— „Извините, Ваше Превосходительство“ — возразилъ сосѣдъ его съ краснымъ воротникомъ на синемъ фракѣ. „Вы напрасно изволите смѣшивать ученыхъ съ стихотворцами. Это два противорѣчія, которыя, secundum princiپum contradictionis, вмѣстѣ быть не могутъ, особенно въ нынѣшнія смутныя времена Словесности. Теперь стихотворство сдѣлалось синонимомъ невѣжеству. Невѣжество, конечно, беспокойно: но есть ли твореніе смириѣ и безвреднѣе ученаго?.. — „Вѣрно рубашка къ тѣлу ближе“ — подумалъ я самъ про себя. — „Allons, professeur!“ — перервалъ хозяинъ. „Въ своемъ дѣлѣ ты не можешь быть судьею. Знаю я ваше смиреніе. Но — за что такая клевета на стихотворцевъ? По моему — это мокрыя курицы!.. На своеемъ вѣку я приглядѣлся къ нимъ. Бывало, какъ соберутся у меня покойные...“ — „Покойные были очень покойны, Ваше Сиятельство“ — возразилъ съ живостію красивый воротникъ. „Я говорю о нынѣшнемъ несчастномъ поколѣніи. Эта вѣтренная молодежь, помыкающая теперь священною лирою Апполона... dura aetas... quibus repercit aris?.. Не говоря о дерзости, съ каковою посмѣвается она всѣмъ уставамъ и законоположеніямъ, коими держится поэтическое православіе; не говоря о презорствѣ къ святой классической древности, бывшей наставницею вѣковъ и народовъ; не говоря о нарушеніи всякаго уваженія, должнаго старости, воздоенной опытами... et sic in infinitum...“

(Здѣсь Тлынскій толкнулъ меня съ коварною улыбкою) ...чѣмъ изволить заниматься эта шумная толпа circulatorum?... На какой ладъ настроены всѣ ея завыванія?...Ахъ!“— продолжалъ онъ съ сердечнымъ умиленіемъ— „до худыхъ временъ мы дожили! Алтари Музъ раскопаны; языкъ Боговъ поруганъ...“— „Что правда, то правда“— подумалъ я съ тайнымъ самодовольствіемъ. „Но Филиппика слишкомъ уже пламенна. Есть ли на что горячиться?... Одна дама, сидѣвшая подлѣ хозяеки, перервала мои мысли, перервавъ рѣчь ученаго:— „Иванъ Прокофьевичъ— сказала она разгорячившемуся Димосену— „старовѣрческій фанатизмъ вашъ давно извѣстенъ. Вамъ не удастся однако переманить насъ въ свою вѣру. Воля ваша— а намъ скучно читать *Rossiаду*“.— „Такъ извольте читать новую поэму *Баратынского*“— возразилъ ученый съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. „Это— чудная эпопея, въ новомъ родѣ...“ Хозянинъ перерваль рѣчъ. „Шутки въ сторону“— сказалъ онъ тономъ медіатора. „Я и самъ знаю давно, что *Rossiада* никуда не годится: а вѣдь право— нынѣ прочесть нечего! Что это сдѣлалось съ нашою Словесностью? Всѣ исписались, хоть брось! Легко ли— самъ *Пушкинъ*, котораго я прежде читывалъ съ удовольствіемъ... что съ нимъ сталось... что онъ такъ замолкъ?...“— „А *Борисъ Годуновъ?*“ подхватилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. — „Не говорите вы обѣ этомъ несчастномъ произведеніи!— перервала дама, вступившая было въ состязаніе съ ученымъ. „Я всегда краснѣю за *Пушкина*, когда слышу это имя!... Чудное дѣло!... Уронить себя до такой степени... Это ужасно!.. Я всегда подозрѣвала болѣе таланта въ творцѣ *Руслана и Людмилы*: я имъ восхищалась... но теперь...“— „Не угодно ли выслушать прекрасные стихи, которые я нарочно выписалъ изъ одной Петербургской Газеты въ Англійскомъ клубѣ?“ сказалъ одинъ молодой человѣкъ, у котораго отпущенна по модѣ борода мелькала изъ подъ широкаго, вышедшаго изъ моды, галстука. „Это на счетъ *Бориса Годунова!*...“— „Прочти-ка, прочти!“ вскричалъ хозяинъ. „Я люблю до смерти эпиграммы и каламбуры...“ Молодой

франтъ пріосанился, вынуль изъ кармана маленькую бумагу и началъ читать съ декламаторскимъ выраженіемъ:

„И Пушкинъ сталъ намъ скученъ,
И Пушкинъ надоѣль,
И стихъ его не звученъ,
И гений охладѣль.
Бориса Годунова
Онь выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова,
Увы! на Новый Годъ!“

Всѣ захохотали и многіе закричали: браво! прекрасно! безподобно!— „И это напечатано!“ сказалъ наконецъ Каммергеръ. „Ну, *Пушкинъ...* Caput!... Да и давно бы пора!... А то—вскружилъ головы молокососамъ ни за что, ни про что. Мой *Jeannot*—напримѣръ—бывало только имъ и бредитъ...“— „Я всегда сомнѣвался, чтобы у него былъ истинный талантъ“, сказалъ одинъ пожилой человѣкъ, въ архивскомъ вице-мундирѣ.— „А я часто и говориваль“, промолвилъ другой.— „Признаюсь“, сказалъ третій— „Я и не думалъ; но теперь начинаю думать и готовъ сказать...“ Я толкнулъ въ свою очередь *Тльнскаго*. „Что жъ ты молчишь“, прибавилъ я ему потихоньку на ухо. „Вѣдь вашу тысячу рубятъ!“ *Тльнскій* молчалъ, уступивъ глаза въ тарелку. „Но“—раздался одинъ голосъ между присутствующими— „не должно спѣшить такъ опрометчиво приговоромъ. Посмотримъ еще, что скажутъ Журналисты...“— „Они нѣмы, какъ рыбы“—прервала дама. „И это молчаніе есть уже самое краснорѣчивое свидѣтельство...“— „По моему, однако, гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе пріостановить свое сужденіе—до рѣшенія *Московскаго Телеграфа...*“— „Но *Московскій Телеграфъ* вѣрно будетъ на моей сторонѣ... на сторонѣ правды.. на сторонѣ публики...“ возразила дама. „Не правда ли, monsieur Tlenski... Вы вѣрно уже видѣли, или по крайней мѣрѣ слышали, что готовится въ *Телеграфѣ...*“— „Сударыня!“ отвѣчалъ *Тльнскій* съ примѣтнымъ замѣшательствомъ. „Я ничего не знаю... да и какъ знать мнѣ?... Но... я думаю... мнѣ кажется... ходъ обстоятельствъ заставляетъ меня предполагать... Что... что *Московскій*

Телеграфъ не выскажетъ... не можетъ высказать откровенно... истинное мнѣніе о *Борись Годуновъ*. У него теперь столько враговъ... авторитетъ *Пушкина* еще такъ великъ... Коротко сказать... Я думаю .. что онъ ограничится общими выраженіями и не пустится въ подробности... Да и лучше гораздо предоставить самой публикѣ разломать кумиръ, предъ которымъ она столь долго благоговѣла... Чему быть, тому не миновать... обольщеніе не можетъ существовать долго...“—„И однако ты былъ первый изъ обольстителей“, подхватилъ хозяинъ. „Кто, бывало, трубилъ трубой объ этомъ *Борись Годуновъ*? Не ты ли проспоривалъ цѣлые вечера и выходилъ самъ изъ себя, доказывая, что эта *трагедія* или *комедія*—не помню, какъ ты называлъ ее—сдѣлаетъ эпоху въ нашей литературѣ и подвинетъ ее впередъ нѣсколькоими столѣтіями? Не ты ли увѣрялъ, что одна сцена ея равняеть *Пушкина* со всѣми первоклассными поэтами нашего великаго вѣка? Не ты ли... —„Я... можетъ быть... но...“—„Monsieur Tlenski могъ также обманываться, какъ и всѣ... какъ и я сама..“ прервала дама. „Заблужденія столь же свойственны уму, какъ и сердцу...“—Oh! je suis absolument de votre avis, madame!“ подхватиль *Тльнскій*. „Но первыя проходить скрѣе, чѣмъ послѣднія!...“ Дама улыбнулась; между тѣмъ подали пить за здоровье. Разговоръ натурально долженъ былъ взять другое направленіе. Восклицанія и поздравленія раздались со всѣхъ сторонъ. Я сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Нѣсколько разъ повторялъ я на ухо моему сосѣду: „Ты ли это? а?...“ *Тльнскій* не отвѣчалъ мнѣ ни слова: онъ вовлекся, какъ будто нарочно, въ общую суматоху, и припѣвалъ громогласно различныя вариаціи на общую тему: *многая лѣта!* Обѣдъ кончился. Я схватиль *Тльнскаго* за руку, когда начали вставать, и сказалъ ему: „Теперь, любезный, ты отъ меня не отдѣлаешься... я требую отъ тебя объясненія: понималъ ли ты, что говорилъ?... а?...“—„Отвяжись отъ меня“—закричалъ онъ мнѣ съ досадою. „Ты меня хочешь душить своими диссертациами— а мнѣ, право, не до нихъ“. Я остановился и устремилъ на него испытующей взглядъ. „Ты однако не кривилъ ни-

когда душею“—сказалъ я потомъ съ медленною важностию—„хотя и принадлежиши къ извѣстному приходу“. Тльнскій смѣшался. „Хорошо“, отвѣчалъ онъ съ живостью, „пойдемъ въ кабинетъ Князя: тамъ закушимъ трубки и я буду тебя слушать. Но, чуръ, не распространяться! Я далъ слово составить партію *Анны Петровны..* “ Мы вошли въ кабинетъ. На столѣ, какъ нарочно, лежалъ экземпляръ *Бориса Годунова*, разложенный на сцену въ корчмы. Я взялъ книгу и обратился къ Тльнскому, набивавшему для меня трубку: — Читалъ ли ты всего *Бориса?*—Тльн. Читалъ! Я. Ну—что же? Тльн. Что, братъ! я соглашаюсь совершенно съ тобою! Такая дрянь, что невольно дивишься и краснѣешь: какъ могъ я до сихъ поръ не быть одного съ тобою мнѣнія... Я. Но почему ты знаешь, одного ли я мнѣнія съ тобою... Тльн. (повалясь на диванѣ). О! твои странности мнѣ не въ диковинку. Ты любишь плавать противъ воды, идти на перекоръ общему голосу, вызывать на бой общее мнѣніе. Тогда, какъ все благоговѣло передъ *Пушкинымъ*, ты почталъ удовольствіемъ и честію нещадно бранить его: но теперь, когда онъ палъ и все ополчается противъ него, ты себѣ навѣрное поставишь въ удовольствіе и честь принять его подъ свою защиту. Но—повѣрь, что хлопоты твои пропадутъ по напрасну. Защищенія твои будутъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и нападки. Глубоко паденіе *Пушкина:* *Борисъ Годуновъ* зарѣзалъ его, какъ Димитрія Царевича,—а ты хочешь играть роль *Шуйского!*... Право—не утвердить тебѣ на немъ вѣнца, коего похищеніе начинаетъ становиться слишкомъ ощутительно... Я. А ты—съ братію—вѣрно хочешь разыгрывать *Самозванца?* Дѣло не дурное!... Но—оставимъ аллегоріи!... Скажи мнѣ ясно и опредѣленно, за что несчастный *Борисъ* упалъ у васъ такъ въ курсѣ? .. Тльн. Да, помилуй! Что это за дребедень?.. Не сумѣешь, какъ назвать ее... Ни то *трагедія*, ни то *комедія*, ни то—чортъ знаетъ что!.. Я. Ге! ге! ге! Такъ и ты началь разбирать имена!.. А между тѣмъ—не ваша ли братія называли прежде школьнімъ дурачествомъ всякое покушеніе подводить произведенія новѣйшей романтической поэзіи подъ разрядный списокъ

старинныхъ классическихъ учебниковъ?... Сшутіль же надъ вами *Пушкинъ* шутку пробѣломъ, который сдѣлалъ на за-главномъ листкѣ *Бориса Годунова!*... Теперь извольте по-ломать свои залетныя головы... Тльн. Надобно же однако, чтобы поэтическое произведеніе имѣло опредѣленный ха-рактеръ, по которому могло бъ относиться къ той или другой категоріи поэтическаго міра... фамильный типъ. Я. Не истощайся, пожалуйста, на фразы: онъ только за-темняютъ мысль твою, которой нельзя отказать въ спра-ведливости. Но—развѣ въ *Борисъ Годуновъ* нѣть этого—какъ ты говоришь—фамильного типа... опредѣленнаго ха-рактера, по которому можно бъ было его отнести къ той или другой... Тльн. Такъ что жъ—драма что ли это?... Я. Нѣтъ! Тльн. Драматическая поэма?... Я. Нѣтъ! Тльн. То, что Нѣмцы называютъ *Schauspiel?*... Я. Не даже то, что Испанцы называютъ *Autos Historiales*—хотя *Борисъ* сюда подходитъ ближе, чѣмъ куда либо... Тльн. А! понимаю... ты хочешь сказать—въ родѣ *историческомъ*... на подобіе Шекспировыхъ *хроникъ*—такъ что ли?... Я. Не совсѣмъ и такъ!... Шекспировы *хроники* писаны были для театра и посему болѣе или менѣе подчинены условіямъ сценики. Но *Годуновъ* совершенно чуждъ подобныхъ претензій. Діало-гистическая форма составляеть только раму, въ коей *Пушкинъ* хотѣлъ воскресить для поэтическаго воспоми-нанія—говоря собственными его словами—

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой...

Это—рядъ *историческихъ сценъ*... эпизодъ *исторіи въ ли-цахъ!*... Не онъ первый, не онъ и послѣдній затѣялъ этотъ новый способъ поэтическаго представлениія событий, неиз-вѣстнаго нашимъ дѣдамъ. В. Скоттъ подаль къ нему по водѣ *романами*; а Французская неистощимая живость не умѣдлила имъ воспользоваться, съ свойственною ей легко-стію и затѣйливостью. Знаменитая трилогія, представляю-щая въ широкой панорамѣ *сценъ* исторію *Лиги*, со дня *Баррикадъ до смерти Генриха III*, тебѣ извѣстна. Она по-

родила тьму подражаній. Всѣ Французскія лѣтописи перерываются теперь съ неугомонною суетливостью, и замѣчательнѣйшіе моменты народной жизни перекладываются въ *разговоры и сцены* съ такимъ же усерднымъ рвенiemъ, какъ бывало Французская Исторія перекладывалась въ *двустшия и четверостишия* тщанiemъ Отцевъ Езuitовъ. Вотъ фамилія, къ которой принадлежитъ *Годуновъ* и который типъ на себѣ онъ носитъ... *Татьн*. Очень хорошо! Такъ это—*историческія сцены!*... Но, мнѣ кажется, что всякое изящное произведеніе должно имѣть органическую цѣлостъ... поэтическій *ensemble*... *Я.* Безъ сомнѣнія. *Татьн*. Ну—а есть ли хотя тѣльно цѣлості въ этой связкѣ разговоровъ, которая соединена въ одинъ переплетъ подъ именемъ *Бориса Годунова?*... Не говори мнѣ о *Баррикадахъ!* Я читалъ ихъ. Это цѣльная и полная картина, начинающаяся съ начала и оканчивающаяся концемъ! А *Годуновъ?*... Смѣхъ да и только!... У него конецъ въ серединѣ, а начало—Богъ вѣсть, гдѣ... *Я.* Какъ такъ!... *Татьн*. Да—такъ!... Какъ называется вся пьеса? *Борисъ Годуновъ!*... Стало быть, онъ—*Борисъ Годуновъ* умираетъ: а эти *историческія сцены* все еще тянутся и морятъ терпѣніе... *Я.* Такъ тебя это соблазняетъ, любезный! А, по моему, здѣсь не только не на что негодовать, но не надѣять чѣмъ и задумываться. Дѣло все состоитъ въ томъ, что ты не понимаешь надлежащимъ образомъ идеи поэта. Не *Борисъ Годуновъ*, въ своей біографической недѣлимости, составляетъ предметъ ея, а царствованіе *Бориса Годунова*—эпоха, имъ наполняемая—миръ, имъ созданный и съ нимъ разрушившийся—однимъ словомъ—*историческое бытіе Бориса Годунова*. Но оно оканчивается не его смертю. Тѣльно могущественного Самодержца возсѣдала еще на престолѣ Московскому въ краткіе дни царствованія и жизни *Феодора*. *Борисъ* умеръ совершенно въ своемъ сынѣ. Тогда начался для Москвы новый переломъ, новая эра: тогда—не стало Годунова... *Татьн*. Но, въ такомъ случаѣ, надлежало бы начать гораздо ранѣе. *Борисъ* царствовалъ задолго до вступленія своего на престолъ Московскій... *Я.* Не царствовалъ, а царевалъ—это правда! *Борисъ*—Правитель имѣль

конечно всю царскую власть въ рукахъ своихъ: Онъ вѣдалъ самодержавно землю Русскую изъ-за слабаго Феодора; но былъ рабомъ старыхъ формъ Московскаго быта и не дерзаль преступать ихъ. Отсюда—царствованіе сына Ioаннова, несмотря на то, что держалось рукою Борисовою, не представляеть никакого измѣненія въ физіономіи царства Московскаго. Это была благочестивая панихида по Грозному—не болѣе!—Борисъ зачалъ новую жизнь для себя и для Москвы тогда, когда утвердилъ на себѣ вѣнецъ, который прежде держалъ на главѣ Феодора. Съ того времени начинается его историческое существованіе: съ того времени долженъ онъ являться на позорище... Тѣн. И явился на позоръ въ сценахъ *Пушкина...* — Я. Извини, любезный!... Это именно и составляетъ ихъ достоинство, что сей колоссальный призракъ нашихъ среднихъ временъ, облеченный всею прелестью романтической фантасмагоріи, представленъ въ нихъ такъ, какъ доселѣ еще не бывало. Величіе генія Борисова разстилается гигантскою тѣнью въ скучныхъ воспоминаніяхъ нашей исторіи: но глубина сей исполинской души занавѣшена еще мрачнымъ покровомъ. Что совершалось въ сокровенныхъ ея пещерахъ тогда, когда Москва, выплачившая себѣ Царя, должна была, вместо ожидаемаго успокоенія, испытать подъ нимъ всю тяжесть тиранства, которое было тѣмъ убийственнѣе, чѣмъ скрытнѣе и лукавѣе?... Ужасенье ропотъ современниковъ, такъ вѣрно переданный *Пушкинымъ*:

Что пользы въ томъ, что явныхъ козней нѣть,
 Что на полу кровавомъ всенародно
 Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
 Что насы не жгутъ на площади, а Царь
 Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
 Увѣрены-ль мы въ бѣдной жизни нашей:
 Насъ каждый день опала ожидаетъ,
 Тюрьма, Сибирь, клубокъ иль кандалы,
 А тамъ въ глуши голодна смерть иль петля?

 Легко-ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
 Осаждены невѣрными рабами:

Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ первого холопа,
Котораго захочемъ наказать.

И между тѣмъ, это было царствованіе того же самаго *Бориса*, который при торжественномъ вступлениі своемъ на престолъ, клялся раздѣлить свою рубашку съ подданными!.. Откуда-жъ произошла столь ужасная перемѣна? Исторія представляетъ только дѣйствія совершающіяся на аван-сценѣ жизни: поэзія можетъ приподнимать кулисы и указывать за ними сокровенные пружины, коими движется зрѣлище. Я не говорю, чтобы *Пушкинъ* угадалъ истинную тайну души *Борисовой* и надлежащимъ образомъ понять всю чудесную игру страстей ея. Сердце *Годунова* требуетъ еще глубокаго испытанія. Былъ ли это вертепъ злодѣйства, соклевшаго съ себя личину при сознаніи своего всемогущества... или, можетъ быть, пучина властолюбія, неразборчиваго на средства для сокрушенія встрѣчаемыхъ имъ препятствій?... *Пушкинъ* принялъ средину между сими двумя крайностями, на которой держалъ себя и *Карамзинъ*—хотя, можетъ быть, сія средина не есть еще золотая. На его глаза, душа *Бориса* была не что иное, какъ отшелъническая пустынь виновной совѣсти, борющейся съ призраками преступленія, кои всюду ее преслѣдуютъ; и съ этой точки зрѣнія, коей вѣрности я совсѣмъ защищать не намѣренъ, лицо *Годунова*, если не совершенно отдѣлано, то по крайней мѣрѣ рѣзко очеркнуто въ сценахъ *Пушкина*. Я не доволенъ первою изъ нихъ, гдѣ *Борисъ* является съ *Патриархомъ* и *Боярами*. Въ ней лицо его не имѣетъ ни какой выразительности: и—слишкомъ благоговѣйное возвзваніе къ тѣни *Ѳеодора*, которое могло быть только слѣдствіемъ необходимаго этикетнаго производства:

О праведникъ, о мой отецъ державный,

не будучи пояснено выраженіемъ истинныхъ чувствованій *Бориса*, бросаетъ на него мрачную тѣнь низкаго лицемѣрія. Настоящій его характеръ, по образу воззрѣнія поэта,

обнаруживается во всей наготѣ вторичнымъ монологомъ, послѣ тайного совѣщенія съ кудесниками. Здѣсь онъ вынуждается приподнять самъ предъ собой завѣсу, подъ которою таится червь, неусыпно изъѣдающій его душу:

Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать—
Но отложилъ пустое попеченье;
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!

· · · · ·

Ахъ, чувствуя: ничто не можетъ насть
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть —

· · · · ·

Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося;
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнить, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...

Эта послѣдняя черта, конечно, слишкомъ жестка: я бы посовѣтовалъ ее оставить. Но—вотъ пламя, пожиравшее душу *Бориса*, которое отливалось багровымъ заревомъ на все Московское царство!.. Теперь далѣе!.. Насильственное спокойствіе царскаго величія подавляетъ внутренній мятежъ подозрѣній, взолновавшихся въ сердцахъ *Бориса* при слухахъ о новой смутѣ. Имя *Димитрія*, подобно электрической искрѣ, мгновенно взрывается ихъ волканическое скопленіе.

Димитрія!.. какъ? этого младенца?
Димитрія!.. Царевичъ, удались.

· · · · ·

Димитрія!
· · · . Взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ изъ Литвы Россія оградилась

Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова! Ступай!..

Въ слѣдъ за симъ, я опять не хотѣлъ бы встрѣтить на-
сильственного смѣха, коимъ поэтъ заставляетъ *Бориса* уду-
шать свое смятеніе въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ
Шуйскаго: смѣхъ этотъ слишкомъ искусственъ; а притомъ
мы слыхали его въ *Коварствѣ и Любви Шиллера*. Но пе-
редышка его, послѣ убийственного описанія смерти *Дими-
тря*, которое онъ осужденъ былъ выслушать, имѣетъ опять
истинное достоинство:

Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу —
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снiloся убитое дитя!
Да! да — вотъ что! теперь я понимаю.
.....
Охъ тяжела ты шапка Мономаха!

Молчаніе его въ Думѣ, при разсказѣ *Патріарха* о чу-
додѣйственной силѣ святыхъ остатковъ *Димитря*, бли-
стающемъ всею прелестію простосердечія, столь убийствен-
ного для виновной совѣсти, стоитъ также молчанія Аякова
въ поляхъ Елисейскихъ!.. Правда, смерть царя — кромѣ не-
правдолюбныхъ въ отношеніи къ краткости промежутка
между бодрымъ разговоромъ его съ *Басмановымъ* и вне-
запнымъ изнеможенiemъ на одрѣ смерти, занимаемаго только
десятистрочнымъ монологомъ того же самаго *Басманова*—
представлена довольно слабо. Его прощальная бесѣда съ
сыномъ составляетъ уже слишкомъ длинную и черезъ-чуръ
наставительную прѣдику. Душа въ послѣднія минуты впе-
запно обрывающейся жизни не бываетъ говорлива: она болѣе
чувствуетъ. И что — если бы поэтъ умѣлъ представить
намъ суровую душу *Бориса* въ сіи торжественные мгно-
венія полнаго изліянія!.. Но — быть такъ!.. Не смотря на
это, должно сознаться, что *Борисъ*, подъ *Карамзинскимъ*

угломъ зрењя, никогда еще не являлся въ столь вѣрномъ и яркомъ очеркѣ. Посмотри даже на мелкія черты: онъ иногда одною блесткою освѣщаются цѣлые ущелія души его! Не обнажаетъ ли предъ тобой всю прелестъ просто-сердечія ума великаго — богатаго силою, но обдѣленнаго образованіемъ—этотъ добродушный вопросъ его Царевича:

А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?..

Или... не слышишь ли ты въ этомъ медленно раскатывающемся взрывѣ — коимъ оканчивается глухая исповѣдь Князя Шуйскаго — весь ужасъ бури, клоочущей въ душѣ его:

Подумай, Князь! Я милость обѣщаю,
Прошедшій лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

А!.. Что ты на это скажешь?.. Или—ты спиши никакъ... Тын. Совсѣмъ нѣтъ! я, напротивъ, тебя заслушался! продолжай, продолжай!.. Переметывай кадило... Я. Да я совсѣмъ не шучу съ тобой. Что ты на это скажешь? — Тын. А — что-жъ такое! Еслибы Борисъ самъ и дѣйствительно былъ представленъ хорошо Пушкинымъ—такъ развѣ онъ одинъ тамъ только. Ну—а прочая святая братія... Я. Шуйскій представленъ мастерски — отлично!.. Безстыдная угодливость царедворца выливается ярко на всѣхъ его рѣчахъ и поступкахъ. Ему не стоитъ ничего отпереться отъ собственныхъ словъ предъ прямодушнымъ Воротынскимъ; онъ выманиваетъ у Пушкина тайну о Самозванцѣ и самъ несетъ ее къ Борису. Ничто не могло дать лучше и вѣрнѣе объ немъ понятія, какъ эти слова Бориса, задержавшія клятвы, на которыхъ онъ готовъ былъ разсыпаться:

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай!..

Лукавый оборотъ, коимъ *Шуйский* отклоняетъ добродушное предложеніе *Патріарха* о перенесеніи мощей *Димитрія*, показываетъ всю ловкость его въ искусствѣ цареугодничества и заслуживаетъ ему вполнѣ имя *молодца*, который умѣеть выручить... *Тльн.* (небрежно). Продолжай... продолжай... далѣе... *Я. Патріархъ* поставленъ также не дурно. Въ разговорѣ съ *Игумномъ*, онъ является во всей простотѣ доброго старца; при совѣщаніи, на Царской Думѣ, возвышается до богоလѣпной святительской торжественности... *Тльн.* А по моему—онъ ничего не значитъ въ сравненіи съ *Мисаиломъ* и *Варлаамомъ*... вотъ такъ настоящіе старцы!.. Шутки въ сторону—а это чути ли не первыя лица между всею братіею, составляющею причтъ *Годунова!* На ихъ только и можно полюбоваться: въ нихъ видѣнъ еще талантъ *Пушкина!*.. Чортъ возьми! Я готовъ за нихъ простить ему всѣ грѣхи: уморили меня со смѣху... *Я.* Который, вѣроятно, и помѣшалъ тебѣ разсмотрѣть, что это одна изъ самыхъ худшихъ сценъ *Бориса!* Я не спорю, что бродяги изображены въ ней весьма вѣрно, прямо съ натуры; и самъ на нихъ отъ души посмѣялся. Но—кромѣ излишества, до котораго въ нѣкоторыхъ пунктахъ доведенъ этотъ фарсъ—это драматическое строеніе исполнено такихъ несообразностей, что изъ рукъ вонъ! Ну статочное-ль, напримѣръ, дѣло, чтобы въ то время, когда сами приставы привязываются съ подозрѣніями къ *Мисаилу* и сей послѣдній объявляетъ себя безграмотнымъ — *Григорій* вздумалъ свалить бѣду на *Варлаама*, который — хотя и когда-то — но все-таки умѣлъ читать? и слѣдовательно могъ изобличить его обманъ, какъ дѣйствительно и случилось?.. Спасеніе изобличеннаго обманщика изъ корчмы, съ кинжаломъ въ рукахъ, было бы, можетъ быть, и очень эффектно, еслибы только не весьма естественное сомнѣніе: какъ онъ могъ проскочить сквозь окно корчмы, которая и понынѣ красна бываетъ пирогами, а не углами и окнами?.. Нѣть! я почти столько-жъ недоволенъ этимъ фарсомъ, какъ и каррикатурнымъ смѣшеніемъ языковъ на сценѣ битвы на равнинѣ близъ *Новгорода—Спверскаго...* *Тльн.* Какъ! Тебѣ и это не нравится! *Ква!* *ква!* *pravoslavnii!* пошель...

всѣ эти штуки!.. Ну, братъ! съ тобой дѣлаются чудеса. Мнѣ, кажется, что холера составляетъ эпоху въ твоемъ образѣ мыслей. Назадъ тому мѣсяцевъ шесть, ты бы первый сталъ доказывать, что здѣсь-то именно и является талантъ *Пушкина*. Тогда въ твоихъ глазахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ тоихъ словахъ — только что на картины онъ былъ и годенъ. Я помню, какъ ты это напѣвалъ мнѣ. А ты — ты... я думаю, скажешь съ *Шуйскимъ*:

Теперь не время помнить!..

Я. Напротивъ — и теперь все равно! Какъ будто нельзя имѣть талантъ и давать промахи! Я всегда говорилъ, что фантазія *Пушкина*, прихотливая и своеобычна, мастерица на арабески. Это подтверждается и здѣсь сценою *Юродиваго...* *Тлын.* *Юродиваго...* этого еще не доставало!.. Да можетъ ли что быть хуже?.. Дикий фарсъ... безъ мысли... безъ цѣли... *Я.* А по моему — и съ мыслию и съ цѣлию! Можно ль было лучше и вѣрнѣе съ исторіей довести до недоступнаго слуха грознаго Царя грозную вѣсть, что его преступленіе не есть тайна для безмолвствующаго народа? А это необходимо было для того, чтобы заставить *Бориса* испить до дна чашу мести... Что фигура *Юродиваго* накинута очень легко — это правда: за то всѣ черты ея истинны и выразительны. *Тлын.* *Желѣзный колпакъ!* *желѣзный колпакъ!* *тѣл. ррр...* Что въ самомъ дѣлѣ очень живописно!.. Ну — любезный! очень вижу я, что тебѣ хочется, наперекоръ всѣмъ, сдѣлать изъ *Годунова chef-d'oeuvre* нашей поэзіи... *Я.* Ничего не бывало! Я хочу только обличить твою несправедливость къ произведенію, которое ни сколько не уничтожаетъ таланта, коему обязано бытіемъ своимъ. Недостатки его, можетъ быть, для меня гораздо болѣе ощутительны, чѣмъ для тебя самого... *Тлын.* А... такъ это солнце имѣть же для тебя свои пятна!.. Укажи-ка ихъ мнѣ, пожалуйста! Я догадываюсь напередъ, что это должны быть такія вещи, въ коихъ мы профаны находимъ слѣды генія *Пушкина*. Тебя надобно вѣдь

понимать на изнанку... Я. За то я самъ смотрю съ лица на дѣло!.. Существенный недостатокъ *Бориса* состоитъ въ томъ, что въ немъ интересъ раздвоенъ весьма неудачно; и главное лицо—*Годуновъ*—пожертвовано совершенно другому, которое должно бъ играть подчиненную роль въ этомъ славномъ актѣ нашей исторіи. Я разумѣю *Самозванца*. Какъ будто по заговору съ исторіей, Поэтъ допустилъ его въ другой разъ возстать на *Бориса* губительнымъ призракомъ и похитить у него владычество, принадлежавшее ему по всѣмъ правамъ. Лице *Лжедимитрія* есть богатѣйшее сокровище для искусства. Оно такъ создано дивною силою, управляющею судьбами человѣческими, что въ немъ исторія пересиливаетъ поэзію. Стоитъ только призвать на него вниманіе — и тогда всѣ образы, сколь бы ни были колоссальны и величественны, должны исчезать въ фантастическомъ заревѣ, имъ разливаемомъ, подобно какъ исполины горъ исчезаютъ для глазъ въ пурпурѣ неба, обагренаго сѣвернымъ сіяніемъ. А потому тѣмъ осторожнѣе и бережнѣе надлежало поступать съ нимъ Поэту, избравшему для себя героемъ *Бориса*. Это дивное лицо слѣдовало поставить въ должной тѣни, дабы зрѣніе не отрывалось имъ отъ законнаго средоточія. Но у *Пушкина*, по несчастію, *Самозванецъ* стоитъ на первомъ планѣ; и—*Борисъ* за нимъ исчезаетъ: онъ становится постороннимъ незамѣтнымъ гостемъ у себя дома. Музы наказали однако сіе законопреступное похищеніе въ поэзіи, точно также какъ наказано оно рокомъ въ исторіи. *Самозванецъ* выставляется только для того, чтобы показать свою ничтожность. Въ сценахъ *Пушкина*, такъ же какъ и на Престолѣ Московскому, онъ ругается безпрестанно надъ своей чудной звѣздой, какъ бы нарочно изученною безхарактерностью. Возьми самую первую сцену, гдѣ онъ является на позорище... сцену *въ кельѣ Пимена...* *Тмын*. Ну такъ! Самая лучшая сцена, какая только есть во всемъ *Годуновѣ...* Я. По наружной отдѣлкѣ—не спорю! Но тѣмъ для ней хуже!.. Я согласенъ, что эта сцена, взятая отдельно, есть блестательнѣйшее произведеніе поэзіи. Она говоритъ мыслями, кипитъ чувствомъ. Но, по

несчастію, ей не достаетъ самой простѣйшей и самой важнѣйшѣй вещи—исторической истины. Ну возможно ли, чтобы старецъ *Лименъ*, сколь ни много видѣлъ онъ при Дворѣ *Іоанновомъ*, могъ восторгнуться до того *высшаго взгляда* на судьбы человѣческія, котораго изъ всѣхъ нынѣшихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ системъ не могъ вычитать, при всей своей досужности, таکъ называемый Историкъ Русскаго Народа? Сіи высокія мысли:

Минувшее проходитъ предо мною —
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуясь, какъ море—океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не міого лицъ міѣ память сохранила,
Не много словъ доходить до меня...
А прочее погибло безвозвратно!

сіи высокія мысли — хотя Поэтъ и старался переложить ихъ на древнее Русское нарѣчіе — обличаютъ въ смиренномъ Чудовскомъ отшельникѣ наслѣдника идеи *Гердеровъыхъ*. Прекрасно, да—не на мѣстѣ!.. Но оставляя это, какъ промахъ, слишкомъ выкупаемый своимъ относительнымъ достоинствомъ, я не могу извинить ничѣмъ той невѣрности и того беспrestанного противорѣчія съ самимъ собой, которое представляеть лице *Лже-Димитрія*. Въ первой сценѣ, о которой я теперь говорилъ, онъ является еще пламеннымъ энтузіастомъ, летающимъ дерзкими мечтами по поднебесью, но между тѣмъ еще носящимъ на себѣ печать дѣтской простоты, нарѣзанную иноческимъ послушаніемъ. Въ *корчмы на Литовской границѣ*—онъ уже отчаянный разбойникъ, изученный всѣмъ приемамъ опытнаго преступленія. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, у князя *Бішиневецкаго* — бѣглый Чудовскій монахъ витийствуетъ пышными фразами о высокомъ значеніи поэзіи:

Я вѣрую въ пророчества піотовъ.
Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,
Его жъ они прославили заранѣ!

Знаемъ мы, что *Лже-Димитрій* подписывалъ имя свое полатыни, хотя и безъ соблюденія орѳографіи; но поэзіи надлежало бы изъяснить эту чудную черту исторической физіономіи *Самозванца*, или вовсе до ней не касаться. Сie послѣднее особенно прилично было въ *Годуновъ*, гдѣ гораздо бы интереснѣе было увидѣть, въ первой аудіенціи *Лже-Димитрія*, не литературныя его свѣденія, а живую и полную картину различныхъ побужденій, кои созвали подъ знамена его первыхъ слугъ и первыхъ ратниковъ. Это общее мѣсто, произнесенное *Гаврилою Пушкинымъ*:

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы—

совершенно ничего не сказываетъ въ этомъ отношеніи: а между тѣмъ намъ пріятно бѣ было найти въ поэзіи, если не извиненіе, то по крайней мѣрѣ объясненіе столь страннаго ослѣпленія! Но — всего чуднѣе, всего непонятнѣе положеніе, въ коемъ Поэту заблагоразсудилось поставить *Лже-Димитрія* (*ночью, въ саду, при фонтанѣ*) предъ *Мариною!*.. чудное дѣло! Видно фонтаны закляты для *Пушкина!*.. Романтическое Дон-Кихотство, въ силу коего хитрый *Самозванецъ*, почти слѣпившій уже для себя корону, открываетъ своей Дульцинеѣ тайну, на которой, какъ на волоскѣ, держится все бытіе его, и упорство, съ коимъ онъ поддерживаетъ свое безумное признаніе, для того, чтобы вымолить миртовую вѣточку у женщины, признающейся съ торжественнымъ безстыдствомъ, что она любила въ немъ только имя, имъ похищенное—ну на что это похоже!.. Я не могъ спокойно слушать этой сцены, которую читалъ мой пріятель. Меня хватало за живое. Видя возрастающее безуміе *Самозванца* и возрастающую наглость *Марини*, я не переводилъ духа, ловя во всякомъ словѣ надежду, что это проклятое дѣло какъ-нибудь уладится; и наконецъ — кончилъ повтореніемъ стиховъ, заключающихъ эту несчастную сцену:

Чортъ съ ними: мочи нѣть:
И путается, и вѣтется, и ползеть,
Скользить изъ рукъ!..

Вотъ ужъ гдѣ дѣйствительно жалко *Пушкина!* Такъ онъ сбился, что не узнаешь!.. А между тѣмъ, какъ нарочно, эта злодѣйская сцена, въ отношеніи къ наружной отделькѣ, премастерская!.. Послѣднія сцены, въ коихъ является *Лже-Димитрій*, хоть ужъ тѣмъ хороши, что не подкрашены; а потому ничтожность ихъ въ глаза не мечется!.. И такъ—*Самозванецъ* для того заслонилъ собою *Бориса*, чтобы показаться уродомъ! Конечно, это большое несчастіе, которое не могло не повредить эффекту всей пьесы... но... *Тильн*. Опять — но!.. Знаю, ты найдешься и contre и roug... Но забѣливать черное гораздо труднѣе, чѣмъ чернить бѣлое Не беспокойся!.. Я усталъ слушать твои подробности; да и трубка моя докурилась. Пора идти; чай — заждались и такъ меня. Скажу только тебѣ одно слово: поэзія есть творчество: а здѣсь нѣтъ ни одного оригинального созданія. *Борисъ* и *Цуйскій*, которыхъ ты хвалишь, переложены только въ стихи изъ пѣвучей прозы *Исторіи Государства Россійскаго*. — Я. Да что — жь дѣлать, когда ломаная проза *Исторіи Русскаго Народа* о сю пору все еще продирается сквозь заповѣдную чашу *Ростиславовъ* и *Изяславовъ*? Что бы ей добраться хоть до *Годунова*?.. А то — у кого — жь достанетъ совѣсти творить историческія лица!.. Впрочемъ, если дѣло дошло до творчества, то я тебѣ покажу, что ты не читалъ *Бориса*, или читалъ по складамъ. А молодой *Курбскій*?.. Развѣ это не собственное созданіе *Пушкина*?.. И какое еще созданіе... О! я не могу безъ умиленія повторять этого трогательнаго изліянія, въ коемъ такъ свѣтло отражается душа чистая, полная святою дѣтскою любовію къ родинѣ:

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
 Святая Русь! Отечество! Я твой!
 Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отрясаю
 Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
 Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
 О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
 Опальный возрадуются кости!
 Блеснуль опять наслѣдственный нашъ мечъ!
 Сей славный мечъ — гроза Казани темной,

Сей добрый мечъ—слуга Царей Московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надежду—Государя!..

А!.. Это для меня выкупаетъ почти *Нулина...* Тльн. Толкуй себѣ, толкуй!.. *Нулина*-то и понынѣ читаютъ съ жадностю: а о *Борисѣ*—спроси-ка у публики... Я. Публики! Будто не извѣстна наша публика?.. Правду сказать, *Пушкинъ* самъ избаловалъ ее своими *Нулинами*, *Цыганами* и *Разбойниками*. Она привыкла отъ него ожидать или смѣха, или дикости, оправлениой въ прекрасные стишкы, которые можно написать въ альбомъ, или положить на ноты. Ему вздумалось теперь перемѣнить тонъ и сдѣлаться по степени: такъ и перестали узнавать его!.. Вотъ тебѣ разгадка холодности, съ которой встрѣченъ *Годуновъ!* Онъ теперь гудить, а не щебечетъ. Странно было и для меня такое превращеніе: но я скоро призналъ *Пушкина*. Поэтъ только перемѣнилъ голосъ: а вамъ чудится, что онъ спаль съ голоса... — „Мнѣ чудится“ — пе-рервалъ *Тльнскій* — „что меня кличутъ. И дѣйствительно!.. Прощай, любезный!.. Ты можешь витѣйствовать, какъ угодно: но — дѣло сдѣлано!.. C'en est fait... Гласть народа, гласть Божій!.. *Годунову* не воскреснуть...“ Онъ порхнулъ подобно зефиру... „Ахъ!“ вскричалъ я, оставшись одинъ. „Зачѣмъ *Пушкинъ* умѣлъ только сказать эту высокую истину:

Блажень, кто про себя таилъ
Души великия созданья
И отъ людей, какъ отъ могиль,
Не ждалъ за пѣсни воздаянья!“

H. Надеждинъ.

* * *

*) Борисъ Годуновъ есть такое стихотвореніе, которое во всякомъ случаѣ заслуживаетъ особенное вниманіе ли-

*) „Сынъ Отечества“ 1831 г., т. 23, ч. 145, №№ 40 и 41. Статья И. Ср. Камашева, подъ заглавіемъ: „Еще о Борисѣ Годуновѣ, стихотвореніи А. С. Пушкина“.

тературной критики и какъ произведеніе Автора, сосредоточившаго въ себѣ всю поэтическую нашу дѣятельность, и какъ сочиненіе, совершенно въ новомъ родѣ у насъ, Русскихъ. Въ нѣсколькихъ журналахъ были уже напечатаны замѣчанія на сюю Поэму-Трагедію; едва ли не вышло еще нѣсколько брошюрокъ, въ которыхъ разбирается это послѣднее сочиненіе Пушкина; даже Сѣверный Меркурій подчиналъ почтеннную публику своими выходками на Бориса Годунова; даже Колокольчикъ пробрянчалъ какою-то бранью въ снисходительныя уши своихъ читателей.—И не удивительно, такова участь хорошихъ Писателей; но сказали ли Гг. Критики что-нибудь существенного относительно Бориса Годунова? На это конечно читающая публика дала уже судъ свой.

По нашему мнѣнію, въ Сѣверномъ Меркуріи и Колокольчикѣ, не во гнѣвѣ Гг. Издателямъ ихъ, о Борисѣ Годуновѣ напечатаны совершенныя нелѣпости; напечатано что-то дѣльное, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто нарочно нелѣпое, увертливое, шумливое въ 4 нумерѣ Телескопа, и наконецъ что-то благонамѣренное, но неопределѣленное, къ сожалѣнію, не конченое, въ Литературной Газетѣ*).

Впрочемъ, не имѣя причины входить въ распри съ Сѣвернымъ Меркуріемъ и Колокольчикомъ, или изъяснить журнальныя хитрости Телескопа, мы замѣтимъ только, что даже и послѣ *нихъ* сказать что-нибудь положительно о новомъ произведеніи Поэта, постоянно обращавшаго на себя вниманіе литературной публики, произведеніи въ особенномъ родѣ—никакъ не можетъ быть лишнимъ, и тѣмъ болѣе теперь, когда не видно еще ни одной дѣльной рецензіи Бориса Годунова, не слышно еще до сихъ поръ обѣ немъ общаго мнѣнія.—И такъ обратимся къ самому дѣлу.

Но прежде нежели станемъ говорить собственно о сочиненіи, постараемся оправдать Пушкина отъ напраслины, которую взводятъ на него нѣкоторые изъ его читателей.

*.) Жаль, что критикъ не сказалъ своего мнѣнія о рецензіи Г. Плаксина въ Сынѣ Отечества. Изд.

Есть толки—будто Пушкинъ уронилъ себя въ свое мѣсто слѣдніемъ стихотвореніи. Это не правда! Это доказывается только, что или на Пушкина смотрѣли въ увеличительное стекло, или не умѣютъ понять и оцѣнить Бориса Годунова.

Пушкинъ никогда не былъ литературнымъ гениемъ, разумѣя подъ этимъ словомъ лицо, подобное Данту, Шекспиру, Байрону, Гете; мы увѣрены, что нашъ Поэтъ самъ отказался бы отъ подобной чести; откаزالась бы, можетъ быть, и сіи великие люди отъ Бориса Годунова, наравнѣ съ другими сочиненіями Пушкина; но что онъ у насъ первый, что онъ маленький Данть, Шекспиръ, Байронъ, Гете въ тѣсномъ кругу Русской Литературы, и ничѣмъ не ниже Виктора Гюго—это также не подлежитъ сомнѣнію, и въ такомъ случаѣ Борисъ Годуновъ станетъ опять съ честію въ ряду такъ называемыхъ Поэмъ его. Пушкинъ совершилъ великое дѣло въ нашей Литературѣ: онъ для Поэзіи сдѣлалъ то, что Н. М. Карамзинъ для Прозы; онъ всѣхъ научилъ писать довольно легкіе, звучные стихи, чѣмъ въ глазахъ людей поверхностныхъ дѣйствительно унизилъ можетъ быть нѣсколько цѣну своихъ собственныхъ произведеній, которая впрочемъ всегда блестятъ какъ солнце посреди своихъ собратій; но уменьшилась ли этимъ сколько нибудь заслуга его? Конечно нѣтъ!—Чего жъ хотѣли отъ Бориса Годунова?—Это опять тотъ же прелестный, цвѣтистый, сильный Пушкинъ въ новой рамѣ драматического разсказа—однако не Данть, не Гете, не творецъ оригинальный, изъ души своей, единственно изъ души почерпающей мысль и поэтическіе образы. Но былъ ли онъ такимъ въ Русланѣ, и въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, и въ Онѣгинѣ, и въ Полтавѣ, хотя дѣйствительно первая Поэма его еще самостоятельнѣе, нежели прочія? И такъ повторяю: чего хотѣли отъ Бориса Годунова?—Если жъ будутъ утверждать, что, не говоря объ оригинальности, Пушкинъ въ Борисѣ Годуновѣ является ниже А. С. Пушкина, блестящаго поэтическимъ талантомъ въ стихотвореніяхъ своихъ, начиная отъ Руслана до Полтавы, то это совсѣмъ другой вопросъ, и мы не оставимъ отвѣтчать на него.

Перейдемъ теперь къ самому сочиненію.— Мы сказали уже, что Пушкинъ ни въ одномъ изъ своихъ произведений не былъ вполнѣ самостоятельнымъ; Русланъ и Людмила, какъ первое стихотвореніе юнаго Поэта, очевидно носить на себѣ еще слѣды Карамзинства; въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, Цыганахъ, Онѣгинѣ и наконецъ въ Полтавѣ кто не видитъ Байроновской тѣни? Борисъ Годуновъ также образовался подъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ.

Въ послѣднемъ періодѣ Европейской Литературы, еще со времени Гердера, затлилась мысль объ историческомъ направленіи вѣка. Шлегель развилъ ее: слѣдствіемъ этого былъ Шекспиръ, освобожденный изъ-подъ двухъ-вѣковыхъ наростовъ пыли, Шекспиръ возвеличенный, прославленный. Съ другой стороны Вальтеръ-Скоттъ явился съ своими Романами; всѣ принялись за Лѣтописи. Гете, хотя не непосредственно, но также способствовалъ развитію этого духа, который нашелъ опору себѣ даже въ современной Философіи. Такимъ образомъ Исторія сдѣлалась чистымъ языкомъ судебъ для слуха современниковъ; ея пыльные свитки ожили, и хроники обратились въ источникъ Поэзіи. Человѣкъ послѣднихъ столѣтій, увлеченный романтизмомъ времени, нашелъ для себя новую жизнь въ языкѣ событий, въ движениі царствъ и поколѣній, жизнь, непосредственно вытекающую изъ источника духа, являющагося въ образахъ народовъ, законодателей, героевъ, съ особыми обычаями, особыми мыслями и чувствованіями; ибо привязанность ко всему историческому есть дѣйствительно порожденіе романтизма.— Классики любили болѣе природу въ пышномъ, двѣтистомъ ея облаченіи, называемомъ вещественностю, и Гомеръ не занимался столько душою, воспѣвая своихъ героевъ, сколько ихъ тѣломъ.— И такъ это-то историческое направленіе вѣка, котораго вѣтви проникли во всѣ края Европы, о которомъ мы слышали и отъ Шеллинга и отъ И. В. Кирѣевскаго, породило между прочимъ и Трилогію Вите, и Кромвеля, и Нѣльинскіе вечера, и наконецъ Бориса Годунова.

Взявъ одинъ изъ самыхъ важныхъ періодовъ Русской Исторіи, изъ періодовъ, особенно кипящихъ жизнью событій и характеровъ, Пушкинъ конечно не ошибся... Но скажутъ: для чего эта драматическая форма? для чего это смѣшеніе и прозы и стиховъ? для чего эти скачки отъ царскихъ палатъ до корчмы на Литовской границѣ? — Все сіе доказываетъ только, что Пушкинъ постигъ мысль, пробудившую поэтическій талантъ его. Яркости цвѣтовъ, жизни хотѣль онъ—и потому старался наблюсти эту цѣль въ самомъ образѣ разскaza! — Постоянно имѣя въ виду Бориса Годунова, котораго онъ выбралъ какъ одинъ изъ первыхъ узловъ Русской Исторіи, онъ долженъ былъ выставить его въ одѣждѣ своего времени—и складки этой одѣжды сквозятъ во всѣхъ сценахъ его стихотворенія, начиная отъ пированья бродягъ монаховъ до пастырского негодованья Патріарха. Поэтъ имѣлъ въ виду не честолюбца, преступленіемъ восшедшаго на царство и въ самомъ злодѣяніи своемъ возраставшаго сѣмена гибели для себя и цѣлаго семейства; онъ имѣлъ въ виду не героя какого нибудь Вольтеровскаго, но Царя Русскаго, Бориса Годунова, убийцу Димитрія, которому настояла борьба съ Самозванцемъ Отрепьевымъ; имѣлъ въ виду лицѣ изъ отечественной Исторіи, окруженнѣе предметами, напоминающими духъ того времени, и поэтому въ мелочахъ своихъ имѣющими историческую для насъ занимательность; онъ хотѣль пробудить въ насъ эстетическое чувство сознаніемъ исторической жизни нашей, указывая на то нравственное разстояніе, которое пробѣжало имя Русскихъ отъ времени замысловъ предпріимчиваго Боярина, хитростю сѣвшаго на царство, до бурнаго времени журнальныхъ Телеграфовъ, Телескоповъ и всей литературной механики. Кто жъ упрекнетъ Пушкина тѣмъ, что значеніе пьесы не отразилось въ изящной ея отдѣлкѣ? Рельефный стиль его въ духѣ современного направленія Словесности дышитъ смѣлостію и жизнью; его тонкое чувство, по которому онъ умѣлъ слить свою поэтическую, кипучую прозу съ стихами, освобожденными отъ всѣхъ оковъ однообразія—въ полной мѣрѣ обнаруживаетъ запасъ талантности,

рисующейся подъ его *широкою кистью*. Если бы Пушкинъ сохранилъ намъ свою великую мысль и въ самомъ составѣ событія столько, сколько сохранилъ онъ ее въ отделькѣ, то Борисъ Годуновъ безъ всяаго сомнѣнія былъ бы однимъ изъ совершенныхъ произведеній Литературы.

Вотъ, что мы считали нужнымъ сказать вообще о главномъ основаніи въ послѣднемъ стихотвореніи нашего Поэта! Теперь спрашивается: въ какомъ отношеніи находится оно къ мысли, развитой въ Кавказскомъ Плѣнникуѣ, Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, Онѣгинѣ?—Ибо поэма его Полтава принадлежитъ уже къ сочиненіямъ высшаго разряда. Въ такомъ, въ какомъ находится самъ Борисъ Годуновъ къ плѣнному казаку, или свѣтскому молодому человѣку, Евгенію; въ какомъ голова, рисованная кистью Вандика, къ картинамъ Шнейдера. Идея Бориса Годунова есть идея болѣе полная, нежели какая-либо изъ другихъ идей Пушкина. Прежде игривый, искусный въ схватываніи разительныхъ оттѣнковъ, съ запасомъ поэтическаго пламени, но необузданній, вѣтреный, всегда восхищенный первымъ порывомъ, первымъ впечатлѣніемъ, сдѣланнѣмъ на его душу, всегда нетерпѣливый въ изліяніи своего чувства, онъ не хотѣлъ, можетъ быть не могъ заниматься ничѣмъ, требующимъ соображеній, глубокой внимательности, и не минутной вспышки, не постояннаго пламени. Правда, онъ былъ и тогда прелестенъ: его фонтаны и цыганскіе таборы, его китайская архитектура Онѣгина очаровательны—и, что *главное*, понятны для каждого. Но въ Борисѣ Годуновѣ онъ хочетъ быть художникомъ, предпринявшимъ создать произведеніе, достойное зрелага таланта, произведеніе, болѣе значительное; онъ хочетъ удовлетворить здѣсь не одностороннему вкусу дикой толпы, но всѣмъ многообразнымъ требованіямъ эстетической критики. И въ этомъ-то съ одной стороны заключается даже причина, что толпа не узнала Пушкина въ лучшемъ его произведеніи.

Ибо съ другой—мы находимъ еще нужнымъ дать отчетъ въ томъ, какъ исполнилъ онъ свое намѣреніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Мы замѣтили уже, что Пушкинъ не развилъ достаточнымъ образомъ своей богатой мысли въ Борисѣ Годуновѣ.—Разсмотримъ это.

Спрашивается: что должна имѣть въ виду критика въ этомъ отношеніи? Очевидно—три вещи: Поэзію, или лучше сказать, жизнь самаго событія, которою блеститъ оно посреди мелочныхъ происшествій, хранящихся въ Лѣтописяхъ; далѣе—характерность лицъ, исполняющихъ въ немъ свое назначеніе; и наконецъ—народность, эту историческую краску, столько для насть теперь драгоцѣнную. Если Сочинитель умѣлъ въ произведеніи своемъ удовлетворить требованіямъ критики по симъ тремъ условіямъ, то онъ совершенно выполнилъ свою обязанность.

Недовольные послѣднимъ сочиненіемъ Пушкина, конечно, ожидали отъ насть только этого, чтобы напасть на Бориса Годунова; и въ этомъ отношеніи конечно они будутъ правы, ибо по крайней мѣрѣ здѣсь смѣло могутъ указать на нѣкоторыя мѣста, которыми беспристрастный читатель не остается удовлетвореннымъ.

Борисъ Годуновъ въ стихотвореніи Пушкина является, какъ лице историческое; въ цѣломъ сочиненіи Поэту предстоитъ развить мысль судьбы, высказанную въ событіи его царствованія. Хитрый вельможа, рѣшившійся на кровавое средство для полученія престола, наконецъ достигаетъ своей цѣли; но первое дѣйствіе его есть уже источникъ всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій, какъ для него и его семейства, такъ и для цѣлаго народа: ибо какъ обладатель царства, онъ сосредоточиваетъ въ себѣ судьбу его, въ чемъ заключается и все основаніе его значительности. Теперь этому царю, этому убійцу невиннаго младенца, какъ собственное порожденіе его, становится поперекъ дороги великанская тѣнь Самозванца, терзаетъ его, губить, производить всеобщій беспорядокъ и повергаетъ въ бездну бѣдствія цѣлое Государство, которое скипѣлось въ Борисѣ, и съ его гибелю должно было выдержать жестокій припадокъ самой бѣшенной горячкі. Таково поэтическое значеніе Бориса Годунова въ нашей исторії! Теперь спрашивается: какъ раскрылъ его Пушкинъ въ стихотвореніи своемъ—достойнымъ

ли образомъ, во всѣхъ ли порывахъ его жизненности? Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣтать на это утверждительно. Пушкинъ ограничился объемомъ болѣе тѣснымъ; выполнилъ мысль свою образомъ болѣе поверхностнымъ. Его сцены въ этомъ отношеніи должны бы быть рѣши-тельными ступенями къ совершенію событій, мгновеніями, которыя въ самыхъ полныхъ, сильныхъ ударахъ выражали бы ходъ его, словомъ, Авторъ долженъ бы показать въ нихъ біеніе пульса народной жизни того времени. У Пушкина этого нѣтъ; событіе развивается вяло, неясно, сцены взяты не такія, какихъ ожидалъ бы читатель, — по большей части онъ всѣхъ весьма незначительны; отъ зоркаго взгляда Сочинителя ускользнули тѣ черты, въ которыхъ это событіе блеститъ всей своей Поэзіей. Мы самого Бориса почти не видимъ: черезъ нѣсколько сценъ отъ той, въ которой онъ показался едва только достигнувшимъ престола — на 28 стр. является онъ уже угрюмъ; жалуется на народъ, на себя, говоритъ, что *шестой годъ царствуетъ спокойно, но не находитъ счастія душъ своей;* за тѣмъ слѣдуетъ превосходная сцена — Царя посреди семейства, когда Семенъ Годуновъ приносить первую вѣсть о самозванцѣ, сцена, дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствующая смыслу сочиненія; но что жъ далѣе? — Вы читаете сильную по своему значенію, но дурно развитую сцену царскаго совѣщенія съ Патріархомъ и Боярами, читаете поэтическую сцену юродиваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ опять неимѣющу цѣли, если разматривать ее, какъ отголосокъ, какъ одинъ изъ звуковъ исторического аккорда, который хотѣлъ взять Пушкинъ въ свое мѣсто стихотвореніи; наконецъ слѣдуетъ сцена кончины Царя, отнюдь не имѣющая никакого значенія, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ составилъ ее Пушкинъ: и здѣсь заключается все, что относится прямо до самого Годунова. Самозванецъ, второе лицо, вторая пружина къ развитію событія, также разыгрываетъ довольно дурно историческую роль свою: появленіе его въ кельѣ Пимена исполнено поэтическаго достоинства; картина въ корчмѣ на Литовской границѣ — также имѣетъ значеніе; въ Краковѣ,

въ домѣ Вишневецкаго—могла бы имѣть великий смыслъ, если-бы вѣрно была угадана Авторомъ мысль ея; но всѣ прочія — совершенно ничтожны; надобно замѣтить притомъ, что роль Самозванца вообще слишкомъ растянута, много сценъ совсѣмъ лишнихъ, ни сколько не входящихъ въ составъ главныхъ моментовъ происшествія, и замѣчаніе Телескопа въ этомъ случаѣ вполнѣ справедливо, что Самозванецъ *совершенно заслоняетъ Бориса*, — къ сожалѣнію, онъ заслоняетъ его весьма материальнымъ образомъ, ибо и самъ не имѣетъ почти живой физіономіи. Что же касается до исторической роли Шуйскаго и другихъ лицъ, то обѣ нихъ говорить нечего, потому что онѣ—роли подчиненные. — И такъ теперь спрашивается, гдѣ-жъ Поэзія событія? Она исчезла въ стихотвореніи Пушкина, и вотъ почему, прочитавъ Бориса Годунова, восхищаясь каждою отдѣльною сценою, остается недоволенъ цѣлымъ; весь составъ стихотворенія есть какой-то легкій, недоконченный очеркъ, намекъ на что-то, но это что-то, которое и есть собственно Поэзія событія, остается невысказаннымъ.

Пушкинъ можетъ въ этомъ оправдывать себя тѣмъ, что самый эпизодъ Бориса Годунова въ Русской Исторіи недовольно обработанъ; что характеръ сего Царя остается еще какою-то загадкою для насъ, потомковъ: дѣйствительно самъ Исторіографъ Карамзинъ не опредѣлилъ его, не сказалъ ничего рѣшительного о дѣлахъ семилѣтняго царствованія. Но Поэтъ долженъ быть постигнуть то, до чего не могла добраться историческая Критика; силою фантазіи своей онъ долженъ былъ угадать то, на что не представляютъ документовъ; иначе ему ненадобно было приниматься за такое дѣло, которое для него выше возможности, или по крайней мѣрѣ выше силъ его. Въ такомъ случаѣ онъ не избавляется отъ обвиненія: ибо самый выборъ всегда зависитъ отъ него, а безусловнаго произвола въ дѣлѣ вкуса допустить нельзя.

Теперь кстати рѣшить еще вопросъ: долженъ ли быть Пушкинъ свои драматическія картины кончить смертю Царя, или нужно было еще продолжать ихъ? Безъ всякоаго

сомнѣнія, онъ долженъ былъ бросить еще хотя одну, но рѣзкую черту, чтобы сдѣлать полнымъ впечатлѣніе, которое остается въ душѣ читателя. Начавъ превосходною сценою между Шуйскимъ и Воротынскимъ въ палатахъ Кремлевскихъ, положивъ художническую черту сценой народа, въ недоумѣніи ожидающаго рѣшенія судьбы своей, словомъ, съ самаго приступа сосредоточивъ въ Борисѣ Годуновѣ всю историческую жизнь тогдашняго Государства, сохранивъ нѣсколько этого колоритъ въ продолженіе всего стихотворенія (ибо здѣсь заключается основаніе и самой сцены юродиваго, имѣющей въ этомъ отношеніи высокую степень достоинства), Пушкинъ не могъ, не нарушая эстетической истины, покинуть читателя съ рѣшеніемъ судьбы царственного семейства; въ душѣ остается еще одно величайшее требованіе—судьба народа, и Поэтъ обязанъ быть удовлетворить ему, показавъ тучу, въ которой должны были выгорѣть преступленія Бориса, какъ Царя, котораго дѣйствія всегда находятся въ нравственномъ отношеніи къ самому народу, какъ мысль головы, за которую отвѣчаетъ тѣло.

И такъ, что жъ теперь слѣдуетъ заключить вообще о Борисѣ Годуновѣ въ отношеніи къ первому, показанному нами требованію эстетической Критики? — То, что Пушкинъ и здѣсь таковъ же, каковъ онъ былъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ. Взявъ мысль богатую, онъ не раскрываетъ ея достойнымъ образомъ, не вводить насъ во глубину святилища Поэзіи, подобно великому Шекспиру; онъ и здѣсь, какъ и вездѣ, поверхности; проницательный, однакожъ не могучій взоръ его видитъ далѣе, чѣмъ человѣка обыкновеннаго, ибо Пушкинъ дѣйствительно имѣетъ полное право на название Поэта; но онъ скользитъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о творческой фантазіи, которой образы поражаютъ всю систему духовнаго бытія нашего.

Разсматривая стихотвореніе Пушкина въ отношеніи ко второму требованію Литературной Критики, т.-е. въ отношеніи къ изображенію характеровъ, мы должны прежде всего замѣтить, что эта часть эстетической обработки въ сочиненіи, подобномъ Борису Годунову, необходимо наход-

дится съ развитіемъ самаго событія; ибо характеры суть пружины событія, и въ событіи отражаются изгибы характеровъ, такъ что гдѣ нѣть рѣзкихъ чертъ дѣйствія, принимая это слово въ самомъ обширномъ его смыслѣ, тамъ нельзя видѣть и нравственной значительности дѣйствующихъ.—Смотря съ этой точки зрѣнія, мы легко объясняемъ себѣ и то, почему въ Борисѣ Годуновѣ нѣть ни одного глубокаго характера, тогда какъ всѣ дѣйствующія лица превосходно выполняютъ роли свои въ той степени, которую назначилъ имъ Поэтъ, выключая только лицо Марину Мнишекъ, неестественное, фантастическое, уродливое, дающее самому Самозванцу въ сценѣ при фонтанѣ видъ литературной нелѣпости; впрочемъ, причина неудачнаго развитія послѣдняго характера также очевидна—ясно, что въ этой одной сценѣ онъ хотѣлъ высказать всю Марину Мнишекъ, надменную Польку, будущую Царицу Русскую; но гений вдохновенія не помогъ ему, и онъ испортилъ оба портрета, и Марину и самого Самозванца; къ тому жъ, мы не понимаемъ, за чѣмъ погнался Поэтъ:—Мнишекъ здѣсь есть лицо совершенно второстепенное; оно по всѣмъ правамъ могло быть въ тѣни картины.

Но возьмите самого Бориса Годунова—какъ хорошъ онъ, какъ естественъ въ этомъ маленькому объемѣ, который опредѣленъ ёму Сочинителемъ! Какое тонкое притворство, какая очаровательная гибкость видны въ первомъ обращеніи его къ Патріарху и Боярамъ!

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре,—
Обнажена моя душа предъ вами—
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую и пр.

Далѣе, не назначивъ ему развитія высшаго, Сочинитель дѣлаетъ изъ него въ половину раскаивающагося преступника; здѣсь также нѣть ничего глубокаго: но сія неглубокая мысль выражена опять превосходно; съ какою полнотою отзыается въ душѣ Бориса это, еще глухое для него чувство:

Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ,
 Какъ буря смерть уносить жениха.—
 И такъ молва лукаво нарекаетъ
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня, несчастнаго отца!
 Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный!
 Я ускорилъ Феодора кончину,
 Я отправилъ свою сестру Царицу,
 Монахиню смиренную... все я, и пр.

Или въ словахъ, которыя онъ произносить глядя на Ксению, преслѣдуемый тою же мыслю:

Что, Ксения? Что, милая моя?
 Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица...

Соображаясь съ историческими извѣстіями, Пушкинъ не хотѣлъ упустить изъ виду того, что Борисъ начиналъ уже любить просвѣщеніе; и вы читаете нѣсколько стиховъ самой художнической отдѣлки, въ которыхъ сквозить уваженіе къ Наукѣ:

...Вотъ сладкій плодъ ученья!
 Какъ съ облаковъ ты можешьъ обозрѣть
 Все царство вдругъ, и пр.

Эта сцена прерывается приходомъ Семена Годунова. Любимецъ царскій, Семенъ Никитичъ, доносить, что дворецкій Князя Василья и Пушкина слуга сказывали ему о гонцѣ изъ Кракова, о пированіи и тайной бесѣдѣ Шуйского съ Пушкинымъ. Въ слѣдъ за симъ Шуйскій является самъ и начинаетъ намекать о Самозванцѣ. Здѣсь страненъ для насъ приступъ его: видна хитрость, желаніе смягчить непріятную вѣсть, желаніе какъ можно долѣе не произносить рокового имени; но стихи:

Безмысленная чернь
 Измѣнчива, мятецна, суевѣрна,
 Легко пустой надеждѣ (*на что?*) предана,
 Мгновенному внушенію послушна,
 Для истины глуха и равнодушна,
 А баснями питается она.
 Ей нравится безстыдная отвага.
 Такъ если сей невѣдомый бродяга...

напоминаютъ какъ-то Онѣгина; здѣсь этотъ тонъ, самая эта риѳомовка не могутъ быть приличны.

Но не теряя изъ виду Бориса Годунова, укажемъ въ сей же сценѣ еще на одну изящную черту, рисующую превосходство Царя, въ душѣ сознающаго непрочность своей власти:

Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ ..

и

Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшой лжи опалою напрасной
Не накажу, но если ты теперь
Со мной хитришь...

Послѣдняя сцена кончины Царя суха, неестественна; Сочинитель въ ней сбился, какъ въ сценѣ Марины Мнишекъ съ Самозванцемъ.

Такимъ образомъ мы прошли всю роль Бориса, и кромѣ одного замѣчанія относительно умирающаго Царя, сказывающаго какую-то политическую проповѣдь, не могли ни на чёмъ болѣе остановиться, какъ только на мѣстахъ, имѣющихъ истинно художническое достоинство, хотя они и не носятъ на себѣ признаковъ глубокой Поэзіи.

Угодно ли обратить теперь вниманіе еще на другія лица? Мы укажемъ на Шуйскаго и Воротынского, изображеныхъ отлично хорошо, ибо характеры ихъ развиты столько, сколько можно требовать; укажемъ на всѣ лица второстепенные, не имѣющія прямого отношенія къ движенью событий. Впрочемъ и самозванецъ, исключая несчастную сцену съ Мариной и превосходную съ монахомъ Пименомъ, также вездѣ довольно хороши. Онъ незначителенъ, какъ и Борисъ; но о причинѣ этого мы уже говорили. Наконецъ, укажемъ на Курбскаго, этого пылкаго юношу, котораго чистая душа, любящая свое отечество, такъ радостно выливается въ словахъ:

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! Я твой...

Словомъ, Пушкинъ вездѣ почти превосходно выполнилъ то, что онъ взялъ на себя вслѣдствіе основной своей

мысли; но что онъ слишкомъ мало предположилъ къ выполнению, это всегда будетъ его виною.

Въ заключеніе мнѣнія нашего о достоинствѣ Бориса Годунова въ отношеніи къ живописи характеровъ, мы должны указать также и на общей недостатокъ сочиненія—это излишній мѣстами лиризмъ въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ и чрезмѣрная иногда охота ихъ къ разсужденію. Сюда относятся въ сценѣ Пимена стихи:

*И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки.....*

*Минувшее проходитъ предо мною—
Давно-ль оно неслось событий полно,
Волнуясь, какъ море Океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно.*

*Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирпныхъ Иоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчъ?
О славѣ ли отечства*

Такъ точно Дѣякъ, вѣ приказахъ постыдѣлый.

Въ рѣчи Бориса:

*Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся*

*Я отворилъ имъ житницы, и злато
Разсыпалъ имъ*

Вся почти сцена, гдѣ къ самозванцу подходятъ Курбскій, Собальскій Хрущовъ, Карела и наконецъ Поэтъ, дышитъ какъ-то, не смотря на все изящество отдѣлки, ходульною Поэзіей отцовъ-классиковъ. О разговорѣ же Марины Минишекъ съ Самозванцемъ и длинной рѣчи умирающаго Царя—нами было уже замѣчено.

Теперь остается еще сказать объ историческомъ колорите Бориса Годунова. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ—

само совершенство. Никто до сихъ поръ изъ нашихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ искусствомъ и силою списывать предметы, какъ онъ, ибо Пушкинъ собственно Поэтъ натуры; доказательство этому мы видѣли во всѣхъ прежнихъ его сочиненіяхъ. Теперь, обратившись къ исторіи, национальный по поэтическому значенію, онъ и здѣсь превосходно выполнилъ мысль свою въ этомъ отношеніи: въ Борисѣ Годуновѣ, какъ въ художнической панорамѣ, вы видите весь духъ того времени, все значеніе тогдашней Руси, начиная отъ словъ Бориса:

А тамъ—сывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца,
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе...

до благочестиваго негодованія Патріарха:

„Ужъ эти мнѣ грамотѣи... Эка ересь! Буду Царемъ на Москвѣ!...
Поймать, поймать врагоугодника!“

Начиная отъ боярскаго пированья въ домѣ Шуйскаго и картины Царева семейства, до жѣлѣзного қолпака юродиваго, битвы 21 декабря 1604 года и собранія народнаго на Лобномъ мѣстѣ:

Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Н А Р О ДЪ.

Вѣстимо нѣтъ

Н А Р О ДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

Мужикъ на амвонѣ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты,
Ступай вязать Борисова щенка!—

Шотомъ въ Кремль у Борисова дома:

Н и щ і й. Дайте милостыню, Христа ради..

С т р а ж а . Поди прочь

О д и нъ изъ на ро д а . Братъ да сестра!

Б ё д н ы й д ё т и , ч то п та ш к и въ қ л ё т к ъ !

Д р у г о й . Есть о юмъ жалѣть! проѣзжтое племя... и проч.

Вотъ все, на что считаемъ мы нужнымъ указать при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ такого сочиненія, каково Борисъ Годуновъ. Говорить о языкѣ Пушкина—значило бы только хвалить его. Нѣсколько ничтожныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ съ стараниемъ журнального Критика, подбирающаго соринки, не послужили бы здѣсь ни къ чему—и мы предоставляемъ этотъ трудъ охотникамъ. Притомъ же всѣ мелочныя недостатки въ стихотвореніи Пушкина такъ видны каждому изъ читателей съ образованнѣмъ вкусомъ, что не стоитъ даже и труда останавливаться на нихъ.

И такъ результатъ замѣчаній сихъ есть слѣдующій. Въ Борисѣ Годуновѣ, изложенномъ поверхностно, слегка, не раскрыта истинная Поэзія события, имѣющаго особенное значеніе въ нашей Исторіи, но тѣмъ не менѣе онъ остается изящнымъ произведеніемъ Пушкина; Борисъ Годуновъ, по мысли своей, стоитъ выше другихъ сочиненій Пушкина, хотя и не удовлетворяетъ вполнѣ разнообразію родившихся притомъ требованій относительно отдѣлки; наконецъ Борисъ Годуновъ есть Онѣгинъ, Онѣгинъ высшаго объема, въ которомъ рисуются черты народной жизни точно такъ, какъ въ Евгениѣ Онѣгинѣ вы видите черты жизни частной.

Въ заключеніе всего предстоитъ намъ еще вопросъ: сдѣлалъ ли Пушкинъ хорошо, что, оставивъ прежній, цвѣтистый, игравый и неполный по объему своему родъ стихотвореній, обратился къ новому, болѣе значительному, болѣе обширному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе трудному, котораго требованія простираются на большую степень талантности, нежели требованія сочиненія, подобнаго Онѣгину?—Мы здѣсь въ особенности указываемъ на Онѣгина потому, что онъ есть чистый и полный результатъ всего

прежняго направлениј Поэзіи Пушкина. Словомъ: по силамъ ли своимъ избралъ Пушкинъ новое для себя поприще? Рѣшить этого мы еще не можемъ. Что Борисъ Годуновъ не удовлетворяетъ условіямъ своего рода—мы уже видѣли, потому, что сдѣлать изъ него историческаго Онѣгина, изваять сцены, внесенные прозаическимъ перомъ монаха—Лѣтописца въ хроники Русскаго народа, не ожививъ ихъ икрою поэтической идеи, какъ сказалъ Пушкинъ, значитъ писать Исторію въ стихахъ и неудовлетворительно, ни въ отношеніи содержанія сочиненія, ни въ отношеніи самаго мнѣнія о Сочинителѣ: но Борисъ Годуновъ есть еще первое произведеніе нашего Поэта въ семъ родѣ, и если А. С. Пушкинъ когда-нибудь въ этой пространной рамѣ раскроетъ талантъ свой столько, сколько раскрылъ его въ кругу мелкихъ происшествій съ плѣннымъ казакомъ, Алеко и лицами свѣтскаго быта, то, безъ всякаго сомнѣнія, стократъ выкупить всѣ неудачи, возможныя для пера его.

I. Ср. Камашевъ.

* * *

*) О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина.

Разговорѣ Помѣщика, проѣзжающаго изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ, и вольнопрактикующаго въ ономъ учителя Россійской Словесности.

Учитель. Добрый день, Петръ Алексѣевичъ (входитъ съ книгою и тетрадью).

Помѣщикъ. Здравствуй, Ермилъ Сергѣевичъ! Что? съ Борисомъ и замѣчаніями? Ну, послушаемъ, что сказалъ ты о первоклассномъ нашемъ поэту?

Учит. (отскакиваетъ и кладетъ тетрадь въ карманъ). Какъ, батюшка, о первоклассномъ? Хорошую же вы сыграли со мною штуку!

*) Отдельное изданіе. Москва, 1831 г.

Помѣщ. (въ удивленіи). Что такое, братецъ? Что съ тобой сдѣлалось?

Учит. Да если бы зналъ я, что авторъ Бориса Годунова въ первомъ классѣ, ни за что бы не принялъ дѣлать на него замѣчаній: ну, Боже упаси, какъ это огласится! Мудрено ли первому классу задавить двѣнадцатый!

Помѣщ. Вотъ то-то и есть, что вы здѣсь въ глухи ничего не знаете. Вѣдь это, другъ мой, не чинъ, равный, напримѣръ, съ фельдмаршальскимъ... это название даютъ за отличнѣйшія произведенія.

Учит. Кто же это, почтеннѣйшій Петръ Алексѣевичъ?

Помѣщ. Ну, журналисты, издатели газетъ, пріятели, товарищи... (смѣется) за чашей кружевою.

Учит. Вотъ что! такъ по этому и нашему брату не невозможно...

Помѣщ. Разумѣется. Но приступимъ къ дѣлу. Читай замѣчанія. Съ чего началь?

Учит. Позвольте доложить: прочитавъ со вниманіемъ не однажды эту книжицу, я самъ себѣ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ.

Помѣщ. Читай, читай!

Учит. Вопросъ 1-й. Къ какому роду изящной Словесности принадлежить сіе твореніе?

Помѣщ. Ужъ это, кажется мнѣ, сущій вздоръ, любезный Ермилъ Сергеевичъ: это поэма.

Учит. (съ жаромъ). Него, сударь весьма пего. Поэма должна имѣть необходимо связь въ продолженіи всего повѣствованія и сохранять, хотя невполнѣ, освященные вѣками правила. Согласенъ: можно уничтожить старинное пою, ибо нынче никто поэмъ не поетъ. Можно забыть призваніе какого-нибудь языческаго божества или олицетворенного идеального существа для подмоги въ дѣлѣ, ибо видно, что сіи божества и существа не многимъ помогали—да и сущность повѣствованія отъ того ничего не терпитъ. Но бросаться и туда и сюда, безъ всякой связи, право, не простительно. А сверхъ всего, смѣю доложить, пишутся ли поэмы прозою? Въ сочиненіи же г. Пушкина есть много прозы.

Помъщ. Да вѣдь это должна быть поэма романтическая—понимаешь ли?

Учит. И понимать не хочу, Петръ Алексѣевичъ! Вамъ известно, что тѣ, которые, по словамъ Вольтера, не умѣли написать ни Трагедіи, ни Комедіи, начали писать Драмы, а къ тому прибавить можно: не умѣвшіе и Драмы написать, стали сочинять Мелодрамы и тому подобное, такъ по этому и думаю, что и *безправильный Романтизмъ*, или, сказать пооткровеннѣе, это безсмысленное слово выдумано тѣми, которые не умѣли написать ничего *правильнаго*. Всѣ мы, кто хоть немножко поучился, читывали Поэмы, и древнія и новыя, да кому приходило въ умъ раздѣлять ихъ на Классическія и Романтическія? Знающіе толкъ восхищались хорошимъ и порицали дурное.

Помъщ. Побывалъ бы ты въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Дали бы тебѣ знать! Да теперь не признающихъ Романтизмъ считаютъ наравнѣ съ Богоотступниками.

Учит. Не тѣ ли же такъ думаютъ, Петръ Алексѣевичъ, которые въ первый-то классъ друзей своихъ производятъ?

Помъщ. Вѣдь надобно-же, братецъ, дать какое-нибудь название *Борису Годунову*. Ну, Трагедія?

Учит. Избави, Господи! А что тутъ есть трагического? Не прикажете ли представить ее на театрѣ? У кулисныхъ-то мастеровъ заболѣли бы руки. Это, сударь, настоящія *Китайскія тѣни*. Дѣйствіе перескаиваетъ изъ Москвы въ Польшу, изъ Польши въ Москву, изъ кельи въ корчму... Есть нѣчто подобное въ драматическихъ произведеніяхъ Шекспира, да все-таки посовѣстнѣе. Къ тому же Шекспиръ писалъ тогда еще, когда одноземцы его и понятія не имѣли объ изящномъ вкусѣ.

Помъщ. Съ тобой не говоришь. Ну такъ повѣсть? И то сказать: *да что намъ нужны до названья? Положимъ... что Борисъ...*

Учит. И въ самомъ дѣлѣ! Какое тутъ название, когда и самъ родитель никакимъ именемъ не окрестилъ своего дѣтища?—Позвольте, далѣе: Вопросъ 2-ой: Кто герой въ этомъ сочиненіи?

Помѣщ. Вопроſъ второй, кто герой? — заговорилъ на виришахъ! — Ты не безъ толку же по толкамъ читаешь; ви-дѣлъ, напечатано крупными литерами: *Борисъ Годуновъ*.

Учит. Оно такъ-ſъ; да если бы типографскій-то наборщикъ ошибся, и на мѣсто *Бориса Годунова* напечаталъ *Гришка Отреپьевъ*? Тогда бы что вы изволили сказатъ?

Помѣщ. Вздоръ какой! не пропустилъ бы корректоръ.

Учит. Пускай и вздоръ, Петръ Алексѣевичъ! Не спорю. Но разберите сами—вѣсть получше наась учили—разберите, за какіе подвиги можно назвать *Бориса* героемъ повѣсті? (да будетъ повѣсть!) Начнемъ съ начала!

Помѣщ. А мы послушаемъ.

Учит. Борисъ является въ первый разъ на страницѣ 10-й, гдѣ избираютъ его царемъ; тутъ нѣтъ никакихъ отличныхъ подвиговъ; потомъ показывается одинъ и говоритъ самъ съ собою вслухъ такой ужасный монологъ, отъ кото-раго и у самаго крѣпкаго актера заболѣло бы горло,— а о чёмъ говоритъ? — Немножко раскаивается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, бранитъ чернь за разныя на него (яко бы) клеветы; потомъ у него Бориса

Какъ молоткомъ стучить въ ушахъ упрекомъ;
И все тошнить и голова кружится...

Помѣщ. Остановись-ка на минуту. Что ты скажешь объ этомъ *тошнитъ*?

Учит. Не хорошо, Петръ Алексѣевичъ, весьма отвра-тительно.

Помѣщ. А вотъ какъ не хорошо: это прелестъ; это значитъ, что Авторъ подслушалъ голосъ природы; это на-циональность, народность—требованіе нашего вѣка.

Учит. Вѣдь подслушать-то, сударь, съ позволенія скажать, мало ли что можно, да рассказывать объ этомъ и пе-чатать не должно. Вы слыхали, думаю, о разговорѣ двухъ знаменитыхъ нашихъ Поэтовъ. У одного изъ нихъ написано было въ стихахъ что-то объ арбузахъ да объ солѣныхъ огурцахъ; другой замѣтилъ, что природу надо искать *не въ обжорномъ рынке*. Такъ и здѣсь, при словѣ *то-*

инитъ, не можетъ ли иному чувствительному читателю представиться послѣдствіе тошноты... словомъ сказать, весьма отвратительно. Не ужели Авторъ *Бориса* не слышивалъ объ изящной природѣ? Да! Борисъ показывается въ палатахъ у дочери и сына. Это явленіе начинается прозою, оканчивается полуупрозою. Онъ проситъ дочь, чтобъ не плакала о мертвомъ женихѣ; сына хвалить за то, что изобразилъ *хитро* на бумагѣ всѣ области Русскія. Но замѣтимъ однако: Борисъ не могъ разобрать, гдѣ на этомъ чертежѣ Москва, Новгородъ, Астрахань, и не узналъ Волги. И такъ, позвольте спросить, *хитро* ли написанъ былъ чертежъ?

Помѣщ. Ну, братецъ, это дѣло постороннее; что привязываться къ пустякамъ? Продолжай!

Учит. Извольте-съ. Въ продолженіи сего явленія Борисъ узнаетъ,

Что въ Krakovѣ явился Самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

.....
Такъ, если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

То-есть: онъ узналъ уже, что Самозванецъ принялъ имя убіеннаго Царевича Димитрія Ioannовича. Шуйскійувѣряетъ его, что Царевичъ дѣйствительно скончался. — Довольно, удались,—говорить Борисъ Шуйскому...

Ухъ, тяжело!

Тяжело, почтеннѣйшій Цетръ Алексѣевичъ, какъ этотъ ухъ дѣлаетъ бухъ въ нашъ слухъ!

Помѣщ. Опять за вирши! да говори, любезный, о дѣлѣ,—о подвигахъ героя Бориса.

Учит. До 95-й страницы, герой нашъ совсѣмъ не показывался. Между тѣмъ побывали мы въ Krakovѣ, въ

Самборъ у Мнишки, погуляли въ саду съ Мариною, были на границѣ Литовской...

Помѣщ. Ну, далѣе.

Учит. Съ вышепоказанной-то страницы, правду молвить, Борисъ началъ дѣйствовать: приказалъ послать указы къ Воеводамъ, чтобъ на коня садились...

Помѣщ. Постой, постой, Ермилъ Сергѣевичъ! Какъ? Всѣ Воеводы на одного коня?

Учит. Ба! да я этого и не замѣтилъ. Извините.

Помѣщ. Это сказалъ я такъ, *въ скобкахъ*. Продолжай.

Учит. ...И чтобы людей высыпали на службу, и отобрали бы въ монастыряхъ служителей причетныхъ; и что онъ, Борисъ, видя *кипящіе умы*, желалъ бы предупредить казни; но чѣмъ и какъ? спрашивается у Патріарха. — Кортко сказать, эта аудіенція кончилась тѣмъ, что Борисъ приказалъ перенести моши св. Страдальца младенца въ Кремль, въ Архангельскій Соборъ.

Помѣщ. Да, помнится, и въ этомъ его не послушали.

Учит. А вотъ, сударь, на страницѣ 102-й, Патріархъ отговорилъ ему и обѣщалъ самъ выдти на помощь и обнаружить народу злой обманъ бродяги. Тѣмъ и прекратились распоряженія Годунова: всѣ разошлись съ миромъ. Теперь является онъ, съ Басмановымъ на стр. 122-й; какъ вдругъ у него *кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей*; онъ чувствуетъ приближеніе смерти, постригается, умираетъ. Вотъ вамъ, Петръ Алексѣевичъ, весь герой Поэмы, или повѣсти, какъ угодно.

Помѣщ. Ну, говори о Самозванцѣ.

Учит. Когда въ корчмѣ узнали, что онъ дѣйствительно бѣглый монахъ и хотѣли схватить, онъ вынулъ кинжалъ, бросился въ окно — и давай Богъ ноги. Правда, тутъ нѣтъ геройства, однако же не станемъ совершенно осуждать Отрепьева. Продолженіе впредь. Въ Краковѣ онъ собираетъ дружины, у Мнишка соблазняетъ Марину; но мало-по-малу приближается къ своей цѣли, побѣждаетъ Русскихъ при Новгородѣ-Сѣверскомъ — и велитъ ударить отбой. *Мы побѣдили*, говоритъ онъ; *довольно, щадите Русскую кровь. Отбой!* Эта черта показываетъ, по крайней

мѣрѣ, что Отрепьевъ умѣетъ управлять войскомъ и умѣеть заставить думать о привязанности своей къ Русскому народу; онъ не трусить пятидесяти тысячъ, съ которыми, по словамъ плѣнника, идетъ на него Шуйскій. *Друзья*, сказалъ онъ своимъ, *не станемъ ждать мы Шуйскаго; я поздравляю васъ: на завтра бой*. Здѣсь должно признаться, Самозванецъ показывается настоящимъ героемъ — и рѣчь его была не пустая: онъ на Престолѣ Московскому. И такъ, повторимъ, кто болѣе обращаетъ на себя вниманіе читателя, Борисъ или Гришка? Кто заслуживаетъ болѣе названіе героя Ноэмы?

Помѣщ. Мнѣ, Ермилъ Сергеевичъ, все равно. А что о другихъ-то лицахъ?

Учит. Былъ у меня заготовленъ вопросъ третій: хорошо ли выдержаны характеры *дѣйствующихъ* лицъ? Но подъ этою статью поставилъ я нуль. О другихъ, кромѣ Бориса и Отрепьева, нечего и сказать. Они кое-что поговаривали, а *не дѣйствовали*.

Помѣщ. Такъ ужъ разсказывай скорѣе.

Учит. Ничего не говорю я о стопосложеніи. Для меня всѣ стихи равны: гекзаметры, пентаметры, александристкіе, бѣлые, съ риѳмами — это одна оболочка, была бы поэзія; вотъ главное! Пушкинъ избралъ *ямбический пентаметръ* безъ риѳмъ, съ *пресыщеніемъ* послѣ первыхъ двухъ стопъ. Почему жъ и не такъ? Вольному воля. О гладкости въ стихахъ ни слова не скажу: она есть не отъемлемая собственность Пушкина. Много мѣстъ превосходнѣйшихъ! Напримеръ, разговоръ Шимена съ Григорьемъ. Мнѣ очень полюбилось сдѣланное Григорьемъ *сравненіе*, когда онъ говоритъ, что во время сочиняемой Шименомъ лѣтописи, не могъ прочесть его сокрытыхъ думъ:

Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно Дѣякъ въ приказахъ посѣдѣлый
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Разсказъ о кончинѣ Царевича также очень хорошъ.

Прекрасна и молитва, произносимая мальчикомъ за Царя, по приказанію Шуйскаго. Я выписалъ ее:

Царю небесь, вездѣ и присносущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ Государѣ,
Объ избраниомъ Тобой благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ Царѣ самодержавномъ,
Храни его въ палахъ, въ полѣ ратномъ.
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай Ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтеть его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣти
Весь міръ земной--а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ и долготерпѣливъ,
Да мудрости Его неистощимой
Проистекутъ источники на насы;
И, Царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся Тебѣ, Царю Небесь.

По мѣщ. Эту молитву, Ермилъ Сергѣичъ, прочиталъ я нѣсколько разъ, подразумѣвая нынѣшнее время.

Учит. И прекрасно изволили придумать.—Далѣе: удачно сдѣлано и описание черни.

.....Безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновениому внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.

Съ пріятностью можно прочитать стихъ, сказанный Шуйскимъ Царю:

Не қазнь страшна; страшна твоя немилость.

и слѣдующій Бориса:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха.

Разговоръ Самозванца съ Мариною не заключаетъ въ себѣ отличныхъ красотъ; онъ, такъ, ни хорошъ, ни дуренъ; въ немъ нѣтъ ни жару, ни большой стужи. Конецъ довольно смѣшонъ. Разсерженный на Марину Отрепьевъ по уходѣ ея говоритъ:

Нѣтъ—легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ Езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чѣртъ съ ними, мочи нѣтъ.
И путается, и вѣтается, и ползется,
Скользить изъ рукъ, шипить, грозить и жалить.
Змѣя! змѣя!

Такія выраженія, Пётръ Алексѣевичъ, *чертъ съ ними*, а особенно: *мочи нѣтъ*, при всякой романтической національности—ни куда не годятся.

За симъ, что называется *съ оника*, слѣдуетъ прекрасное *обращеніе* Курбскаго къ своему отечеству:

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! Я твой!
Чужбинны прахъ съ презрѣнемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утышилась, и въ гробѣ
Опалыны возвращаются кости... и проч.

Помѣщ. Да! если бы такъ написана была вся повѣсть...
Учит. Тогда бы стали хвалить.

Помѣщ. Ну-ка, доходи скорѣе до Французскаго-то съ Нѣмецкимъ! До этого мѣста, помнится, нѣтъ ничего значительнаго, кромѣ разскaza Патріарха о слѣпцѣ, прозрѣвшемъ у гроба св. младенца.

Учит. Такъ, это порядочно. А какъ увидѣлъ я *смѣсь Русскаго съ Нѣмецкимъ и Французскимъ*—признаюсь, подумалъ, можно ли было ожидать отъ Пушкина такой галиматии? Что за школьническая игра въ словахъ *Quoi, Quoi, kva, kva!*

Помѣщ. Да помилуй, Ермилъ Сергѣичъ, осердился по

пустому: вѣдь Маржеретъ и Розенъ не умѣли говорить по Русски; ну и говорили какъ могли.

Учит. Такъ позвольте жъ объясниться: развѣ Самозванецъ съ патеромъ Черниковскимъ, съ Мариною и съ другими, вѣ Польшѣ, говорилъ по Русски? Развѣ Вишневецкій и Мнишекъ говорили по Русски? Слѣдовало бы разговоры ихъ также напечатать по Польски: ужъ смѣшить, такъ смѣшить!—Какъ вы думаете, Петръ Алексѣевичъ?

Помѣщ. (*сматря въ книгу*). Sie haben Recht.

Учит. (*поворотя страницу назадъ*). Но истинѣ: Es ist Schande.

Помѣщ. Не полно-ли? Развѣ есть еще что-нибудь?

Учит. Вотъ, надобно замѣтить рѣчь, обращенную Борисомъ при смерти къ сыну его Феодору. Хотя и нѣтъ въ ней отлично хорошихъ мыслей, да есть порядочные стишки. Я не выписалъ ее: слишкомъ длинна, и много между пропущимъ пустаго.

Теперь осталось только показать нѣкоторая *ризкия* мысли, встрѣчаемыя вѣ продолженіи Повѣсти; напримѣръ, патеръ Черниковскій говоритъ справедливо:

Притворствовать предъ оглашеннемъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велить.

Эту Езуитскую мораль лучше бы не выдавать вѣ оглашенный свѣтъ.

Или вѣ семъ Разговорѣ Бориса съ Басмановымъ:

Лишь дай сперва смятеніе народа
Миѣ усмирить.

Б А С М А Н О ВЪ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ.

Помѣщ. Вотъ вздоръ какой? *Всегда склоненъ*. Пустое, съ этимъ я совершенно несогласенъ; какъ-быши ты давиче сказалъ? да, пего, весьма пего. И Русскому ли Боярину такъ отзываться о Православномъ Русскомъ народѣ?

Лиши строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ...
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабъ и казни — тебѣ не будетъ хуже.

Учит. А Борисъ-то... (*читаетъ наизустѣ*).

Помѣщ. Полно, братецъ, полно! Чтобъ не подслушали.
Учит. Да вѣдь это говоритъ Борисъ въ печатномъ.

Помѣщ. Такъ можно примолвить: и милостиво и премудро! Нѣтъ не вѣрю, чтобы Борисъ, каковъ ни былъ онъ, сталъ говорить такимъ Макіавельскимъ языкомъ.

Учит. А сыну-то при смерти говоритъ:

Со временемъ и понемногу, снова
Затягивай державныя бразды...

И вотъ еще извольте взглянуть на страницу 139-ю! Ка-
ково, мужикъ кричитъ народу съ какого-то *Амвона*:

Ступай! Вязать Борисова щенка!

то-есть, Феодора, Борисова сына, которому присягнули въ
вѣрности! *Борисова щенка!* Какой изящный вкусъ! — И это
национальность?

Помѣщ. Ну, пора перестать. Что жъ ты думаешь о
первоklassности Сочинителя?

Учит. Не мое дѣло. Мнѣ, сударь, ни жаловать, ни раз-
жаловать невозможно.

Помѣщ. И подлинно: безъ суда никто не наказывается,
а судъ даетъ потомство.

Учит. Только надобно желать, Петръ Алексѣевичъ,
чтобъ это потомство какъ можно скорѣе показалось; а до
поздняго, кажется, не дожить нынѣшнему *Борису Годунову*.

* * *

**) О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ. Москва. Въ Университетской типографіи, 1831 г.*

**) „Гирлянда“ 1831 г., ч. 2, № 24—25. „Библіографія“. Зам. Г. З-ая.*

Въ 8. (16 стран.). (Продается въ магазинѣ Смирдина по рублю экземпляръ).

Въ числѣ критикъ, вышедшихъ на извѣстное произведеніе А. С. Пушкина, эта маленькая брошюрка, по нашему мнѣнію, должна занять, если не самое первое, то, по крайней мѣрѣ, почетное мѣсто. Впрочемъ, намъ кажется, что Критикъ смотритъ на произведеніе Пушкина болѣе съ строгой точки, нежели надлежало. Всѣмъ тѣмъ, которые принимаютъ участіе *въ Борисѣ Годуновѣ*, не мѣшало бы прочесть и сюю книжку: вѣроятно, найдутъ ее занимательною.

Г. З—ая.

* * *

*) *О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ.* Москва. Въ Университетской типографіи 1831 г., 16 стр., въ 8.

Странная участь Бориса Годунова! Еще въ то время, когда онъ не извѣстенъ былъ публикѣ вполнѣ, когда изъ этого сочиненія былъ напечатанъ одинъ только отрывокъ, онъ произвелъ величайшее волненіе въ нашемъ литературномъ мірѣ. Люди, выдающіе себя за Романтиковъ, кричали, что эта трагедія затмитъ славу Шекспира и Шиллера; такъ называемые Классики въ грозномъ таинственномъ молчаніи двусмысленно улыбались и пожимали плечами; люди умѣренные, не принадлежащіе ни къ которой изъ вышеупомянутыхъ партій, надѣялись отъ этого сочиненія многаго для нашей Литературы. Наконецъ Годуновъ вышелъ; всѣ ожидали шума, толковъ, споровъ — и что же? Одинъ изъ С.-Петербургскихъ журналовъ о новомъ произведеніи знаменитаго Поэта отозвался съ личною бранью; Московскій Телеграфъ, который (какъ самъ о себѣ неоднократно объявлялъ) не оставляетъ безъ вниманія никакого замѣчательнаго явленія въ литературѣ, на этотъ разъ изложилъ свое сужденіе въ нѣсколькихъ строкахъ общими мѣстами и упрекнулъ Пушкина въ томъ,

*) „Листокъ“ 1831 г., № 45. (Бібліографія).

какъ ему не стыдно было посвятить своего Годунова памяти Карамзина, у котораго Издатель Телеграфа сilitся похитить заслуженную славу. Въ одномъ только Телескопѣ Борисъ Годуновъ былъ оцѣненъ по достоинству. Извѣстный Г. Надоумко, который, вѣроятно, Издателю этого журнала не чужой и который нѣкогда совѣтовалъ Пушкину сжечь Годунова, теперь сіе же самое твореніе взялъ подъ свое покровительство. Но это сдѣлано имъ, кажется, только для того, что онъ, Г. Надоумко, какъ самъ признается, любить плавать противъ воды, идти на перекоръ общему голосу и вызывать на бой общее мнѣніе.

Теперь появилась особенная брошюрка, подъ названіемъ: О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ. Что жь это такое? спросятъ Читатели. Это, Милостивые Государи, одно изъ тѣхъ знаменитыхъ твореній, которыми наводняютъ нашу литературу Г. Орловъ и ему подобные. Какой-то Помѣщикъ Петръ Алексѣевичъ, проѣзжающій изъ Москвы чрезъ уѣздный городокъ, завель разговоръ о Борисѣ Годуновѣ съ какимъ-то знакомымъ ему вольнопрактикующимъ учителемъ Российской словесности, Ермиломъ Сергеевичемъ. Автору этого Разговора хотѣлось, вѣроятно, написать критику, и вотъ онъ началь толковать о Годуновѣ по своему. Не желая искушать терпѣніе читателей, не входимъ въ подробное разсмотрѣніе этой брошюрки, а выписываемъ изъ оной нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе объ ономъ сочиненіи.

„Уч.т. Съ вышепоказанной-то страницы, правду молвить, Борисъ началъ дѣйствовать: приказалъ послать къ Воеводамъ, чтобы на коня садились.“

Помѣщ. Постой, постой, Ермилъ Сергеевичъ, какъ? Всѣ Воеводы на одного коня?“

„Уч.т. Кацово, мужикъ кричитъ народу съ какого-то амвона:

Ступай! Вязать Борисова щенка!

то-есть, Феодора, Борисова сына, которому присягнули въ вѣрности! Борисова щенка! Какой изящный вкусъ! И это національность?

Помѣщ. Ну, пора перестать. Что жь ты думаешь о первоклассности Сочинителя?

Учит. Не мое дѣло. Мнѣ, сударь, ни жаловать, ни разжаловать невозможно.

Помѣщ. И подлинно: безъ суда никто не наказывается, а судъ даетъ потомство.

Учит. Только надобно желать, Петръ Алексѣевичъ, чтобы это потомство какъ можно скорѣе показалось, а до поздняго, кажется, не дожить нынѣшнему Борису Годунову“.

Каково? Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что самое название этой школьнай болтовни предувѣдомляетъ, въ какомъ духѣ написанъ Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ; напечатанъ же особою брошюрою онъ, вѣроятно, потому, что по какимъ-нибудь причинамъ не могъ явиться ни въ одномъ журналь.

Изъ „Листка“ 1831 г.

* * *

*) *О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ. Москва, въ Университетской тип. 1831 г., въ 8 д. л., 16 стр.*

Новѣйшая Поэзія имѣетъ особенный характеръ, которымъ она отличается и отъ Древней и отъ Романтической. Сей отличительный признакъ заключается въ ея отношеніи къ теоріи Искусства и къ Критикѣ. Во всѣхъ ея произведеніяхъ замѣтно, что они произошли подъ вліяніемъ извѣстныхъ литературныхъ правилъ или мнѣній. Съ этой зависимостію необходимо сопряжены два недостатка или, лучше сказать, два ложныхъ направлениія Поэзіи. Съ одной стороны превращаютъ ее въ простое механическое стихотворство люди, которые почитаютъ себя Поэтами потому только, что навыкли въ ремесленной части Поэзіи, которые полагаютъ сущность ея во внѣшнихъ формахъ, и недостатокъ творческаго гenія думаютъ замѣнить искусствомъ стихосложенія.—Съ другой стороны виновниками искаже-

*) „Сѣверная Пчела“ 1831 г., № 167. (Новые книги).

шія Поэзіи бывають Поэты, которые вовсе отрицаютъ необходимость изучать правила и законы своего Искусства; умственный трудъ, постоянный и усердный, для нихъ неизвестенъ: отвергая всѣ формы, они не хотятъ вѣрить, что Поэзія есть искусство, и выдаютъ себя за Поэтовъ оригинальныхъ, природою вдохновенныхъ, национальныхъ, которые, въ силу сего, должны писать, что и какъ имъ въ голову прійдетъ.—Обязанность Критики надзирать за сими заблуждающимися, и приводить ихъ на истинную стезю съ пути ложнаго, гдѣ они бесполезно растрачиваются свои лучшія силы. Но и сама Критика можетъ являться въ двухъ ложныхъ видахъ, соотвѣтствующихъ означеннымъ выше ошибочнымъ направленіямъ Поэзіи. Есть люди, коимъ изученіе одной или двухъ Литературъ и выводъ изъ нихъ нѣсколькихъ неполныхъ и невѣрныхъ правилъ стоили такъ много труда, что совершенно ихъ утомили. Отъ того, работѣствуя предъ сими мнимыми законами Искусства, хотятъ они наложить то же ярмо и на творческую силу Поэта, и ко всѣмъ твореніямъ его примѣняютъ свое органическое мѣрило. За то бывають Критики другаго рода, которые еще легче добываютъ право судей литературныхъ: они не признаютъ никакихъ законовъ, творятъ судъ и расправу, какъ имъ заблагоразсудится. *Tel est notre bon plaisir* — вотъ основаніе ихъ приговоровъ: другаго, болѣе законнаго основанія они не знаютъ, и знать не хотятъ. Критики первого рода смѣшны своею ограниченностію; но судьи-самозванцы вреднѣе ихъ.

Истинно великимъ Поэтомъ нашего времени можно быть только тому, кто къ высокому поэтическому дарованію присоединитъ глубокое основательное изученіе своего Искусства. Точно также и право Критика истиннаго уступается нынѣ только тому, кто, обладая чувствомъ, открытымъ для всего прекраснаго, не полѣнился трудною стезею умозрѣнія проникнуть до основныхъ, вѣчно истинныхъ законовъ Изыщнаго, и повѣрилъ, подкрѣпилъ онѣ историческимъ изученіемъ разнообразныхъ проявленій красоты въ различныхъ Литературахъ.—Судья *Бориса Годунова* не принадлежитъ къ числу сихъ избранныхъ. Поло-

жимъ, что никакому практикующему учителю Россійской Словесности, какъ ни были бы ограничены его теоретическая и историческая свѣдѣнія, нельзя запретить судить о Поэти современномъ, ибо знаменитость сего Поэта можетъ быть оправдана потомствомъ, но можетъ быть и отринута; по крайней мѣрѣ, не позволительно съ такими слабыми средствами хотѣть быть судьею геніевъ великихъ, Шекспира, напримѣръ. „Шекспиръ, говорить Г. вольнопрактикующій учитель, писалъ тогда еще, когда одноземцы его и понятія не имѣли обѣ изящномъ вкусы“. Справимся съ Исторію. Но расчисленіямъ Малона, Чальмерса и Драка, доставшіяся намъ отъ Шекспира Драмы написаны имъ между 1589 и 1614 годами. Его современниками и соперниками были: Бенъ-Джонсонъ (род. 1574 г., ум. 1637 г.), многоначитанный ученикъ знаменитаго Камдепа, опутавшій свой смѣлый геній веригами ложно понятаго Аристотеля (*Аристотеля* — Ермилъ Сергѣичъ!); Франсистъ Бомонъ (род. 1584 или 1585, ум. 1615), который въ Кембриджѣ и Лондонѣ основательно изучилъ Классическую Словесность, и со-трудникъ его Джонъ Флетчеръ (род. 1576, ум. 1625). Упомянемъ еще обѣ отличномъ, по силѣ языка, Комикѣ Мас-сингеръ и о Чапманѣ (род. 1578, ум. 1635), переводчикѣ Иліады и подражателѣ Теренцію.— И одноземцы сихъ мужей не имѣли понятія обѣ изящномъ вкусы? Они имѣли даже испорченныя понятія обѣ изящномъ вкусы? Они имѣли даже испорченныя понятія, ибо нашлись люди, коихъ мнѣнія обѣ изящномъ сходствовали съ понятіями Г. вольнопрактикующагося учителя, и которые сами вѣрили и на нѣкоторое время заставили другихъ вѣрить, что Джонсонъ, Бомонъ и Флетчеръ выше Шекспира.— Но сами сіи мужи, потому именно, что были истинно образованы, умѣли цѣнить своего великаго современника. Не взирая на свое уваженіе къ Древнимъ, ученый Бенъ Джонсонъ ставитъ Шекспира на принадлежащую ему степень достоинства. Въ стихотвореніи, въ которомъ Джонсонъ оплакалъ смерть Шекспира, онъ говоритъ:

„Торжествуй, моя Британія! въ замѣну всѣхъ пѣвцовъ, которыхъ произвели надменная Греція или гордый Римъ

или которые потомъ возникли изъ подъ пепла, ты можешьъ указать на одного, предъ коимъ благоговѣютъ всѣ драматическія сцены Европы. Онъ принадлежитъ не одному вѣку; онъ есть достояніе всѣхъ временъ.—И его Музы еще всѣ въ полномъ цвѣтѣ красоты“. *Изъ „Сѣверной Пчелы“ 1831 г.*

* * *

*) Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А. П.—С.-Петербургъ. Въ типографіи Плюшара, 1831. Въ 12. (XIX и 187 стран.). (Продается въ маг. Смирдина по 5 руб., съ перес. по 6 р. экз.).

Поставляемъ обязанностю своею обратить вниманіе прекрасныхъ нашихъ Читательницъ на сю книжку: чтеніе оной доставитъ имъ особенное удовольствіе. Въ ней помѣщено пять Повѣстей: *Выстрѣль*, *Метель*, *Станіонный Смотритель*, *Гробовицкъ и Барышина-Крестьянка*. Мы хотѣли было разсказать вкратцѣ содержаніе каждой изъ сихъ Повѣстей, но подумали, что повредимъ этимъ интересу, который будутъ имѣть ихъ читательницы.

Изъ „Гирлянды“ 1831 г.

* * *

**) *Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А. П. С.-Петербургъ.*

Какъ пріятно, въ тѣсномъ дружескомъ кругу, предъ каминомъ, слушать разсказы умнаго, образованнаго человѣка—разсказъ о чёмъ бы то ни было: о необыкновенномъ происшествіи, о забавной встрѣчѣ, о странномъ сновидѣніи. Раскащикъ не утомляетъ васъ подробностями, которыя были бы умѣстны только въ *настоящей* Повѣсти, легко очеркиваетъ свои изображенія, но бросаетъ черты сіи не безъ разбору: каждая изъ нихъ необходима для составленія цѣлаго; иногда забываетъ онъ роль раскащика, и на нѣсколько минутъ самъ становится дѣйствующимъ ли-

*) „Гирлянда“ 1831 г., ч. 2, № 28—29. (Бібліографія).

**) „Сѣверная Пчела“ 1831 г., № 255. (Новыя книги).

цемъ, замѣняя свои картины повѣствовательныя сценою драматическою, причемъ и выраженіе лица, и голосъ, и слогъ рѣчей его измѣняются. — Вы имѣете нынѣ случай пользоваться прелестями такого разсказа, не трудясь искать раскащика: возьмите Повѣсти Бѣлкина. Въ сей книжкѣ помѣщены шесть анекдотовъ, приключеній, странныхъ случаевъ, — какъ вамъ угодно называть ихъ, разсказанныхъ мастерски: быстро, живо, пламенно, плѣнительно. — Жалуются, что содержаніе сихъ Повѣстей слишкомъ просто; что, прочитавъ нѣкоторая изъ нихъ, спрашиваешь: только-то? Да, только, а если этого недовольна, возьмите другую книжку, потолще — она будетъ и подешевле. — Въ предисловіи описана жизнь Автора, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ;

Но вы, красавицы...

Не ахайте обѣ немъ и не смущайтесь духъ!

У Поэта, которому довелось издавать сіи разсказы, есть, говорятъ, еще препорядочный запасецъ сочиненій покойнаго его пріятеля. Жаль, что въ этой поэтической книгѣ, мѣстами и корректура поэтическая: такъ, напримѣръ, на стр. 2-й сказано: „Одинъ человѣкъ принадлежалъ нашему обществу“, вм.: *Къ нашему обществу*“. На стр. 75 *заперевъ!* Впрочемъ эти бездѣльныя ошибки бросаются въ глаза именно потому, что слогъ всей книжки самый правильный и пріятный“.

Изъ „Сѣверной Пчелы“ 1831 г.

* * *

*) *Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина.*

Вотъ также пять маленькихъ сказочекъ, которые напечаталъ Г-нъ А. П., почитая ихъ занимателыми, вѣроятно, не для дѣтей, а для взрослыхъ.

Помнится, въ Сѣверной Пчелѣ было сказано нѣсколько словъ о забавномъ подражаніи нашихъ литераторовъ нынѣшней модѣ Французской и Англійской. Во Франціи и

*) „Московскій Телеграфъ“ 1831 г., ч. 42, № 22. „Русская литература“.

Англіі выдаютъ нынѣ книги, на половину, безъ подписи именъ или съ подложными именами сочинителей. И у насъ стали дѣлать тоже: являются безпрестанно *анонимы* и *псевдонимы*. Но что у Англичанъ и Французовъ происходит отъ избытка силы, то у насъ пустое обезьянство. Многіе сочинители наши могутъ подписывать и не подписывать имена свои, и все-таки останутся — *anonymes dans les deux cas* (по выражению А. де-Винни). Этотъ И. П. Бѣлкинъ, этотъ Издатель сочиненій его, который подписывается буквами: А. П., и о которомъ въ объявлениі книгопродавцевъ говорятъ, какъ о *славномъ нашемъ поэту*, не походятъ-ли они на дитя, закрывшее лицо руками и думающее, что его не увидятъ?

Впрочемъ, буквы: А. П., были необходимы въ другомъ отношеніи: безъ этого никто и не замѣтилъ бы *Повѣстей Бѣлкина*. Теперь, по крайней мѣрѣ, ихъ прочитали.

Кажется, Сочинителю хотѣлось испытать: можно-ли увлечь вниманіе читателя рассказами, въ которыхъ не было-бы никакихъ фигурныхъ украшений ни въ подробностяхъ разсказа, ни въ слогѣ, и никакого романизма въ содержаніи (принимаемъ здѣсь слово *романизмъ* какъ умозываніе, въ чемъ, по увѣренію нашихъ риторовъ, заключается сущность романа).

Дарованія В. Ирвинга въ наше время, кажется, рѣшили уже этотъ вопросъ. Но зналь-ли Г-нъ Бѣлкинъ, что это верхъ силы дарованія огромнаго? Эта мнимая простота показываетъ геркулеса, безъ всякаго усиленія, шутя, ломающаго огромныя деревья.

Возьмите какую-нибудь В. Ирвингову повѣсть. Педантъ, школьній учитель, влюбился въ дѣвушку; любовникъ красавицы пугаетъ педанта мертвѣцами и заставляетъ бѣжать. Англичанинъ, съѣхавшись въ дорогѣ съ молодою Венеціанкою, спасаетъ ее отъ разбойниковъ. Вотъ содержаніе двухъ повѣстей. Что можетъ быть этого проще? Въ разсказѣ той и другой повѣсти нѣтъ ни риторическихъ фигуръ, ни нечаянностей, ни блестокъ. Но въ этомъ-то отсутствіи шумихи содержанія и слога заключается высокое искусство. Всего болѣе показалъ свою степень, если можно

такъ сказать — безыскусственного искусства, В. Ирвингъ въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ вовсе нѣть у него никакой завязки. Читайте его: *Растерзанное Сердце*, свиданіе съ В. Скоттомъ, вороновъ и воронъ — неподражаемо! И. П. Бѣлкину явно хотѣлось попасть въ колесо В. Ирвинга. Но какъ *Евгений Онѣгинъ* далекъ отъ *Донъ Жуана*, такъ *Повѣсти Бѣлкина* далеки отъ созданій В. Ирвинга.

Лучшею изъ всѣхъ *Повѣстей Бѣлкина* намъ показалась — *Стационарный Смотритель*. Въ ней есть нѣсколько мѣстъ, показывающихъ знаніе человѣческаго сердца. Забавна и шутка, названная: *Гробовщикъ*. За то въ повѣстяхъ: *Выстриль*, *Метель* и *Барышня-Крестьянка* нѣть даже никакой вѣроятности, ни поэтической, ни романической. Это фарсы, затянутые въ корсетъ простоты, безъ всякаго ми-
лосердія*).

1832 г.

) *Евгений Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Глава послѣдняя.—Спб., въ тип. Департ. Народнаго Просвѣщенія, 1832 г. (въ 12-ю д. л. 51 стр.) *)

Этюю осьмую главой заключается поэтическій романъ, созданный А. С. Пушкинымъ. Авторъ утаилъ у насъ подъ спудомъ подлинную осьмую главу, въ которой описано было путешествіе *Онѣгина* по Россіи, и остроумно оговаривается сю утайку въ своемъ предисловіи. Въ послѣдней главѣ Евгений снова встрѣчается съ Татьяной, но уже не за-

*) Сюда не вошли рецензіи о Пушкинѣ 1831 года, напечатанныя въ слѣдующихъ изданіяхъ: „Сѣверномъ Меркуріи“, №№ 1, 28 и 37 („Борисъ Годуновъ“ и „Повѣсти Бѣлкина“); „Колокольчикъ“, № 6, стр. 23—24 („Борисъ Годуновъ“); „Литературной Газетѣ“, № 1 и 2, стр. 7—8 и 15—17 („Борисъ Годуновъ“); Спбургскому Вѣстникѣ“, № 2, стр. 62—64 („Борисъ Годуновъ“); „Эхо“, № 2, стр. 47—57 („Борисъ Годуновъ“); „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“, № 8 и 93, стр. 59 и 735 („Полтава“ и „Повѣсти Бѣлкина“). Примѣч. В. Зелинского.

**) „Русскій Инвалидъ“ 1832 г., № 26. („Новая книга“).

***) Продаются въ Спбургѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 5 р. за экземпляръ. За пересылку въ другіе города прилагается 80 коп.

стѣнчию провинціялкой, а ловкою свѣтскою Княгиней. Демонъ тщеславія, всегдашній кумирь Онѣгина, пробуждаетъ въ сердцѣ его любовь къ той, которую прежде онъ отвергнуль; но Татьяна какъ будто бы не замѣчаетъ ни вздоховъ, ни страстныхъ преслѣдованій человѣка, нѣкогда покорившаго ея неопытное сердце. За прежній совѣтъ его, она платитъ ему тоже совѣтомъ, не столь великодушнымъ, но за то болѣе разсудительнымъ и назидательнымъ; признается, что еще любить его, но хочетъ оставаться вѣрною своему долгу... и оставляетъ Онѣгина. Поэтъ также оставляетъ его „надолго... навсегда“, заключая свою поэму слѣдующими стихами:

„Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Боѣала полнаго вина,
Кто не дочель ея романа
И вдругъ умѣль разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгиномъ моимъ“.

Изъ „Русскаго Инвалида“ 1832 г.

* * *

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ помѣщенъ фельетонъ, заключающій въ себѣ выписки изъ 8-й главы „Евгения Онѣгина“. Въ концѣ фельетона, между прочимъ, сказано:

*) Такое окончаніе Онѣгина примирить всякаго съ Авторомъ. Нужно ли распространяться о достоинствѣ сего произведенія первого нашего Поэта? Оно еще не опредѣлено критикою, какъ и всѣ почти произведенія Русской Литературы, въ томъ мы согласны; но каждый изъ читателей составилъ себѣ свою идею о семъ произведеніи, сообразно своему понятію объ изящномъ. Скажемъ только, что осмая и послѣдняя глава Евгения Онѣгина показываетъ, что Поэтъ писалъ ее въ состояніи одушевленія, часто вдохновенія, и

*) „Сѣверная Пчела“ 1832 г., № 51.—Замѣтка П. С.

что она принадлежитъ къ лучшимъ главамъ сего поэтическаго Романа.

Изъ „Св. Пчелы“ 1832 г.

* * *

*) *Послѣдняя глава Евгения Онѣгина. Сочиненіе Александра Пушкина.*

Изъ читавшихъ первыя главы *Онѣгина*, вѣроятно, не многіе думали такъ скоро увидѣть конецъ сей повѣсти, вызвавшей много толковъ, споровъ, осужденій и восхищений, холодныхъ порывовъ, и — можетъ быть — нѣсколько слезокъ, падшихъ украдкою. Но какъ-бы то ни было — вотъ послѣдняя глава, конецъ Онѣгина! Чѣмъ-же кончилась эта *исторія*, сказка, или романъ? спросятъ читатели. Чѣмъ?... да чѣмъ обыкновенно кончится все въ мірѣ? И Богъ знаетъ! Иной живетъ лѣтъ восемьдесятъ, а жизни его было всего лѣтъ тридцать. Такъ и Евгений Онѣгинъ: его не убили, и самъ онъ еще здравствовалъ, когда Поэтъ задернулъ занавѣсь на судьбу своего героя. Въ послѣдній разъ читатель видитъ его въ спальнѣ Татьяны, уже Княгини NN, свѣтской, высшаго тона дамы, которая упрекаетъ бывшаго властителя ея сердца за прежнее и настоящее, и оставляетъ его въ раздумьѣ, съ мужемъ своимъ Княземъ NN.

И здѣсь героя моего,
Въ минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго... навсегда. Заnimъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно-бѣ (не правда-ли?) пора!

Нѣть! Мы пожалѣли не о томъ, что судьба (вoleю Поэта) такъ неожиданно оставила Онѣгина, какъ будто на распутіи; мы пожалѣли обѣ *осмой главы*, извѣстной публикѣ

*) „Московскій Телеграфъ“ 1832 г., ч. 43, № 1.

по отрывкамъ. „Авторъ чистосердечно признается, что онъ—выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сю выпущенную главу точками или цифромъ; но во избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вместо девятаго номера, осмой, надъ послѣднею главою Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить;
Я девять пѣсень написаль;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валъ.
Хвала вамъ, девити Каменамъ, и проч.

Такъ объясняется Поэтъ въ Предисловіи. Невольно покорствуемъ его волѣ.

Говорить о содержаніи сей Главы нечего. Оно живо полною и прелестью самаго разсказа, а не связзывающе нитью, которая въ Онѣгинѣ такъ обыкновенна и проста. Подѣлимся наслажденіемъ съ читателями, выписавъ изъ окончанія *Онѣгина* нѣсколько разныхъ мѣстъ. Вотъ, напримѣръ, горсть афоризмовъ, очень обыкновенныхъ, *ходячихъ*; но языцъ—прелестъ! Невольно затверживаешь этотъ гармонической лепетъ:

Блаженъ, кто смолода былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣль;
Кто страннимъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
NN прекрасный человѣкъ.

Но грустно думать, что напрасно
 Была намъ молодость дана,
 Что измѣняли ей всесасно,
 Что обманула насть она;
 Что наши лучшія желанья,
 Что наши свѣжія мечтанья
 Истлѣли быстрой чередой,
 Какъ листья осенью гнилой.
 Несносно видѣть предъ собою
 Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
 Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
 И вслѣдъ за чинною толпою
 Идти, не раздѣляя съ ней
 Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

Вотъ картина моднаго свѣта:

Тутъ былъ однако свѣтъ столицы,
 И знать, и моды образцы,
 Вездѣ встрѣчаемы лица,
 Необходимые глупцы;
 Тутъ были дамы пожилыя
 Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злые;
 Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
 Неулыбающихся лицъ;
 Тутъ былъ посланикъ, говорившій
 О государственныхъ дѣлахъ;
 Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
 Старикъ, по старому глупившій,
 Отмѣнно тонко и умно,
 Что нынче нѣсколько смѣшино.

Между тѣмъ Онѣгинъ — кто-бы повѣрилъ? — сдѣлался
 мечтателемъ!

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
 Что чуть съ ума не своротилъ,
 Или не сдѣлался поэтомъ.
 Признаться: то-то бѣ одолжилъ!

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтому
 Ужъ разрѣшалася зима;
 И онъ не сдѣлался поэтомъ,
 Не умеръ, не сопель съ ума.

Весна живить его: впервые,
Свои покои заперты,
Гдѣ зимоваль онъ какъ сурокъ,
Двойнныя окна, камелекъ
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
Несется вдоль Невы въ саняхъ:
На синихъ изсѣченыхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ....

Читатели видятъ, что Поэтъ не разучился рисовать съ-
верную природу. Но они вполнѣ помилятся съ нимъ—
если бы и таился въ душѣ ихъ какой-нибудь холодъ къ
Онѣгину—прочитавъ заключеніе романа, по нашему мнѣ-
нію, одно изъ лучшихъ мѣстъ во всемъ этомъ сочиненіи.

Кто-бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній-ли мятеожныхъ,
Отдохновенія-ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобы въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ разстанемся: прости.

—
Прости-жь и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта;
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ...
И даль свободнаго романа

Я сквозь магический кристалъ
Еще не ясно различалъ.

Но тѣ, которыемъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказацъ
Безъ нихъ Онѣгина дорисованъ.
А та, съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ...
О, много, много рокъ отъяль!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
И вдругъ умѣль разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

Это вздохъ музыки, долго плѣнявшій слухъ и душу!...
Если бы Поэтъ *вездѣ* и *во всемъ* оставался такъ вѣренъ
своему высокому призванію, какъ въ этихъ стихахъ, то ему
конечно не пришлось бы написать:

....Журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе мадригали
Себѣ встрѣчалъ я иногда...

Если и опять будутъ гдѣ нибудь колоть Автора Онѣгина,
то конечно *не за послѣднія строфы* поэтическаго его ро-
мана.

Изъ „Моск. Телеграфа“.

* * *

*) Уже текущій годъ, говоря народною Русскою рѣчью,
переломился: и вотъ весь поэтическій его приходъ, кото-
рый можно отложить въ сохранныю казну воспоминанія!

*) „Телескопъ“ 1832 г., ч. IX, № 9. Статья, подъ заглав.: „Лѣтописи
отечественной литературы“. Въ этой статьѣ вмѣстѣ съ произведеніями
Пушкина разбираются также стихотворенія Виктора Теплякова.

Чудное дѣло! Неужели скучность поэтической производительности, оплаченная нами при обозрѣніи истекшаго года, должна оставаться неотъемлемымъ удѣломъ нашей бѣдной словесности? Неужели сладкія надежды, коими украшали мы будущность, суть обманчивые призраки? И немногія страницы нашей слишкомъ тощей библіографіи должны ли наполняться одними жалкими, печальными Іереміадами?

Къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ на сей разъ, жестокій опытъ подтверждаетъ, кажется, сіи зловѣщія предчувствія. Изъ трехъ книжекъ, составляющихъ единственный поэтическій плодъ цѣлыхъ шести мѣсяцевъ литературной нашей жизни, только одна послѣдняя можетъ собственно называться новостью. Две первыя принадлежатъ поэту, давно извѣстному, и заключаютъ въ себѣ стихотворенія также большею частію извѣстныя или вполнѣ или въ отрывкахъ. Но не одна количественная, численная, такъ сказать, скучность новыхъ поэтическихъ произведеній ужасаетъ насъ въ итогѣ истекшаго полугода. Въ самомъ внутреннемъ ихъ достоинствѣ обнаруживается крайняя бѣдность поэтической жизни, не радостная для патріотовъ Русской словесности.

Было время когда каждый стихъ *Пушкина* считался драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ, новымъ перломъ нашей литературы. Какой общій, почти единодушный восторгъ привѣтствовалъ первые свѣжіе плоды его счастливаго таланта! Какія громозвучныя рукоплесканія встрѣтили *Евгения Онѣгина* въ колыбели? Можно было по всей справедливости примѣнить къ юному поэту горделивое изреченіе Цезаря: *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!* Всѣ преклонились предъ нимъ до земли: всѣ единогласно поднесли ему вѣнецъ поэтическаго безсмертія. Усомниться въ преждевременномъ апoteозѣ героя считалось литературнымъ святотатствомъ: и нѣсколько послѣднихъ лѣтъ въ исторіи нашей словесности по всѣмъ правамъ можно назвать эпохой *Пушкина*. Не будемъ оскорблять минувшее безполезными истязаніями: что было, то было! Скажемъ болѣе: имя *Пушкина* и безъ прихотливаго каприза моды, коей былъ онъ любимымъ временщикомъ, имѣло бы всѣ права на почетное мѣсто въ

нашої літератури: ентузіазмъ, имъ возбуждаемый, не былъ совершенно не заслуженный! Но теперь—какая удивительная перемѣна! Произведенія *Пушкина* являются и проходять почти непримѣтно. Блистательная жизнь *Евгения Онѣгина*, коего каждая глава бывало считалась эпохой, оканчивается почти насильственно, перескокомъ чрезъ цѣлую главу: и это не производитъ никакого движенія, не возбуждаетъ никакого участія.

Третья часть стихотвореній *Пушкина*, обогащенная обширною сказкою въ новомъ родѣ, котораго геній его еще не испытывалъ, скромно, почти инкогнито, прокрадывается въ газетныхъ объявленіяхъ, на ряду съ мелкою рухлядью цехового рифмоплетнаго рукодѣлья; и (о верхъ униженія!) между журнальными настѣкомыми, *Співерная Пчела*, ползавшая нѣкогда предъ любимымъ поэтомъ, чтобы поживиться отъ него хотя росинкой сладкаго меду, теперь осмѣливается жужжать ему въ привѣтствіе, что въ послѣднихъ стихотвореніяхъ своихъ *Пушкинъ отжилъ!!!...* Sic transit gloria mundi!...

Что жъ значитъ сія перемѣна?... Приписать ли это внезапное охлажденіе той же вѣтротлѣянной прихотливости моды, которая прежде баловала такъ поэта, или видѣть въ немъ добросовѣстное раскаяніе вразумившагося безпристрастія?.. Вопросъ сей должно решить внимательнымъ разсмотрѣніемъ послѣднихъ произведеній *Пушкина*. Начнемъ съ *Послѣдней Главы Онѣгина*. Признаемся откровенно, сія послѣдняя глава показалась намъ ни чѣмъ не хуже первыхъ. Та же прихотливая рѣзвость вольнаго воображенія, порхающаго легкокрылымъ мотылькомъ по узорчатому, но бесплодному полю свѣтской бездушной жизни; та же яркая пестрота красокъ и цвѣтовъ, мелькающихъ подвижною калейдоскопическою мозаикой; то же бѣглое, но цѣпкое остроуміе, вездѣ оставляющее слѣды легкаго юмористическаго угрывенія; та же чистота и гладкость стиха, всюду льющагося тонкой хрустальной струею. Однимъ словомъ, мы нашли здѣсь продолженіе той же пародіи на жизнь, вѣтренной и легкомысленной, но вмѣстѣ затѣйливой и остроумной, коей мы любовались отъ души

въ первыхъ главахъ *Евгения*. Посему, читая ее, мы не испытали никакого разочарованія, не подверглись никакому непріятному впечатлѣнію; и если иногда приходило намъ въ голову, что поэту создавшему *Бориса Годунова*, время бъ быть постепениѣе, то мы оправдывали его необходимостію: надоѣло жъ было кончить, что начато!... Но отдавая искренній отчетъ въ собственныхъ нашихъ чувствованіяхъ, мы не думаемъ, чтобы ихъ раздѣляло съ нами общее мнѣніе. Большинство публики, въ минуты первого упоенія, обмороченное вѣроломными кликами шарлатановъ, спекулировавшихъ на общій энтузіазмѣ къ *Пушкину*, видѣло въ *Онѣгина* какое-то необыкновенное чудо, долженствовавшее разродиться неслыханными послѣдствіями. Оно думало читать въ немъ полную исторію современного человѣчества, оправленную въ роскошныя поэтическія рамы; ожидало найти въ немъ Русскаго Чайлд-Гарольда. И могло ли устоять долго это добродушное ослѣпленіе, когда откровенная искренность поэта сама его разрушала безпрестанно? Каждая глава *Онѣгина* яснѣе и яснѣе обнаруживала непріязнительность *Пушкина* на исполинскій замыслъ, ему приписываемый. Съ каждою новою строкою становилось очевиднѣе, что произведеніе сіе было не что иное, какъ вольный плодъ досуговъ фантазіи, поэтическій альбомъ живыхъ впечатлѣній таланта, играющаго своимъ богатствомъ. Напрасно самое пристрастное доброжелательство усиливалось отыскать въ немъ черты высшаго эстетического значенія. Его воздушная легкость ускользала отъ всѣхъ покущеній пріязненной критики, домогавшейся узаконить его въ рангѣ художественнаго произведенія, имѣющаго извѣстныя права и подчиненнаго извѣстнымъ условіямъ. *Евгений Онѣгинъ* не былъ и не назначался быть въ самомъ дѣлѣ романомъ, хотя имя сіе, подъ которымъ онъ явился первоначально, осталось навсегда въ его заглавіи. Съ самыхъ первыхъ главъ можно было видѣть, что онъ не имѣть притязаній ни на единство содержанія ни на цѣльность состава, ни на стройность изложенія; что онъ освобождаетъ себя отъ всѣхъ искусственныхъ условій, коихъ критика въ правѣ требо-

вать отъ настоящаго романа. Въ такъ называемомъ *романѣ Пушкина*, отъ начала до конца, мелькаютъ, говоря его же словами:

Ни съ чѣмъ не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
И постепенно въ усыпенье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.

Самое явленіе его, неопределенно-періодическими выходами, съ безпрестанными пропусками и скачками, показываетъ, что поэтъ не имѣлъ ни цѣли, ни плана, а дѣйствовалъ по свободному внушенію играющей фантазіи. Смѣло можно было угадывать, что при первой главѣ *Онѣгина, Пушкинъ* и не думалъ, какъ онъ кончится; и вотъ собственное его откровенное признаніе въ *Послѣдней Главѣ*.

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ —
И даль свободного романа
Я сквозь магическій кристаль
Еще не ясно различалъ.

Но сіе признаніе сдѣлано уже слишкомъ поздно. Оно не спасло откровенного поэта отъ мести тѣхъ, кои, думая видѣть въ мыльныхъ пузырькахъ, пускаемыхъ его затѣйливымъ воображеніемъ, роскошные огни высокой поэтической фантасмагоріи, наконецъ должны были признать себя жалко обманувшимися. Раздраженная толпа вымѣщаетъ теперь свое чрезмѣрное ослѣпленіе несправедливой холодностью. *Послѣдняя Глава Онѣгина* налагается не заслуженнымъ пренебреженіемъ, отъ того, что первымъ удалось возбудить восторгъ, не совсѣмъ заслуженный. Самъ поэтъ, безъ сомнѣнія, это предчувствовалъ: ибо послѣднее прощаніе его съ читателями, коимъ онъ заключаетъ сію *Послѣднюю Главу*, растворено юмористическою

ѣдкостью, изобличающею тайное недовольство самимъ собой и представляющею разительную противоположность съ тѣмъ разгульнымъ одушевленіемъ веселаго самодовольствія, коимъ проникнуты первыя главы *Онѣгина*.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
 Разстаться нынче какъ пріятель.
 Прости. Чего бы ты со мной
 Здѣсь ни искаль въ строфахъ небрежныхъ;
 Воспоминаній ли мятежныхъ,
 Отдохновенія ль отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
 Иль грамматическихъ ошибокъ,
 Дай Богъ, чтобы въ этой книжкѣ ты
 Для развлеченья, для мечты,
 Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
 Хотя крупицу могъ найти.
 За симъ разстанемся, прости.

Не знаемъ, какъ принято сіе обращеніе другими: что жъ касается до насъ, то мы извлекли изъ него поучительное заключеніе, къ чести поэта, но — не въ добрую примѣту для нашей словесности. Явно, что *Пушкинъ*, съ благороднымъ самоотверженіемъ, созналъ наконецъ тщету и ничтожность поэтическаго суесловія, коимъ, увлѣкая другихъ, не могъ конечно и самъ не увлекаться. Его созрѣвшій умъ проникъ глубже и постигъ вѣрнѣ тайну поэзіи: онъ увидѣлъ, что для генія — повторимъ давно сказанную остроту — не довольно создать *Евгения*.... Но лучше ли отъ того нашей словесности? При ея крайнемъ убожествѣ, блестящая игрушка, подобная *Онѣгину*, все по крайней мѣрѣ, наполняла собой ужасную ея пустоту. Видѣть эту игрушку, разбитою руками, ее устроившими, и не имѣть чѣмъ замѣнить ее — еще грустнѣе, еще безотраднѣе.

Третья часть стихотвореній *Пушкина* оставалась единственою опорою, къ коей мы хотѣли приковать наши зыблющіяся надежды. Признаемся искренно, что въ *Борисъ Годуновъ* мы думали видѣть разсвѣтъ новаго періода художнической жизни поэта, отъ котораго ожидали мнo-

гаго для нашей поэзии; и потому съ жаромъ ухватились за собраніе новыхъ, послѣднихъ его произведеній, дабы найти въ нихъ пріятное оправданіе нашимъ мечтаніямъ. И къ сожалѣнію, съ тою же искренностію, должны мы теперь сознаться, что мечтанія сіи оказались не сбывши-
мися. Скажемъ напередъ нашъ образъ мыслей, который для иныхъ можетъ показаться страннымъ: стихотворенія мелкія мы считаемъ самыми важными документами для изученія постепенного образованія художнической жизни поэта. Въ произведеніяхъ первой величины, бывающихъ обыкновенно плодомъ долговременного напряженія всѣхъ силъ поэта, гений является, такъ сказать, въ парадѣ, затянутый во всѣ формы искусственнаго приличія, какія только для него возможны: но мелкія стихотворенія, вы-
рывающіяся небрежно изъ души, въ минуты поэтическаго наитія, трепещутъ свободною, безъискусственою, непод-
дѣльною жизнью минуты, ихъ породившей. Слѣдовательно въ нихъ собственно должно изучать внутреннюю исторію поэта. Это особенно имѣть силу въ отношеніи къ *Пушкину*, коего всѣ произведенія, сколько-нибудь пообшир-
нѣе (силы ль у него не доставало иль терпѣнія, не бе-
ремся здѣсь рѣшать!) никогда вполнѣ не удавались. Кто хочетъ вызвать истинную глубину его таланта, тотъ дол-
женъ вслушаться въ его могучую бесѣду съ *моремъ*, или
въ вѣщую думу о *Наполеонѣ*. Посему-то, повторяемъ, мы
особенно надѣялись на *Третью Частъ* его стихотвореній. Сія *Третья Частъ* содержитъ въ себѣ произведенія трехъ послѣднихъ лѣтъ, съ 1829 по 1831 годъ: и, признаемся,
сіи три года показались намъ печальной лѣствицей ощу-
тительного упаданія поэта. Не то, чтобы дарованіе *Пушкина* дряхлѣло и истощалось въ силахъ: напротивъ, оно
напрягается иногда до исполинскаго, заоблачного величія,
какъ н. п. въ поэтической думѣ о *Казбекѣ*, принадлежа-
щей 1829 году:

Высоко, надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатерь
Сияетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,

Какъ въ небѣ рѣюшій ковчегъ,
 Паритъ, чутъ видный надъ горами.
 Далекій, вожделънныи брегъ!
 Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
 Подняться въ вольной вышинѣ!
 Туда бѣ, въ заоблачную келью,
 Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!..

Но, не оскудѣвая въ силахъ, талантъ *Пушкина* ощущительно слабѣеть въ силѣ, теряетъ живость и энергию, выдыхается. Его блестящее воображеніе еще не увяло, но осыпается цвѣтами, лишающимися постепенно болѣе и болѣе своей прежней благовонной свѣжести. Напрасно привычнымъ ухомъ вслушиваешься въ знакомую мелодію его звуковъ: они не отзываются уже тою неподдельно - естественною, неистощимо - живою, безбоязненно - самоувѣренною свободою, которая, въ прежнихъ стихотвореніяхъ его, увлекала за собой непреодолимымъ очарованіемъ. Какъ будто рѣзвыя крылья, носившія прежде вольную фантазію поэта, опали; какъ-будто тайный враждебный демонъ затянулъ и осадилъ ръяного коня его. И на что лучше свидѣтельства самого поэта? Послушаемъ собственнаго его признанія, которое находится въ той же *Третій Часті*. Поэтъ обращается къ *Цыганамъ*, коихъ поэтическая жизнь вдохнула ему одно изъ прекраснѣйшихъ его стихотвореній:

Надъ лѣсистыми берегами,
 Въ чась вечерней тишины,
 Шумъ и пѣсни надъ шатрами,
 И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
 Узнаю твои костры;
 Я бы самъ въ иное время
 Провожалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
 Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
 Вы уйдете — но за вами
 Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ!

И дѣйствительно въ послѣднихъ стихотвореніяхъ *Пушкинъ*

кина, то иное блаженное время, въ которое вольная его фантазія кочевала самобытно въ широкомъ полѣ свободнаго вдохновенія, едва мелькаетъ въ догорающихъ воспоминаніяхъ. Сія потеря силы тѣмъ прискорбнѣе, что не сопровождается совершенно потерей силъ въ поэтѣ. Талантъ его сохраняетъ еще свою дѣятельность и пытается всячески воспроизвестъ себя. Онъ ощупываетъ всѣ лады поэтическаго одушевленія, дабы найти тонъ для новаго періода своей художнической жизни: то подпираясь силой мысли, какъ въ *Пиръ во время Чумы*, въ *Моцартъ и Сальери*, то согрѣваясь огнемъ патріотическаго энтузіазма, какъ въ лирическомъ воззваніи къ *Клеветникамъ России* или празднованіи *Бородинской годовицины*. Но надѣ нимъ сбываются вполнѣ поэтическія примѣты, заключающія какъ бы нарочно сю *третью часть стихотвореній*, третій томъ жизни Пушкина. Исторія его прошедшихъ мечтаній и настоящаго разочарованія слишкомъ выразительно обрисовывается сими двумя куплетами:

Я бѣхъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.
Я бѣхъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ левой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Наконецъ, по естественному ли закону кругообращенія человѣческой дѣятельности или по обдуманному расчету, основанному на воспоминаніи о прежнихъ успѣхахъ, Пушкинъ возвратился опять на точку, съ коей началъ свое поприще, ухватился за струну, прозвучавшую впервые его славу. Онъ обратился къ Русской народной старинѣ, въ коей волшебной, прозрачной мглѣ, разыгрались первыя мечты его поэтической юности. Это новое покушеніе обратило на себя все наше вниманіе. Мы надѣялись увидѣть здѣсь первый шагъ къ тому обратному разрѣшенію зрелага мужества въ первобытную дѣтскую простоту, къ тому

второму, искушенному, мудрому младенчеству, которое по законамъ бытія, составляетъ послѣднюю степень созрѣнія жизни Но, къ прискорбію, мы нашли одно принужденное усиліе, *tour de force* могущественнаго, но безжизненнаго искусства. Съ одной стороны нельзя не согласиться, что сія новая попытка Пушкина обнаруживаетъ тѣснѣйшее знакомство съ наружными формами старинной русской народности: но смыслъ и духъ ея остается все еще тайною, не разгаданною поэтомъ. Отсюда все произведение носитъ на себѣ печать механической поддѣлки подъ старину, а не живой поэтической ея картины. Не смотря на искусный подборъ словъ и выраженій въ тонѣ Русскихъ народныхъ сказокъ, въ немъ изобличаются безпрестанно слѣды новой работы. Гомерическая повторенія однихъ и тѣхъ же рѣчей—кои, въ оригиналъныхъ преданіяхъ старины, плѣняютъ своею естественною, младенческою наивностью — производятъ скуку, когда видѣнъ въ нихъ смыслъ поддѣлывающагося искусства. Какое различіе между *Русланомъ* и *Людмилой* и *Сказкою о Царѣ Салтанѣ!* Тамъ конечно меньше истины, меньше вѣрности и сходства съ Русской стариною въ наружныхъ формахъ; но за то, какой огонь, какое одушевленіе! Невольно забываешь всѣ археологическая притязанія, чтобы любоваться прелестями свѣжей, роскошной поэзіи. Здѣсь напротивъ одна сухая мертвава работа—старинная пыль, изъ которой, съ особеннымъ попеченіемъ, выведены искусствные узоры!.. Такимъ образомъ въ *Третьей Часті стихотвореній Пушкина* мы увидѣли рядъ неудачныхъ попытокъ таланта, разочарованного въ юношескихъ своихъ мечтахъ и не умѣющаго найти опоры для своихъ зрѣлыхъ помысловъ и вдохновеній.

Какое жъ общее заключеніе должно вывестъ отсюда?.. Мы уже имѣли случай высказать, что довѣренность наша къ неистощенной полнотѣ юной Русской жизни, только что слегка завивающейся надеждами, предохраняетъ насъ отъ совершенного отчаянія въ дѣлѣ поэзіи, обнаруживаемаго такъ громогласно современною Французскою критикою. И тамъ подобное отчаяніе есть грѣхъ противъ человѣческой

природы, коей творческая сила составляетъ наслѣдственное, неотъемлемое достоинство: у насъ оно было бы двойнымъ преступлениемъ. Франція уже пресытилась жизнью, и напряженными чрезъ мѣру усилиями истощила предъ собой всю перспективу будущности, заключающейся на горизонте обыкновенной предусмотрительности. Но мы еще только-что начинаемъ жить: будущее наше еще не почато. Должно однако предполагать, что подобныя черныя мысли находятъ доступъ и къ намъ: по крайней мѣрѣ видно, что ихъ боятся и берутъ противъ мѣры. Такъ *Стихотворенія Теллякова*, поэта новаго, не покровительствуемаго ни шумомъ наемной молвы, ни титлами благопріобрѣтенаго авторитета, являются на свѣтѣ подъ оборонительной эгидой предисловія, которое заключаетъ въ себѣ формальную апологію поэзіи. Признаемся, намъ пріятно было встрѣтить въ этомъ *предисловіи* ту же свѣтлую, живую, несокрушимую вѣру въ безсмертіе поэзіи, которое сами исповѣдуемъ. Сочинитель его съ благороднымъ негодованіемъ возстаетъ противъ тѣхъ, кои, твердя обѣ *исполинскихъ шагахъ* современного просвѣщенія, ограничиваютъ все его достоинство и весь отличительный характеръ стремленіемъ къ *физическому благосостоянію*: для него, какъ и для насъ, поэзія есть лучшій цвѣтъ человѣческой жизни, вѣнчающій ея полное развитіе. Точно также, согласно съ нами, въ настоящемъ безплодіи нашей поэтической производительности, видить онъ не безнадежное истощеніе пресытившейся, одряхлѣвшей жизни, но младенчество, богатое дѣственnoю будущностію. „Чѣмъ же, какой поэзіей успѣли мы до сихъ поръ пресытиться?“ говорить онъ. „Гдѣ наши Шекспиры, Гёте, Байроны? Гдѣ эта длинная цѣль именъ знаменитыхъ? Неужели Кантемиръ, Тредьяковскій и даже Ломоносовъ съ Державинымъ и Озеровымъ совершили вполнѣ ожиданія своего отечества? Честь и слава Пушкину, Жуковскому, Батюшкову: но ими ли все для насъ должно кончиться?“ Наблюдательность его, будучи дробище, простирается еще далѣе. Живо чувствуя настоящую поэтическую ничтожность нашу, онъ допрашивается у современныхъ поэтовъ, не они ли сами причиною ея жалкаго без-

силія; и рѣшеніе его запечатлѣно горькою, неподслащен-
ною истиною. „Если душа художника“—разсуждаетъ онъ—
„имѣеть нужду въ созвучіи, въ сердечномъ отголоскѣ со-
гражданъ своихъ, то тѣмъ болѣе художникъ—это вѣрное
зеркало идеальной жизни своего отечества—долженъ, ка-
жется, сберегать всѣми силами святую чистоту души
своей. Мы не намѣрены разбирать разныхъ постороннихъ
обстоятельствъ, подавляющихъ у насть истинное вдохнове-
ніе; но этимъ ли шитическими насыщомъ — батрацамъ
какого-нибудь литературного промышленника—негодовать
на невнимательность публики? Горестно видѣть, до какой
степени наша литература превратилась нынѣ въ меркан-
тильность самую ремесленную! Что правда, то правда!
Мы охотно присоединяемъ голосъ свой къ обличенію, коего
справедливость чувствуемъ и признаемъ въ полной мѣрѣ.
Но, одобряя отъ всего сердца образъ мыслей почтенна-
го сочинителя *предисловія* къ *Стихотвореніямъ Г. Тепля-
кова*, мы не можемъ не попенять ему нѣсколько за обманъ,
въ который онъ, конечно, неумышленно ввелъ насть. По
его рѣзкому, значительному тону, мы увѣрены были, что
онъ приготовляется насть къ новому, оригинальному явле-
нію въ нашей словесности, вскрывающему, хотя въ тем-
ныхъ предчувствіяхъ, нашу вожделѣнную поэтическую бу-
дущность: и между тѣмъ, отдавая всю справедливость
Стихотвореніямъ Г. Теплякова, мы не можемъ не признать
въ нихъ отзвуковъ той же самой настроенности, коей гар-
моническій Requiem слышали въ послѣднихъ аккордахъ
звукной лиры *Пушкина*. Но такъ какъ лицо и талантъ
Г. Теплякова слишкомъ новы и незнакомы въ нашей сло-
весности, то мы подвергнемъ ихъ особенному, вниматель-
ному разсмотрѣнію.

Стихотворенія Г. Теплякова отличаются преимуществен-
но роскошью поэтической живописи. Въ нихъ преобладаетъ
воображеніе могущественное, смѣлое, яркое. Языкъ воз-
веденъ до высочайшей степени изобразительного велико-
лѣпія. Во избѣженіе ненужного многословія, приведемъ
здѣсь, для примѣра, нѣсколько строфъ изъ прекрасной

картины Ганимеда, которую, безъ восточнаго преувеличения, можно назвать жемчужнымъ ожерельемъ поэзіи:

На скалахъ лѣсистой Иды
 День алмазный догораль,
 И лазурный одръ Фетиды
 Яркимъ блескомъ осыпалъ.
 И надъ пѣной волнъ игривой
 За Киферою ночной,
 Какъ за прелестью стыдливой,
 Покатился молчаливо
 Мѣсяцъ блѣдно-золотой.
 Долгой ловлей утомленный,
 Съ лукомъ, спущеннымъ у ногъ,
 Близъ Гаргара осребренной
 Спалъ прекрасный полу богъ.
 Брать ли это Галатея—
 Изваянны сердца бредъ?
 Иль возлюбленный Психея?
 Иль томимой страстью феи
 Фантастической предметъ?
 Или чадо розы юной
 Другъ злата го мотылька? —
 Нѣть! подобного въ подлунной
 Не видаль никто цвѣтка! —
 На ланитахъ полныхъ рдѣеть
 Блескъ вечернихъ облацовъ;
 Мраморъ на груди блѣдѣеть;
 Въ розахъ усть волшебныхъ млѣеть
 Сладострастная любовь.
 И какъ ленты струевны
 Въ чистомъ озера стеклѣ,
 Бются жилки голубяя
 На опаловомъ челѣ.
 Нѣгой дышетъ вѣтръ игривый,
 По густымъ рѣзвясь кудрямъ
 И склоняя ихъ извины,
 Какъ листы пла��учей ивы,
 Къ алебастровымъ плечамъ.
 Кто сорветъ цвѣтокъ чудесный?
 Къ сердцу кто его прижметъ?
 Взгляньте: тлится сводъ небесный,
 Громъ надъ юношей реветъ!
 И сверкнулъ перунъ летучій,
 И уснувшій вздрогнулъ долъ,

И, колебля мракъ зыбучій,
Выпливаетъ изъ-за тучи
Громовержущій орёлъ!

Такой роскоши кисти, такой яркости красокъ, поискать и у Пушкина. Но дабы яснѣе представить себѣ параллель между обоими поэтами, возьмемъ нѣкоторыя черты изъ поэтическихъ описаній Кавказа, надъ которыми оба они испытывали свои силы. Вотъ картина Пушкина:

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершиной,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отсель я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренno идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленая сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скакутъ олени.

Теперь послушаемъ Теплякова:

Отчизна горъ въ моихъ очахъ,
Окаменѣлые гиганты предо мною;
Громады мрачныя, какъ будто на часахъ
Стоять гранитно стѣною.
Въ вѣнцѣ изъ темнаго кустарника одна,
Зеленымъ бисеромъ унизана другая;
Тамъ голыхъ скаль семья чернѣеть вѣковая,
Надъ ней волнистыхъ тучъ клубится пелена!
Подъ тяжкими ея стопами
Вокругъ богатыми махровыми коврами
Луга холмистые лежать.
На нихъ, изъ сердца горъ, кипучіе фонтаны,
Бушуя, серебромъ растопленнымъ летятъ;
Въ гранитныхъ броняхъ великаны,
Склоняясь на пропасти, ихъ грозно сторожать.

Различіе довольно ощутительно и въ тонѣ и въ выражении. Первое, безъ сомнѣнія, должно приписать различію

положеній обоихъ поэтовъ относительно изображаемаго предмета. *Пушкинъ* видѣлъ Кавказъ подъ собой, *Тепляковъ*—предъ собою; тамъ мысль чувствовала себя выше природы, здѣсь — наравнѣ съ ней; отсюда тамъ больше спокойствія, здѣсь больше усилий; или лучше, скажемъ словами обоихъ поэтовъ: тамъ воображеніе, какъ орелъ, поднявшись съ отдаленной вершины, паритъ неподвижно; здѣсь, подобно кипучему фонтану, летитъ, бушуетъ, располненный серебромъ. Но различіе въ яркости выраженія неоспоримо должно отнести къ личному, характеристическому различію обоихъ поэтовъ. Въ самыя блестящія минуты своихъ первыхъ вдохновеній, *Пушкинъ* больше рисовалъ, чѣмъ разцвѣчивалъ свои картины. У *Теплякова* напротивъ господствуетъ колоритъ. Отсюда стихотворенія *Пушкина* легки, прозрачны, воздушны: стихотворенія *Теплякова* напротивъ обременены красками, сгущающимися нерѣдко до мрачности. Таково особенно послѣднее въ изданномъ теперь собраніи, называемое: *Чудный Домъ*, гдѣ роскошное богатство яркихъ поэтическихъ цвѣтовъ отливаетъ какою-то туманною мглою, непроницаемою для мысли. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы новаго, только-что явившагося выходца, поставить на одну доску съ заслуженнымъ корифеемъ нашей словесности: но при всемъ томъ признаемся, что талантъ *Теплякова*, по нашему крайнему разумѣнію, кажется, обѣщаетъ въ себѣ достойное продолженіе таланта *Пушкина*. Если онъ не будетъ такъ живъ, такъ богатъ, такъ затѣйливъ, то, съ другой стороны, можетъ даже превзойти его великколѣпіемъ и пышностью поэтическаго убранства. Но это все не обогатить нашей бѣдной словесности никакимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ. Въ стихотвореніяхъ *Теплякова*, не смотря на ихъ наружный ослѣпительный блескъ, замѣчательно отсутствіе самобытнаго, могущественнаго, родотворно-зиждительнаго вдохновенія, которое одно производитъ для вѣчности. Новый поэтъ можетъ продолжить для насы эпоху *Пушкина*, можетъ наполнить болѣе или менѣе яркими, искусственными блестками ужасную пустоту нашей словесности; но — не осѣменить ее для новой, самобытной, самопроизводитель-

ной жизни! И такъ вотъ что остается въ итогѣ нашихъ изслѣдованій. Поэзія наша рѣшительно не двигается впередъ, но, обращаясь въ одномъ и томъ же кругѣ, только что повторяетъ сама себя, въ болѣе и болѣе тускнѣющихъ отраженіяхъ. Это однако не значитъ, чтобы внутренняя полнота жизни истощалась въ нѣдрахъ нашего отечества: она еще и не раскрывалась сама изъ себя. Доселѣ во всѣхъ поэтическихъ нашихъ условіяхъ господствовало вдохновеніе не самобытное, чужое, экзотическое: лучшіе, блистательнѣйшіе цвѣты нашей поэзіи вырощены въ оранжерейной атмосфѣрѣ подражанія. Мы еще не имѣли своей, Русской, народной поэзіи. У Пушкина были притязанія на имя Русского народнаго поэта, и онъ долго считался таковыемъ: но его народность ограничивалась тѣснымъ кругомъ нашихъ гостинныхъ, гдѣ Русская богатая природа выложена подражательностью до совершеннаго безличія и бездушія. Отсюда непрочность его успѣховъ и славы. Но ничто не изобличаетъ такъ ярко чужеземнаго, не Русскаго вдохновенія, господствующаго въ современной нашей поэзіи, какъ стихотворенія Г. Теплякова. Поэтъ самъ не хотѣлъ скрывать того. Каждое изъ его стихотвореній носить, можно сказать, на лбу печать своего чужеземнаго происхожденія: каждое начинается иностраннымъ эпиграфомъ, заключающимъ въ себѣ его главную тему. Обстоятельство, повидимому, случайное, но имѣющее глубокій смыслъ, по дающее поводъ къ важнымъ соображеніямъ! Значитъ, у поэта не доставало собственныхъ оригинальныхъ мотивовъ поэтическаго вдохновенія, когда каждый его аккордъ имѣлъ нужду въ заимственномъ, чужеземномъ текстѣ. Что же должно заключить отсюда? То, что поэзіи нашей не дождаться обновленія, пока Русскій духъ не обратится внутрь себя, не отыщетъ въ самомъ себѣ источника новой, самобытной жизни!.. Но какъ приняться, какъ начать это великое дѣло?... Европейскія литературы возвращаются теперь свою народность, обращаясь къ своей сторонѣ. У насъ это возможно ли? Таково ли наше прошедшее, чтобы возстановленіемъ его можно было бы осѣменить нашу будущность?... Сей важный вопросъ мы предоставляемъ себѣ

разрѣшить въ послѣдствіи, когда дойдетъ очередь до тѣхъ произведеній нашей словесности, кои, подъ именемъ *романовъ*, стремятся собственно и исключительно къ поэтическому возсозданію старины Русской.

Изъ „Телескопа“ 1832 г.

* * *

*) Стихотворенія Александра Пушкина. Часть третья. Спб. 1832 г., въ тип. Деп. Нар. Просвѣщенія, въ 8-ю д. л. 203 стр. **).

Истинный подарокъ любителямъ чтенія къ Свѣтлому празднику! Здѣсь, кромѣ многихъ стихотвореній, восхищавшихъ насъ въ разныхъ альманахахъ и періодическихъ изданіяхъ, находимъ мы прекрасную Русскую сказку: *О Царѣ Салтанѣ, Царевичѣ Гвидонѣ и Прекрасной Царевнѣ Лебеди*, разсказанную съ тою свободою и прелестью стиха, съ тѣмъ знаніемъ Русскаго сказочнаго типа, съ тѣмъ счастливымъ даромъ примѣняться къ вымысламъ, повѣрьямъ и быту народныхъ [нашихъ] разсказовъ, коими читатели Русскіе любовались въ эпилогѣ къ *Руслану* и *Людмилѣ* и во многихъ мѣстахъ самой сей поэмы. Сказка о Царѣ Салтанѣ и о прочихъ, по объему своему, могла бы сама составить особую книжку; ибо она больше любой изъ главъ *Евгения Онѣгина*; и въ семъ отношеніи А. С. Пушкинъ, по совѣсти сказать, подарилъ своихъ читателей. Поэтъ болѣе *Байроническій*, то есть, менѣе безкорыстный, конечно, наложилъ бы сею сказкою новую дань на алчное любопытство публики.

Въ 3-й части *Стихотвореній Пушкина* помѣщены стихотворенія 1829, 1830 и 1831 годовъ. Сверхъ того 10 стихотвореній, написанныхъ Авторомъ прежде, но не вошедшихъ въ 1-ю и 2-ю ч. Всѣхъ стихотвореній числомъ 53.

*) „Русскій Инвалидъ“ 1832 г., № 86.

**) Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по 10 р. экземпляръ; за пересылку прилагается 1 р.

Въ томъ числѣ есть нѣсколько большихъ (*Посланіе къ Вельможѣ, Пирѣ во время чумы, Моцартъ и Сальєри, Бородинская годовиця и проч.*).

Изъ „Русск. Инвалида“ 1832 г.

* * *

*) Стихотворенія Александра Пушкина, 3-я часть.

А. С. Пушкинъ принадлежитъ къ малому числу тѣхъ счастливцевъ - геніевъ, коихъ первые подвиги знаменовались правомъ на тріумфъ, и вся литературная жизнь коихъ была и есть громкое, безпрерывное торжество. Сказавъ сие, нельзя не вспомнить о великомъ—теперь уже не нашемъ—Гёте! Отъ раннихъ лѣтъ до поздней кончины онъ наслаждался единодушнымъ удивленіемъ свѣта—и опочилъ въ царственной могилѣ. Хотя вокругъ него иногда и шипѣла зависть и злоба; хотя нѣкто — довольно знаменитый человѣкъ — когда-то принимался доказывать, что Гёте не знаетъ по-Нѣмецки; хотя въ наше время Менцель, фанатикъ какой-то ложно-понимаемой нравственности Поэзіи, своими почти всегда несправедливыми сужденіями силится разочаровать славу великаго — но что значать сіи тщетныя покушенія? Хулительный свистъ злобы производить одно негодованіе, а Менцелевы критики напоминаютъ только трогательные слова, произносимыя рабомъ тріумфатора! Менцель, сдѣлавшись тріумфаторскимъ рабомъ Гёте, и отправляя сю должность по фанатическому убѣждению своему, не думаетъ, по крайней мѣрѣ, возвыситься надъ господиномъ, а одинъ нашъ смѣтливый журналистъ понимаетъ это дѣло гораздо лучше: ему самому захотѣлось сѣсть въ торжественную колесницу Карамзина! Мы не упоминали бы объ этомъ, но говоря словами сего самого Журналиста—оно пришло кстати!

Если бъ позволили предѣлы газетной статьи, то мы съ особеннымъ удовольствиемъ теперь — когда міръ лишился

*) „Сѣверная Пчела“ 1832 г., № 81. „Новыя Книги“. Статья Барона Розена.

Гёте, означили бы нѣкоторыя съ нимъ весьма сходныя черты въ нашемъ *Пушкинѣ*, а именно тѣ, коими не всегда отличаются и превосходнѣйшія дарованія, но кои между тѣмъ должно назвать выспренними качествами таихъ гениевъ, какъ Шекспиръ и Гёте. Сіи - то качества, яснѣе всего проявляющіяся въ Драмѣ: Борисъ Годуновъ, суть вѣрнѣйшее поручительство въ томъ, до чего досягнетъ нашъ Пушкинъ, если онъ, какъ должно думать, всегда будетъ слушаться демонического голоса своего генія, какъ онъ слушался понынѣ. Подобная сужденія отвлекли бы насъ отъ предлежащей книги, и такъ мы, предоставляемъ всякому умному читателю отыскывать самому эти черты сходства, обращаемся къ дѣлу.

Сія третья часть Стихотвореній Пушкина заключаетъ въ себѣ 53 пьесы, написанныя въ три послѣдніе года. Долженствовало бы казаться, что сіи пьесы, столь рѣзко отличающіяся отъ произведеній другихъ нашихъ Поэтовъ, сильнѣе дѣйствуютъ на читателей въ литературномъ сборнику (т. е. среди пьесъ прочихъ Писателей) нежели въ отдѣльномъ изданіи; но мы убѣждаемся на опытѣ, что онъ и здѣсь не только имѣютъ равное прежнему дѣйствіе, но и отъ совокупности своей еще получаютъ новую прелесть. Вообразимъ, что на свѣтѣ есть возвышенное племя, каждый членъ коего проявляетъ собою идею оригинальности и особенной красоты, одушевляющую творца; представимъ себѣ, что сіе племя разсѣяно на большомъ пространствѣ. Каждый изъ нихъ очаровываетъ отдѣльно, гдѣ бы ни находился; но если всѣ собраны въ одной свѣтлой залѣ — въ домѣ своего отца — каково должно быть общее дѣйствіе сего собранія! Сіе уподобленіе само собою представляется уму, при видѣ соединенныхъ пьесъ нашего Поэта. Каждую изъ нихъ привѣтствуемъ какъ милую знакомку, которой мы уже платили дань удивленія, но съ коей встрѣчаться рады, припоминая ея свѣжую прелесть. Когда же всѣ представляются вмѣстѣ, то трудно рѣшить, кому изъ нихъ отдать преимущество, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, по своему назначенію рѣшительно возвышающихся надъ другими, какъ-то драма. *Моцартъ и Сальери*.

Но въ сей книгѣ есть и новыя пьесы, между коими особенного вниманія достойна *Сказка о Царѣ Салтанѣ*, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырю Гвидонѣ *Салтановичъ* и о прекрасной Царевнѣ Лебеди. — Большая прелестная пьеса, которая отдельно составила бы довольно поряжочную книжку. Дабы всѣ области Поэзіи были воздѣланы нашимъ Поэтомъ, онъ обратился къ простонародной сказкѣ, доказавъ уже прежде своеї народною балладою: *Наташа*, до какой степени онъ освоился съ Русскимъ духомъ. Отдѣленная отъ сора и нечистоты, и сохранившая только свое золото, Русская сказка у него золотозвучными стихами извивается по чудесной области народно-романтическаго. Геній старины, омывшись, какъ лебедь, въ Касталийскомъ ключѣ Пушкинской Поэзіи, носится мимо насъ легкимъ melodическимъ полетомъ! Удивительно счастливо здѣсь соединена народность выраженія со всею очаровательностію Пушкинской дикціи! Для примѣра выпишемъ начало этой сказки...“ (Слѣдуетъ отрывокъ, начинающійся стихомъ:

„Три дѣвицы подъ окномъ...“

и кончающійся:

„И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ...“

Кто не полюбопытствуетъ узнать дальнѣйшую судьбу этой Царицы, похожденія царевича Гвидона и прекрасной Царевны Лебеди, разсказанныя такъ мило, такъ очаровательно!

Баронъ Розенъ.

* * *

*) *Борисъ Годуновъ.*

Каждый народъ, имѣющій свою трагедію, имѣеть и свое понятіе о трагическомъ совершенствѣ. У насъ еще нѣть

*) „Европеецъ“ 1832 г., ч. I, № 1. „Обозрѣніе русской литературы 1831 г.“.

ни того ни другаго. Правда, что когда Французская школа у насъ господствовала, мы думали имѣть образца въ Озеровѣ; но съ тѣхъ поръ вкусы нашей публики такъ измѣнился, что трагедія Озерова не только не почитаются образцовыми, но врядъ ли изъ десяти читателей одинъ отдаетъ ему половину той справедливости, которую онъ заслуживаетъ; ибо оцѣнить красоту, начинающую увядать, еще труднѣе, чѣмъ отдать справедливость совершенной древности, или восхищаться посредственностью новою, и я увѣренъ, что большая часть нашихъ самозванцевъ - романтиковъ готова промѣнять всѣ лучшія созданія Расина за любую Морлакскую пѣсню.

Чего же требуемъ мы теперь и чего должны мы требовать отъ трагедіи Русской? Нужна ли намъ трагедія Испанская? или Нѣмецкая? или Англійская? или чисто Греческая? или составная изъ всѣхъ сихъ родовъ? и какого рода долженъ быть сей составъ? Сколько какихъ элементовъ должно входить въ нее? И нѣтъ ли элемента намъ исключительно свойственнаго? Вотъ вопросы, на которые критикъ и публика могутъ отвѣтить только отрицательно; прямой отвѣтъ на нихъ принадлежитъ поэту. Ибо ни въ какой литературѣ правила вкуса не предшествовали об разцамъ. Не чужіе уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны научить насъ мыслить и судить. Покуда мы довольствуемся общими истинами, не примѣненными къ особенности нашего просвѣщенія, не извлеченными изъ коренныхъ потребностей нашего быта, до тѣхъ поръ мы еще не имѣемъ своего мнѣнія, либо имѣемъ ошибочное; не цѣнимъ хорошаго-приличнаго потому, что ищемъ невозможнаго - совершенного, либо слишкомъ цѣнимъ недостаточное потому, что смотримъ на него издали общей мысли, и вообще мѣряемъ себя на чужой аршинъ и твердимъ чужія правила, не понимая ихъ мѣстныхъ и времененныхъ отношеній.

Это особенно важно въ исторіи новѣйшей литературы, ибо мы видимъ что въ каждомъ народѣ рожденію собственной словесности предшествовало поклоненіе чужой, уже развившейся. Но если первые поэты были вездѣ подража-

телями, то естественно что первые суды ихъ держались всегда чужаго кодекса и повторяли наизусть чужія правила, не спрашиваясь ни съ особенностями своего народа, ни съ его вкусомъ, ни съ его потребностями, ни съ его участіемъ. Не менѣе естественно и то, что для такихъ судей лучшими произведеніями казались всегда произведенія посредственныя; что лучшая часть публики никогда не была на ихъ сторонѣ, и что явленіе истиннаго гenія не столько поражало ихъ воображеніе, сколько удивляло ихъ умъ, смѣшивая всѣ разсчеты ихъ прежнихъ теорій.

Только тогда, когда новыя поколѣнія, воспитанныя на образцахъ отечественныхъ, получатъ самобытность вкуса и твердость мнѣнія, независимаго отъ чужеземныхъ вліяній, только тогда можетъ критика утвердиться на законахъ вѣрныхъ, строгихъ, обще-принятыхъ, благодѣтельныхъ для послѣдователей и страшныхъ для нарушителей. Но до тѣхъ поръ приговоръ литературнымъ произведеніямъ зависитъ почти исключительно отъ особенного вкуса, особенныхъ идей, и только случайно сходится съ мнѣніемъ образованнаго большинства.

Вотъ одна изъ причинъ, почему у насъ до сихъ поръ еще нѣть критики. Да, я не знаю ни одного литературнаго сужденія, которое бы можно было принять за образецъ истиннаго возврѣнія на нашу словесность. Не говоря уже о критикахъ, внущенныхъ пристрастіемъ, не говоря о безотчетныхъ похвалахъ или порицаніяхъ друзей и недруговъ,— возьмемъ тѣ сужденія объ литературѣ нашей, которые составлены съ самою большою отчетливостью и съ самымъ меньшимъ пристрастіемъ, и мы вездѣ найдемъ зависимость мнѣнія отъ вліяній словесностей иностраннныхъ. Тотъ судить настъ по законамъ, принятымъ въ литературѣ Французской, тотъ образцомъ своимъ беретъ литературу Нѣмецкую, тотъ Англійскую, и хвалитъ все, что сходно съ его идеаломъ, и порицаетъ все, что не сходно съ нимъ. Однимъ словомъ, нѣть ни одного критического сочиненія, которое бы не обнаруживало пристрастія автора къ той или другой иностранной словесности, пристрастія по большей части безотчетнаго, ибо тотъ же

критикъ, который судить читателей нашихъ по законамъ чужимъ, обыкновенно самъ требуетъ отъ нихъ национальности и укоряетъ за подражательность.

Самымъ лучшимъ подтверждениемъ сказанного нами могутъ служить вышедшия до сихъ поръ разборы Бориса Годунова. Иной критикъ, помня Лагарпа, хвалить особенно тѣ сцены, которые болѣе напоминаютъ трагедію Французскую, и порицаетъ тѣ, которымъ не видитъ примѣра у Французскихъ классиковъ. Другой въ честь Шлегеля требуетъ отъ Пушкина сходства съ Шекспиромъ, и упрекаетъ за все, чѣмъ поэтъ нашъ отличается отъ Англійскаго трагика, и восхищается только тѣмъ, что находитъ между обоими общаго. Каждый повидимому приносить свою систему, свой взглядъ на вещи, и ни одинъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣетъ своего взгляда, ибо каждый занялъ его у писателей иностранныхъ, иногда прямо, но чаще по наслышкѣ. И эта привычка смотрѣть на Русскую литературу сквозь чужие очки иностранныхъ системъ до того ослѣпила нашихъ критиковъ, что они въ трагедіи Пушкина не только не замѣтили, въ чемъ состоятъ ея главные красоты и недостатки, но даже не поняли, въ чемъ состоитъ ея содержаніе.

Въ ней нѣтъ единства, говорять нѣкоторые изъ критиковъ, нѣтъ поэтической гармоніи, ибо главное лицо: Борисъ, заслонено лицемъ второстепеннымъ, Отрепьевымъ.

Нѣтъ, говорятъ другіе, главное лицо не Борисъ, а Са-
мозванецъ; жаль только, что онъ не довольно развить, и
что не весь интересъ сосредоточивается на немъ; ибо гдѣ
нѣтъ единства интереса, тамъ нѣтъ стройности.

Вы ошибаетесь говорить третій; интересъ *не долженъ* сосредоточиваться ни на Борисѣ, ни на самозванцѣ; трагедія Пушкина есть трагедія *историческая*, слѣдовательно не страсть, не характеръ, не лицо должны быть главнымъ ея предметомъ, но цѣлое время, *вѣкъ*. Пушкинъ то и сдѣ-
лалъ: онъ представилъ въ трагедіи своей вѣрный очеркъ вѣка, сохранилъ всѣ его краски, всѣ особенности его цвѣта. Жаль только, что эта картина начертана поверхностно и не полно, ибо въ ней забыто многое характеристическое,

(Обозрѣніе — Газета)

и развито многое лишнее, наприм., характеръ Марины и т. п. Если бы Пушкинъ понялъ глубже время Бориса, онъ бы представилъ его вполнѣ и ощутительнѣе, то есть, другими словами, подражая болѣе Шекспиру, Пушкинъ болѣе удовлетворилъ бы требованіямъ Шлегеля. Но забудемъ на время нашихъ критиковъ и Шекспира и Шлегеля и всѣ теоріи трагедій; посмотримъ на Бориса Годунова глазами, не предубѣжденными системою, и не заботясь о томъ, что должно быть средоточiemъ трагедіи, спросимъ самихъ себя, что составляетъ главный предметъ созданія Пушкина?

Очевидно, что и Борисъ, и самозванецъ, и Россія, и Польша, и народъ, и царедворцы, и монашеская келья, и Государственный совѣтъ—всѣ лица и всѣ сцены трагедіи развиты только въ *одномъ отношеніи*: въ отношеніи къ послѣдствіямъ цареубийства. Тѣнь умерщвленнаго Димитрія царствуетъ въ трагедіи отъ начала до конца, управляетъ ходомъ всѣхъ событий, служить связью всѣмъ лицамъ и сценамъ, разставляетъ въ одну перспективу всѣ отдѣльныя группы, и различнымъ краскамъ даетъ одинъ общий тонъ, одинъ кровавый оттѣнокъ. Доказывать это значило бы переписать всю трагедію.

Но если убіеніе Димитрія съ его государственными послѣдствіями составляетъ главную нить и главный узелъ созданія Пушкина, если критики не смотря на то искали средоточія трагедіи въ Борисѣ или въ самозванцѣ или въ жизни народа и т. п., то очевидно, что они по *совѣсти* не могли быть довольны поэтомъ и должны были находить въ немъ и нестройность, и неполноту, и мелкость, и незрѣлость, ибо при такомъ отношеніи судей къ художнику, чѣмъ болѣе гармоніи въ твореніи послѣдняго, тѣмъ оно кажется разногласнѣе для первыхъ, какъ вѣрно разсчитанная перспектива для избравшаго ложный фокусъ.

Но если бы вмѣсто фактическихъ послѣдствій цареубийства, Пушкинъ развила намъ болѣе его *психологическое* вліяніе на Бориса, какъ Шекспиръ въ *Макбетѣ*; если бы вмѣсто Русскаго монаха, который въ темной кельѣ производитъ надъ Годуновымъ приговоръ судьбы и потомства,

поэтъ представилъ намъ Шекспировскихъ вѣдьмъ, или Мюльнерову волшебницу-цыганку, или пророческій сонъ:

Pendant l'horreur d'une profonde nuit,

тогда конечно онъ былъ бы скорѣе понять и принять съ большимъ восторгомъ. Но чтобы оцѣнить Годунова, какъ его создалъ Пушкинъ, надо было отказаться отъ многихъ ученыхъ и школьнѣхъ предразсудковъ, которые не уступаютъ никакимъ другимъ ни въ упорности, ни односторонности.

Большая часть трагедій, особенно новѣйшихъ, имѣетъ предметомъ дѣло совершающееся, или долженствующее совершиться. Трагедія Пушкина развиваетъ послѣдствія дѣла уже совершенного, и преступленіе Бориса является не какъ *дѣйствіе*, но какъ сила, какъ мысль, которая обнаруживается мало по малу, то въ шопотѣ царедворца, то въ тихихъ воспоминаніяхъ отшельника, то въ одинокихъ мечтахъ Григорія, то въ силѣ и успѣхахъ Самозванца, то въ волненіяхъ народа, то наконецъ въ громкому ниспреверженіи неправедно царствовавшаго дома. Это постепенное возрастаніе коренной мысли въ событияхъ разнородныхъ, но связанныхъ между собою однимъ источникомъ, даетъ ей характеръ сильно-трагическій и, такимъ образомъ, позволяетъ ей заступить мѣсто господствующаго лица, или страсти, или поступка. Такое трагическое воплощеніе мысли болѣе свойственно древнимъ, чѣмъ новѣйшимъ. Однако мы могли бы найти его и въ новѣйшихъ трагедіяхъ, наприм., въ Мессинской невѣстѣ, въ Faustѣ, въ Манфредѣ: но мы боимся сравненій: гдѣ дѣло идетъ о созданіи новомъ, примѣръ легче можетъ сбить, чѣмъ навести на истинное воззрѣніе.

Согласимся однако, что такого рода трагедія, гдѣ главная пружина не страсть, а мысль, по сущности своей не можетъ быть понята большинствомъ нашей публики; ибо большинство у насъ не толпа, не народъ, наслаждающійся безотчетно, а гг. читатели, почитающіе себя образованными: они, *наслаждаясь*, хотятъ вмѣстѣ судить, и боятся прекраснаго-непонятнаго, какъ злого искуителя, заста-

вля ющаго чувствовать противъ совѣсти. Если бы Пушкинъ вмѣсто Годунова написалъ Эсхиловскаго Промеѳя, гдѣ также развивается воплощеніе мысли, и гдѣ еще менѣе ощутимительной связи между сценами, то вѣроятно трагедія его имѣла бы еще меньше успѣха, и ей не только бы отказаны въ правѣ называться *трагедіей*, но врядъ ли бы признали въ ней какое-нибудь достоинство, ибо она написана явно противъ всѣхъ правилъ новѣйшей драмы. Я не говорю уже объ насы, бѣдныхъ критикахъ; наше положеніе было бы тогда еще жалче: напрасно ученическимъ помазкомъ старались бы мы расписывать красоты великаго мастера,—намъ отвѣчали бы одно: Промеѳей не трагедія, это стихотвореніе безпримѣрное, какого нѣтъ ни у Нѣмцевъ, ни у Англичанъ, ни у Французовъ, ни даже у Испанцевъ,—какъ же вы хотите, чтобы мы судили объ ней? на чье мнѣніе можемъ мы сослаться? ибо извѣстно, что намъ самимъ

Не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Таково состояніе нашей литературной образованности. Я говорю это не какъ упрекъ публикѣ, но какъ *фактъ*, и болѣе какъ упрекъ поэту, который не понялъ своихъ читателей. — Конечно въ Годуновѣ Пушкинъ выше своей публики; но онъ быль бы еще выше, если бы былъ общепонятнѣе. Своевременность столько же достоинство, сколько красота, и Промеѳей Эсхила въ наше время — быль бы анахронизмомъ, слѣдовательно ошибкою *).

Изъ „Европейца“ 1832 г.

*.) Сюда не вошли рецензіи за 1832 г., помещенные въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: „Дамскому Журналѣ“, часть 37, №№ 10 и 11, стран. 157—559 и 171—175 (о „Евгениѣ Онѣгинѣ“); тамъ же, часть 38, № 19, стран. 95—96 (о 3-й части стихотвореній А. Пушкина); „Литературныхъ прибавленіяхъ“ къ „Русскому Инвалиду“, № 21, стран. 163 (По поводу „Повѣстей Бѣлкина“); тамъ же, № 22, стран. 174—176 („О Евгениѣ Онѣгинѣ“); тамъ же, № 33, стран. 262—263 (о стихотвореніяхъ А. С. Пушкина); „Сѣверной Пчелѣ“, № 28 (краткая театральная рецензія о „Моцартѣ и Сальери“).

1833 г.

**) Евгений Онъгинъ*, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Спб. 1833 г. Въ тип. А. Смирдина. 287 стр. in 8.

До сихъ поръ *Онъгинъ* продавался цѣною, малослыханною въ лѣтописяхъ книжной торговли: за 8 тетрадокъ надобно было платить 40 рублей! Много ли тутъ было лишняго сбора, можно судить по тому, что теперь *Онъгинъ*, съ дополненіями и примѣчаніями, продаются по 12 рублей. Хвала Поэту, который сжалился надъ тощими карманами читающихъ людей! Веселіе Руси, въ которой богатые покупаютъ книги такъ мало, а небогатымъ покупать *Онъгина* было такъ неудобно!

Этимъ меркантильнымъ замѣчаніемъ могли бы и хотѣли бы мы ограничиться въ извѣстіи о *полномъ Онъгинѣ*. Но есть привязчивые люди, которые непремѣнно требуютъ отъ Журналиста сужденія на заданную тему. „Какъ не сказать ничего о такомъ явленіи! Всѣ мы читали *Онъгина* урывками, давно, и въ восемь лѣтъ не грѣхъ позабыть, что говорили о немъ прежде Журналы“. Признаться, потери немнога, если и забудутъ читатели всѣ сужденія объ *Онъгинѣ*. Онъ остался задачею нерѣшенною, и остался ею донынѣ. О немъ хотѣли разсуждать какъ о произведеніи полномъ, а Поэтъ и не думалъ о полнотѣ. Онъ хотѣлъ только имѣть рамку, въ которую можно было бы вставлять ему свои сужденія, свои картины, свои сердечныя эпиграммы и дружескіе мадригалы. Онъ достигъ своей цѣли. *Онъгинъ* вѣрно служилъ ему, и Поэтъ свободно награ-

Въ 1832 году появились въ печати слѣдующія литературные произведения, относящіяся вообще къ Пушкину: „A. С. Пушкину (1826 г.). Посланіе Павла Катенина, Сочиненія и переводы въ стихахъ П. Катенина. Спб. 1832. Ч. 1, стр. 98—100. (Отвѣтъ Пушкина на это посланіе помѣщенъ въ альманахѣ „Сѣверные Цѣвѣты“). „A. С. Пушкину при прочтеніи сказки его о царѣ Салтанѣ“. Н. Гнѣдича. Стихотворенія Н. Гнѣдича. Спб. 1832 г., стр. 187. Примѣч. В. Зелинского.

**) „Московскій Телеграфъ“ 1833 г., ч. 50. № 6 (мартъ). „Русская Литература“ (Новые книги).*

ждаль его богатствами своего ума и своихъ чувствованій. Какая неизмѣримая коллекція портретовъ, картинъ, рисунковъ и очерковъ, начиная отъ дяди старика, до Княгини Татьяны, отъ жизни Петербургскаго повѣсъ, до деревенскаго быта Лариныхъ, отъ пламенныхъ обращеній Поэта къ самому себѣ, до мимолетныхъ эпиграммъ на друзей и дамъ, на жителей большаго свѣта и степенныхъ помѣщиковъ, на сельскихъ домоводовъ и Журналистовъ! Сколько наблюдений и замѣтокъ прелестныхъ, сколько ума и остроты, сколько души и чувства во всѣхъ страницахъ *Онѣгина!* Но въ подробностяхъ все достоинство этого прихотливаго созданія. Спрашиваемъ: какая общая мысль остается въ душѣ послѣ *Онѣгина?* Никакой. Кто не скажетъ, что *Онѣгинъ* изобилуетъ красотами разнообразными; но все это въ отрывкахъ, въ отдѣльныхъ стихахъ, въ эпизодахъ къ чему-то, чего нѣтъ и не будетъ. Слѣдственно, при созданіи *Онѣгина* Поэтъ не имѣлъ ни какой мысли; начавши писать, онъ не зналъ чѣмъ кончить, и оканчивая могъ писать еще столько же главъ, не вредя общности сочиненія, потому что ея нѣтъ. Любовь Татьяны къ Онѣгину и Онѣгина къ Татьянѣ, конечно, основа слишкомъ слабая, даже для чувствительного романа. Но... при встрѣчѣ съ Онѣгинымъ, не хочется говорить худо о немъ. Мы такъ много провели съ нимъ минутъ усадительныхъ!

Въ нынѣшнемъ изданіи, въ концѣ книги Поэтъ прибавилъ нѣсколько новыхъ примѣчаній и разбросанныхъ по Журналамъ отрывковъ изъ *Онѣгина*, не вошедшихъ въ составъ цѣлаго. Хотя Авторъ и увѣряетъ, что они принадлежатъ къ напечатанной главѣ, но безъ всякаго волшебства можно угадать, что это просто отрывки. Въ заключеніе нашей статьи, выпишемъ одинъ изъ нихъ. Онѣгинъ посѣщаетъ Тавриду.

Воображеню край священный:
Съ Атридомъ спорить тамъ Пиладъ,
Тамъ закоился Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный,
И, посреди прибрежныхъ скаль,
Свою Литву воспоминаль.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
 Когда васъ видиши съ корабля,
 При свѣтѣ утренней Киприды,
 Какъ васъ впервой увидѣль я.
 Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
 На небѣ синемъ и прозрачномъ
 Сияли груды вашихъ горъ,
 Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
 Разостланъ быль передо мною.
 А тамъ, межъ хижинокъ татаръ
 Какой во мнѣ проснулся жарь!
 Какой волшебною тоскою
 Стѣснялась пламенная грудь!
 Но, Муза! Прошлое забудь.

Кація-бѣ чувства ни таились
 Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
 Они прошли, иль измѣнились...
 Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
 Въ ту пору мнѣ казались нужны
 Пустыни, волнъ края јемчужинъ,
 И моря шумъ, и груды скалъ,
 И гордой дѣвы идеаль,
 И безъимяннія страданья...
 Другіе дни, другіе сны;
 Смирились вы, моей весны
 Высокопарная мечтанья,
 И въ поэтическій бокаль
 Воды я много подмѣшалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:
 Люблю песчаный қосогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренѣкія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи,
 Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ;
 Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила мнѣ балалайка,
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ қабака.
 Мой идеаль теперь—хозяйка,
 Мои желанія—покой,
 Да щѣй горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
 Я, завернувъ на скотный дворъ...,
 Тыфу! прозаической бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
 Сказки, фонтанъ Бахчисарая!
 Такія-ль мысли мнѣ на умъ
 Навелъ твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зарему я воображалъ?..

Изъ „Моск. Телеграфа“ 1833 г.

* *

*) *O характерѣ и достоинствѣ Поэзіи А. С. Пушкина.*

„И остави намъ долги наша, яко же
 и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“.

Можно ли быть безпристрастнымъ въ сужденіяхъ о современныхъ Писателяхъ?—этотъ вопросъ разрѣшается другимъ: можно ли быть совѣстнымъ? Но въ свѣтѣ на все свои предразсудки. Есть весьма много порядочныхъ людей, честныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, которые однакожъ не почитаютъ безчестнымъ поступкомъ: обмануть пріятеля при продажѣ лошади, украсть охотничью собаку и завладѣть чужою книгою. Точно также и въ Литературѣ: человѣкъ, добросовѣстный во всѣхъ случаяхъ жизни, не почитаетъ грѣхомъ позабавиться насчетъ Автора, выставить его въ смѣшномъ видѣ, и даже, въ порывѣ гнѣва, лишить всякаго достоинства, хотя этотъ критикъ и убѣжденъ внутренно, что осмѣиваляемый или бранимый имъ Авторъ достоинъ похвалъ и уваженія. Оскорблена личность и духъ партій извиняютъ такие противосовѣстные поступки въ Литературѣ, точно такъ же, какъ и обманъ и воровство прикрывается именемъ *удальства* между псовыхми и лошадиными охотниками. По моему, и то и другое дурно, негодно,

*.) „Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“ 1833 г., т. 33, № 6. Статья ѡ. Б. (Булгарина), подъ заглавіемъ: „Письма о Русской Литературѣ“.

недостойно ни Литератора, ни благовоспитанного, деликатного человѣка.—Не хочу болѣе объясняться обѣ этомъ предметѣ, и приступлю къ дѣлу, съ твердою волею говорить то, что думаю и въ чёмъ убѣжденъ душевно.

Пушкинъ составляетъ эпоху въ Исторіи нашей Литературы.—Съ Державинымъ кончилась у насъ Поэзія классическая и лирическая; Жуковскій создалъ новую гармонію поэтическаго языка и показалъ намъ образцы Германского Романтизма; гений Батюшкова, такъ сказать, расправилъ крылья, чтобы взлетѣть выше своего вѣка, вспорхнулъ, и остался между доломъ и высью.

Вокругъ Жуковскаго и Батюшкова загудѣли и запѣли на новый ладъ новые и старые Поэты, которые, не двигаясь съ мѣста, думали, что идутъ впередъ новымъ путемъ.—Образованная публика, знакомая съ чужеземными произведеніями, требовала новаго рода въ Поэзіи и въ Литературѣ вообще; остальная часть Русскихъ читателей предчувствовала, что должно быть что-нибудь новое. Всѣ ждали. Явился Пушкинъ. Едва перешагнувъ за рубежъ дѣтскаго возраста, онъ исполинскими шагами опередилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и занялъ первое мѣсто непосредственно послѣ Державина и Крылова, двухъ Поэтовъ, съ которыми Пушкинъ не входилъ въ состязаніе. Публика, оставивъ прежнихъ своихъ идоловъ, бросилась къ Пушкину, который заговорилъ съ нею новымъ языкомъ и представилъ ей Поэзію въ новыхъ формахъ, возбудилъ новыя ощущенія и новыя мысли.

Этого переворота, этого впечатлѣнія нельзя было произвести, не имѣя истиннаго гenія; а потому дарованіе Пушкина столь же велико, какъ и заслуга. Но сie дарованіе и сія заслуга болѣе велики *относительно*, нежели *положительно*, т.-е. то, что Пушкинъ сдѣлалъ въ Россіи и для Россіи, не можетъ сравниться съ тѣмъ, что сдѣлали геніи-преобразователи въ Англіи, Германіи и Франціи. Удержанаясь отъ всякихъ сравненій, я постараюсь разобрать отдельно и въ общности характеръ Поэзіи Пушкина.

Сію поэзію должно рассматривать: 1) въ отношеніи оригинальности или подлинности; 2) въ мелкихъ или отдель-

ныхъ стихотвореніяхъ; 3) въ Поэмахъ, и 4) въ Драмѣ.—Талантъ Пушкина не одинаковъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ, Поэмахъ и въ Драмѣ, и даже характеръ его Поэзіи столь различенъ въ сихъ трехъ родахъ, что кажется, будто въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуетъ, мыслить и чувствовать другой человѣкъ, вдохновенный другимъ геніемъ. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ Поэтъ паритъ безпрерывно въ высотахъ, обозначенныхъ Байрономъ. Въ Поэмахъ Пушкинъ, возносясь порывами въ небеса, спускается частенько на землю и идетъ, иногда блуждая по стезямъ чуждыемъ, иногда останавливаясь, чтобы собраться съ духомъ. Въ Драмѣ Поэтъ еще не опредѣлилъ себѣ мѣста и носится между небомъ и землею, чаще однakoжъ придерживаясь земли, нежели увлекаясь въ высь.—Но во всѣхъ сихъ родахъ Пушкинъ стоитъ выше всѣхъ Поэтовъ въ Россіи, и если мнѣ укажутъ нѣсколько мелкихъ письмъ другихъ Поэтовъ одинакового достоинства съ произведеніями Пушкина, или даже выше ихъ достоинствомъ, то все это еще не отниметъ первенства у Пушкина. Что ни говори, какъ ни раздробляйся въ сужденіяхъ и эстетическихъ тонкостяхъ, а все-таки Пушкинъ со всѣми своими красотами и недостатками (скажу даже, съ важными недостатками), останется первымъ русскимъ Поэтомъ.—Быть первымъ современнымъ Поэтомъ есть то же, что быть первымъ между всѣми Русскими Поэтами, отъ временъ Пѣсни о полку Игоревомъ до 1-го января 1833 года, ибо, что пѣли наши Баяны, того мы не знаемъ, а что выкладывали на риѳмы наши дѣды и сверстники нашихъ отцевъ, того никакъ нельзя назвать Поэзіей въ философическомъ смыслѣ сего слова. Исключая разъ навсегда Державина *) и Крылова. Они въ своемъ родѣ первые, неподражаемы и не-прикосновенны.

1) *Взглядъ на Поэзію Пушкина въ отношеніи къ оригинальности.*

Оригиналенъ ли Пушкинъ?—Послушайте нашихъ Сло-

*) О Державинѣ говорится только какъ о Лирикѣ, а о Крыловѣ, какъ о Баснописцѣ. Соч.

весниковъ, нашихъ умниковъ, нашихъ ученыхъ критиковъ, они вамъ скажутъ, что Пушкинъ — подражатель Байрона. — Почему? Потому, что Пушкинъ пишетъ въ такомъ же неопределенномъ родѣ, какъ Байронъ, что Пушкинъ такъ же, какъ и Байронъ, не доказываетъ, не обрисовываетъ вполнѣ, не кончаетъ, избираетъ въ герои своихъ Поэмъ не князей и рыцарей, но людей простаго званія, и изображаетъ случаи, обыкновенные въ частной жизни, или такие, о которыхъ прежде не смѣли даже рассказывать въ гостиныхъ. Вотъ, на чемъ основаны улики въ подражаніи! — А по моему мнѣнію, Пушкинъ есть только слѣдствіе вѣка и Поэзіи Байроновской, но самъ онъ оригиналъ, а не подражатель. Скажу болѣе (однакожъ не въ укоръ Поэту), Пушкинъ не читалъ даже въ подлиннику произведеній Байрона, и знаетъ ихъ только по Французскимъ переводамъ прозою. Пушкинъ даже не могъ постигнуть всѣхъ красотъ Нѣмецкой Поэзіи, ибо онъ не столь силенъ въ Нѣмецкомъ языке, чтобы понимать красоты политического языка *). Пушкинъ слышалъ вдали невнятные звуки Поэзіи Байрона, Гете и Шиллера, и чувствуя, что душа его полна гармоніи, полна чувства и образовъ, вздумалъ испытать силы свои, ударилъ въ струну — и раздалась Поэзія — Поэзія его собственная, не Байроновская, не Гетеевская, не Шиллеровская, но Поэзія своего вѣка и въ духѣ времени. Эзопъ и Пильпай писали Басни въ глубокой древности, ибо первородная Литература есть ни что иное, какъ басня и апологъ. Но ни Лафонтенъ, ни Крыловъ не суть подражатели; они не создали рода, но суть оригинальные Баснописцы, ибо въ Басняхъ ихъ изображены нравы, странности, и порывы ихъ современниковъ, и описаны въ духѣ народномъ. Точно такъ же и Пушкинъ, хотя въ родѣ своей Поэзіи и склоняется болѣе къ роду Байроновскому, но въ немъ кипитъ

*) Можетъ быть, А. С. Пушкинъ теперь и понимаетъ совершенно Байрона и Гете въ подлиннику, но когда онъ началъ писать, онъ не зналъ столько ни Англійскаго, ни Нѣмецкаго языка, чтобы понимать высшую Поэзію. Это всѣмъ извѣстно. Соч.

Русскій умъ, Русское чувство, вездѣ видна наша Русская современность, а въ языкѣ духъ богатаго, неисчерпаемаго Русскаго слова со всею его гибкостью и красотою. Россини есть *слѣдствіе* музыки Моцарта; тактика Наполеона есть *слѣдствіе* тактики Фридриха Великаго; Гете и Шиллеръ есть *слѣдствія* Поэзіи Оссіана и Шекспира; Байронъ есть *слѣдствіе* Поэзіи Оссіана, Шекспира, Гете и Шиллера, перелитой въ форму *новаго вѣка*. Пушкинъ (повторяю) есть *слѣдствіе* Байрона. — Но ни Россини не есть подражатель Моцарта, ни Наполеонъ Фридриха, ни Гете и Шиллеръ подражатели Шекспира и Оссіана, ни Байронъ подражатель четырехъ послѣднихъ, ни Пушкинъ подражатель Байрона. Они всѣ оригинальны, ибо каждый изъ нихъ дѣйствовалъ своимъ умомъ, своимъ чувствомъ, сообразно потребностямъ своего вѣка, современному и для современниковъ. Болѣе не хочу распространяться въ доказательствахъ. Кто въ состояніи понять меня, тотъ уже понялъ, а для тупоумныхъ я не возьму и пера въ руки!

Но оригинальность Пушкина не столь ощутительна, какъ вышеупомянутыхъ мною Поэтовъ, потому именно, что Пушкинъ ниже ихъ достоинствомъ своихъ произведеній, а оригинальность Байрона, Гете, Шиллера отъ того столь блестательна, столь разительна, и преимущество ихъ предъ прочими современными Поэтами отъ того столь явственно, что умъ сихъ великихъ Поэтовъ упитанъ былъ Науками, а душа ихъ созрѣла въ созерцаніи Природы и человѣчества. Вообще всѣ великіе Поэты были выше своихъ современниковъ образованностью и познаніями, и даже Шекспиръ, котораго многіе критики упрекаютъ въ невѣжествѣ, заключая о семъ по анахронизмамъ, встрѣчающимся въ его сочиненіяхъ, даже Шекспиръ постигалъ духъ Исторіи своего отечества лучше, нежели сухіе его Критики, и, конечно, не уступалъ въ его познаніяхъ образованнѣйшимъ мужамъ своего времени. Оссіанъ, если онъ существовалъ, безъ сомнѣнія былъ выше своихъ дикихъ соотечественниковъ своими познаніями, столько же, какъ и силою пітическаго дара. Непремѣнная аксіома, что пітическій даръ не можетъ вполнѣ

развиться, возмужать, укрѣпиться въ самостоятельности, быть подвластнымъ уму до возраста старости (какъ у Гете), и вознестись до высшей степени совершенства, если существо, надѣленное отъ Природы пітическимъ да-ромъ, отдѣляясь отъ міра Наукъ, ввергнется въ пучину свѣтской жизни, и только въ поры отдохновенія отъ забавъ будетъ ждать сопшествія вдохновенія. Правда, что геній ищетъ пищи въ одной Природѣ; но ученіе и созерцаніе есть не отдаленіе отъ Природы, а напротивъ того ближайшее къ ней руководство, вѣрнѣйшій путь.—Вдохновеніе является въ уединеніи и ниспосылается Природою. Это руда. Геній, при помощи Искусства, переплавливаетъ сию богатую руду въ горнилѣ *познаний*, и тогда то мысль и чувство, сливаясь въ форму оригинальности, образуютъ стройное созданіе, которое переживая вѣки, сообщаетъ бессмертіе своему творцу и даетъ характеръ своему вѣку.

И такъ, хотя Пушкинъ оригиналъ, но оригинальность его не принесеть такихъ плодовъ, какіе принесла оригинальность Байрона. Есть и будетъ множество подражателей Пушкина (несносное племя!), но не будетъ сльдствія Пушкина, какъ онъ самъ есть сльдствіе Байрона. Пушкинъ илѣниль, восхитилъ своихъ современниковъ и научилъ ихъ писать гладкіе, чистые стихи, даль имъ почувствовать сладость нашего языка, но не увлекъ за собою своего вѣка, не установилъ законовъ вкуса, не образовалъ своей школы, какъ Байронъ и Гете. Пушкинъ былъ самъ согрѣтъ тѣмъ небеснымъ пламенемъ, которое должно оживить нашу Литературу; но мы еще ждемъ своего Прометея, существующаго возжечь свѣтильникъ небеснаго огня для одушевленія цѣлаго поколѣнія. Почему оригинальность Пушкина не будетъ имѣть тѣхъ послѣдствій, какія произвела оригинальность Байрона, Гете и Шиллера, объяснено тѣмъ, что сказано мною о сихъ трехъ Поэтахъ въ отношеніи къ ихъ познаніямъ и къ ихъ созерцательной жизни. Дальнѣйшія объясненія почитаю излишними.

Разсмотрѣвъ характеръ Цоэзіи Пушкина со стороны оригинальности, которой вообще такъ мало въ Русской

Литературѣ, и отдавая полную справедливость его дарованію и заслугамъ, не думаю, чтобы тѣ даже, которые будутъ не согласны со мною, нашли въ моемъ мнѣніи малѣйшее желаніе унизить нашего Поэта. Сохрани меня Богъ отъ этого! Размыслия о Поэзіи Пушкина въ тишинѣ моего кабинета, я воображалъ, что цѣлые вѣки раздѣляются насы, и, смотря на Поэта, вовсе не видѣль моего современника. Въ слѣдующихъ письмахъ разсмотрю *три рода* его Поэзіи; но предувѣдомляю, что не стану разбирать ни отдѣльныхъ стиховъ, ни отдѣльныхъ сочинений, а только буду смотрѣть на общий ихъ характеръ. Не хочу даже имѣть теперь передъ глазами его сочиненій, чтобы не увлекаться ни красотами, ни недостатками, а пишу изъ памяти и по чувству, припоминая тѣ впечатлѣнія, которая произвели во мнѣ неоднократно прочитанныя его творенія, и основываясь на томъ, что врѣзалось въ моемъ сердцѣ и въ умѣ. Со временемъ разберу и отдельно лучшія его произведенія, но это будетъ трудъ другаго рода и другаго вида. Вообразите себѣ странника, который, возвратясь изъ путешествія, разсказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ замѣчательного, и гдѣ болѣе ощущалъ впечатлѣній. Въ портфель у странника хранятся его записки и рисунки, но онъ разсказываетъ наизусть, и припоминаетъ только то, что сильно поразило его. Слушая его, вы можете опредѣлить характеръ его путешествія. Въ такомъ точно положеніи нахожусь теперь я, бесѣдуя о характерѣ Поэзіи Пушкина.

2. О мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Человѣкъ слабъ на добро, но твердъ на зло. Добродѣтель дѣйствуетъ на душу его, какъ вешній вѣтерокъ, а злоба, какъ буря, которая наконецъ уносить душу въ бездну злодѣйствъ. Есть люди добрые, но они страждутъ подъ игомъ чуждой злобы и угнетенія, и они до тѣхъ поръ не будутъ счастливы на землѣ, пока страсти и сила не покорятся разсудку, и пока чувство человѣчества не преодолѣтъ эгоизма. (Долго ждать!).

Вотъ основная идея Поэзіи нашего вѣка. Теперь не мѣсто разсуждать, справедлива ли сія мысль или нѣтъ.

Сія идея представляется въ нынѣшней Литературѣ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, но не измѣняется въ существѣ своемъ. — Главная ея черта есть выраженіе презрѣнія къ человѣчеству, вмѣстѣ съ состраданіемъ къ его жалкой участі. На первомъ планѣ картины помѣщаются сильный, торжествующій порокъ и безпомощная, страждущая добродѣтель. Впечатлѣніе, производимое сею Поэзіею, есть ужасъ и жалость; слѣдствіе сей Поэзіи есть уныніе и грусть.

Байрона почитаютъ основателемъ сей новой школы, изобрѣтателемъ сего новаго рода Поэзіи. — Мнѣніе сіе основано на томъ, что Байронъ превзошелъ всѣхъ современныхъ Поэтовъ и сталъ на высшей степени совершенства. По моему мнѣнію, Байронъ есть только краснорѣчивый выражитель идей и чувствованій нашего вѣка, создавшаго сію Поэзію необыкновенными событиями. Мгновенное ниспроверженіе царствъ, троновъ, имуществъ, законовъ, обычаевъ, нравовъ; безпрерывные ужасы войны, казни, убийства въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ предъ появлениемъ Байрона, торжество дерзости, злобы, порока, бѣдствія народныя и частныя—произвели тѣ ощущенія и тѣ идеи, которыя, сосредоточась въ душѣ Байрона, отразились изъ нея въ пѣтическихъ образахъ и гармоническихъ звукахъ. Надобно было небеснаго устройства ума и почти сверхъестественной силы души, чтобы уловить, удержать и столь естественно передать глубокія идеи и ужасныя чувства чуднаго нашего вѣка. Байронъ есть нравственный феноменъ, настоящее чудо. Наполеонъ Поэзіи!

Идея и чувство той же самой Поэзіи потрясли душу Пушкина, но они раздались въ ней не сильно, а потому и отразились невнятно, неявственно. Но какъ эти звуки были первые на Русскомъ языкѣ, котораго красота, сила и гибкость до сихъ поръ употреблялась почти исключительно на одиѣ блестки, то слухъ цѣлой Россіи обратился къ Поэту своего вѣка. Начало прельстило, удивило всѣхъ и породило высокія надежды. Не въ гнѣвѣ будь сказано Поэту—онъ не исполнилъ всѣхъ нашихъ надеждъ, и я

укояю его потому только, что, по моему убѣжденію, онъ добровольно отѣгналъ отъ себя современное вдохновеніе, ища новыхъ путей, сбился съ пути, указанного ему Природой, пути, на которомъ тщетно и печально ждалъ его покинутый имъ геній!

Сей геній, сіе современное вдохновеніе, сіе чувство и сія идея нашего вѣка, болѣе всего пробивается у Пушкина въ мелкихъ его стихотвореніяхъ, въ тѣхъ пьесахъ, которые родились въ то время, когда, такъ сказать, геній исторгалъ душу Поэта изъ свѣтскихъ отношеній и уносилъ въ горнія. — Въ нѣкоторыхъ изъ сихъ пьесъ Пушкинъ достигаетъ до высокой точки пітическаго величія. Таково, напримѣръ, стихотвореніе его *Демонъ*, подъ которымъ Байронъ могъ бы, безъ обиды своего таланта, подписать свое имя. Сія пьеса, имѣющая не болѣе 24-хъ стиховъ, есть цѣлая Поэма. Содержаніе ея: борьба пітической души съ эгоизмомъ. Поэму сю можно было бы расстянуть такъ широко, какъ Иліаду, и все-таки нельзя было сказать ничего сильнѣе того, что сказано въ маленькой пьесѣ изъ 24-хъ стиховъ. — Изъ печатныхъ мелкихъ пьесъ Пушкина я ставлю *Демона* выше всѣхъ. Никто не сдѣлалъ столько вреда таланту Пушкина, какъ хвалители его, отъ того именно, что они не постигли ни глубины лучшихъ его произведеній, ни направленія его таланта. Литературные противники Пушкина, жалкіе поборники мнимаго Классицизма, школяры, невѣжды, эти отставшіе отъ стада журавли, и даже личные враги Пушкина не могли повредить ему въ общемъ мнѣніи. Говорить, что Пушкинъ дурной Поэтъ, есть то же, что написать себѣ на лбу адскимъ камнемъ (*lapis infernalis*): я дуракъ. Такъ и сдѣлали мнимые Классики! Сказать, что такая-то пьеса или Поэма Пушкина дурна, не значитъ уронить его дарованіе, ибо и геніи производятъ дурныхъ вещи, когда идутъ не своимъ природнымъ путемъ и берутся не за свое. Байронъ былъ, говорятъ, плохимъ парламентскимъ ораторомъ и не могъ написать повѣсти про-зою. Слѣдовательно, писавшіе *противъ* Пушкина не повредили ему, а напротивъ того, могли принести пользу.

Хвалители же его, которымъ онъ вѣрилъ (потому, что весьма пріятно вѣрить похвалѣ и дружбѣ), полагая все достоинство Поэзіи въ гармоніи языка и въ живости картинъ, отвлекли Пушкина отъ Поэзіи идей и чувствованій и употребили всѣ свои усилия, чтобы сдѣлать изъ него только *Артиста*, Музыканта и Живописца. Наши Эстетики и Поэты (разумѣется, не всѣ) никакъ не поняли, что гармонія языка и Живопись суть второстепенные средства новой Поэзіи идей и чувствованій, и что въ наше время Писатель безъ мыслей, безъ великихъ философическихъ и нравственныхъ истинъ, безъ сильныхъ ощущеній — есть просто гударь, хотя бы его риѳмы были сладостнѣе Россиніевой музыки, а образы свѣтлѣе Грёзовой головки.— Разумѣется, что нашимъ Критикамъ и хвалителямъ Пушкина болѣе нравятся: *Бисы*, *Русалка*, *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ* и т. п., нежели *Демонъ*, нежели *Андрей Шенье*, нежели *Вакхическая Пѣсня* *), *Война*, Элегія: *Погасло дневное свѣтило* и проч., *Желаніе Славы*, Кѣ *Овидію*, Уединеніе, Кѣ морю, *Наполеонъ*, *Птичка*, *Посланіе къ Лицинію*, Кѣ *Козлову*, Кѣ *Прелестницѣ*, Кѣ Ч—ву (начинающееся: Въ странѣ, гдѣ я забылъ, и проч.), *Воспоминаніе* (первый стихъ: Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день), *Городъ пышный*, и еще нѣсколько рукописныхъ и печатныхъ стихотвореній, которыхъ теперь не припомню.

Трудно или, лучше сказать, почти невозможно избѣжать впечатлѣній окружающаго насъ, особенно, когда окружающія насъ лица и предметы милы сердцу или пріятны вкусу.—Сильная душа и высокій разумъ Байрона расторгли всѣ узы, но почти всѣ другіе Поэты жертвовали слабости нашей природы и увлекались впечатлѣніями прошлаго и окружающаго. Пушкинъ, видя безпрерывно вокругъ себя Тиртеевъ въ бумажныхъ латахъ, бряцающихъ на лирѣ съ деревянными струнами, украшенныхъ тафтяными лаврами изъ цвѣточнаго магазина, слыша напѣвы (*безъ словъ*) наряженныхъ въ театральные костюмы

*) Пѣсня сія состоитъ изъ двухъ куплетовъ: первый обыкновенный, второй заключаетъ въ себѣ высокое чувство и глубокій разумъ. Соч.

Бардовъ, Пушкинъ не могъ выдержать искушения, пѣль на тотъ же ладъ, хотя и лучшѣе прочихъ, и первенство свое принялъ за успѣхъ. Дружина Поэта заглушила похвалами своими вопль истины, пробивавшійся изъ благонамѣренныхъ Критикъ, и Поэтъ смѣшалъ друзей своего таланта съ своими недругами. Отъ стеченія сихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ произошелъ вредъ не таланту Поэта, но истиннымъ цѣнителямъ сего таланта, лишившимся лучшаго, хорошаго! Множество произведеній обыкновенныхъ ослабило вниманіе публики къ Поэту, а нѣкоторые изъ недальновидныхъ Критиковъ и недоброжелатели Пушкина уже провозгласили совершенный упадокъ его дарованія. — Правда, что надобна была сильная вѣра въ сіе дарованіе, чтобы не усомниться въ его упадкѣ послѣ такой пьесы, какова, напримѣръ: *Послание къ Князю Юсупову!* — Но я пребылъ вѣренъ моему мнѣнію, что дарованіе Пушкина только сбилось съ пути, начертаннаго ему Природою, а не погибло, и Альманахъ *Съверные Цвѣты* на 1832 годъ, обрадовалъ меня чрезвычайно, убѣдивъ, что я не ошибся въ моей вѣрѣ. — *Моцартъ и Сальери*, *Эхо, Анчаръ, Древо Яда*, суть произведенія дарованія юнаго, сильнаго разумомъ и душею, суть отголоски Поэзіи современной, высокой, трогательной, томной, грустной, но крѣпительной и неувядаемой. Звуки сіи не гибнутъ въ воздухѣ, слова не тлѣютъ вмѣстѣ съ бумагою. Такая Поэзія начертываетъ свои звуки въ сердцѣ человѣческомъ, которое тверже сохраняетъ все высокое и сильное, нежели гранить и мѣдь.

И такъ, утѣшитесь, любители Поэзіи высокої, благородной, утѣшитесь, истинные друзья таланта Пушкина! Сей талантъ не упалъ; онъ еще полонъ силы и жизни, но онъ, подобно соловью, теперь не въ порѣ и не на мѣстѣ пѣнія.

Остается решить вопросъ: почему характеръ Поэзіи современной выразился съ болѣею силою въ мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина, нежели въ другихъ его произведеніяхъ, стоявшихъ ему, можетъ быть, болѣе труда и болѣе обдуманности? Отвѣчаю решительно: отъ того, что лучшія

мелкія стихотворенія Пушкина суть не плоды чуждыхъ со-
вѣтствъ, не слѣдствія бесѣдъ и совѣщаній, но, такъ скажать, невольныя вспышки его природнаго генія, молнія отъ столкновенія идей и чувствованій, самородный плодъ поч-
вы.—И потому-то мелкія стихотворенія Пушкина—суть тѣ
тайинственные буквы, которыми начертанъ *характеръ его Поэзіи*, суть тѣ числа на мѣрѣ, которыми опредѣляется
величие его дарованія. — Минѣ кажется, что я разгадалъ и
буквы и числа, и потому полагаю, что характеръ Поэзіи
Пушкина—есть *современность* (определенная мною выше),
а мѣсто его между нашими современными Поэтами—*пер-
вое*, и *не послѣднее* въ небольшомъ кругу Поэтовъ всемир-
ныхъ. Скажу болѣе: я вѣрю, что отъ его собственной
воли зависитъ удержаться, возвыситься или пасть. Геній
его просится на просторъ... подъ небеса!...

„Минѣ душно здѣсь, я въ лѣсь хошу!“

Ѳ. Б. (Ѳ. Булгаринъ).

* * *

*) Читая продолженіе письма о Русской Литературѣ („Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“ на 1833 годъ, № 6, стр. 1) невольно хочется продолжать и выписки изъ него: такъ оно искусительно!

„Есть и будетъ множество подражателей Пушкина (несносное племя!), но не будетъ *слѣдствія* Пушкина, какъ онъ самъ есть *слѣдствіе* Байрона“ (стр. 416). Ежели въ философическомъ смыслѣ и есть смыслъ въ словѣ: *слѣдствія*, здѣсь употребленномъ, то къ чему же отчаяніе: „Не будетъ *слѣдствія* Пушкина?“ Еще труднѣе было ожидать *слѣдствія* Байрона. Но родился Пушкинъ — и явилось *слѣдствіе*, которое (между нами)—ежели рѣчь идетъ не о *потомкахъ* какого-либо человѣка—едва ли не то же, что *подражаніе*? Ибо мы подражаемъ тому или другому по

*) „Дамскій Журналъ“ 1833 г., №№ 13, 14, 16, 18, 20 и 21. Разборъ „Писемъ о Русской Литературѣ“, помѣщенныхъ въ „Сынѣ Отечества“.

чувству, влекущему насъ болѣе къ тому, нежели къ другому: не есть ли это *сльдствіе* одинакового расположенія души и сердца? Устихъ — другое дѣло. „Пушкинъ былъ самъ согрѣтъ тѣмъ небеснымъ пламенемъ, которое должно оживить нашу Литературу; но мы еще ждемъ своего Прометея, существующаго восжечь свѣтильникъ небеснаго огня для одушевленія цѣлаго поколѣнія“ (стр. 317). Слѣдовательно — не дождемся; ибо ежели ни Пушкинъ, *самъ согрѣтый* небеснымъ пламенемъ (казалось бы, чего-жъ болѣе?), ни Державинъ, ни Крыловъ, въ своемъ родѣ *первые, неподражаемы и неприкосновенны*, не суть еще *Прометеи*: то какая же надежда?... „Не думаю, чтобъ тѣ даже, которые будутъ не согласны со мною, нашли въ моемъ мнѣніи малѣйшее желаніе унизить нашего Поэта“ (тамъ же). Ко-му-жъ это придетъ въ голову, когда мы уже видѣли *мнѣніе* ваше, что „Пушкинъ... останется первымъ современнымъ Поэтомъ, а быть первымъ“ (продолжаете вы) „современнымъ Поэтомъ есть то же, что быть первымъ между всѣми Русскими Поэтами, отъ временъ Пѣсни о полку Игоревомъ, до 1-го января 1833 года?“

Но вотъ что странно: на другой страницѣ послѣ сей аксіомы вы говорите: „Размышляя о Поэзіи Пушкина въ тишинѣ моего кабинета, я воображалъ, что цѣлые вѣки раздѣляютъ насъ, и, смотря на Поэта, вовсе не видѣль“ (вм. не видаль) „моего современника. Въ слѣдующихъ письмахъ разсмотрю *три рода* его Поэзіи“. И мы разсмотримъ ваше разсмотрѣніе: а между тѣмъ спрашиваемъ: гдѣ же вы были тогда, когда находили Пушкина первымъ Русскимъ *современнымъ* поэтомъ? и отъ чего же эта современность исчезла въ *тишинѣ кабинета*? Что за волшебный кабинетъ?

„Не въ гиѣвъ будь сказано Поэту“ (Пушкину), „онъ не исполнилъ всѣхъ нашихъ надеждъ, и я укоряю его потому только, что, по моему убѣждѣнію, онъ добровольно отогналъ отъ себя современное вдохновеніе, и ища новыхъ путей, сбился съ пути, указанного ему природой, пути, на которомъ тщетно и печально ждалъ его покинутый имъ геній!“ (*C. O. и C. A. № 6, ст. 21*). И такъ Пушкинъ

не добровольно, а по вашему, какъ сами говорите, *убѣжденію* отогналъ отъ себя *современное* вдохновеніе и вслѣдствіе того сбылся съ пути, на которомъ *тищетно* ждалъ его покинутый имъ геній. На что-жъ вы это дѣлали? и какимъ же образомъ, послѣ всего этого, онъ сталъ „первымъ *современнымъ* Поэтомъ, отъ временъ Пѣсни о полку Игоревомъ до 1-го января 1833 года?“ Загадка!

„Никто не сдѣлалъ столько вреда таланту Пушкина, какъ хвалители его, отъ того именно, что они не постигли ни глубины лучшихъ его произведеній, ни направленія его таланта“ (*Тамъ же*). Но мы сейчасъ привели ваши слова, которыми *хвалите* Пушкина такъ, какъ еще никто не хвалилъ! И отъ чего же именно *ваши* похвалы не сдѣляютъ ему никакого вреда? Онъ можетъ возгордиться ими и *опочитъ* на нихъ, какъ на неувядашающихъ лаврахъ! Смѣю ли еще спросить, изъ чего заключаете, что въ числѣ его хвалителей не было еще такого, который бы, подобно вамъ, *постигъ и глубину лучшихъ его произведеній, направление таланта его*, когда (между тѣмъ) говорите сами, что онъ *сбылся съ пути?*... Подлинно глубина непостижимая въ глаголахъ вашихъ, м. г.! „Говорить, что Пушкинъ дурной Поэтъ, есть то же, что написать себѣ на лбу адскимъ камнемъ (*lapis infernalis*): я дуракъ. Такъ и сдѣлали мнимые Классики“ (*страница 322*). Кто бы не пожелалъ видѣть сихъ мнимыхъ Классиковъ съ надписью на лбу: *я дуракъ!* и сказать: *такъ!* Но врядъ ли встрѣтится кому-либо сія Геркуланская ходячая рѣдкость: ибо даже и мнимый Классикъ, изъ уваженія къ самому себѣ, не скажетъ *Пушкинъ дурной Поэтъ!* а особливо, когда вспомнить о *lapis infernalis!*.... Развѣ подстрекнетъ къ тому ваша же слѣдующая апоѳегма: „Писавшіе *противъ* Пушкина не повредили ему, а напротивъ того, могли принести пользу“ (*Тамъ же*). Но нѣтъ! *надпись* адскимъ камнемъ остановить и руку, подобно какъ языкъ! По крайней мѣрѣ, на будущія времена.

„Разумѣется, что нашимъ критикамъ и хвалителямъ Пушкина болѣе нравятся: *Бѣсы*, *Русалка*, *Писнь о вѣщемъ Олегѣ*, и т. п., нежели *Андрей Шенѣ*, нежели *Вакхиче-*

ская Пьесы, Война; Элеги: Погасло дневное свѣтило и проч., Желаніе Славы, Къ Овидію, Уединеніе, Къ морю, Наполеонъ, Птичка, Посланіе къ Лицинію, къ Козлову, къ Прелестницѣ, къ Ч—у (начинающееся: Въ странѣ, где я забылъ и проч.), Воспоминаніе (первый стихъ: Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день), Городъ пышный, и еще нѣсколько рукописныхъ (?) „и печатныхъ стихотвореній, которыхъ теперь не припомню“ (*Сынъ Отечества и Съверный Архивъ*, № 6, стран. 323). Почему же разумѣется? Ежели критики или писавшіе противъ Пушкина — что все одно — и на предыдущей страницѣ у васъ принесши ползу ему, объявили мнѣніе свое; то уже и видно, что имъ болѣе нравится; если-жъ нѣтъ: то, можетъ быть, и не разумѣется. Въ сю же категорію входятъ и хвалители. Но какою категоріею можно извинить столь полную достовѣрность къ своему вкусу — не говоримъ о прочемъ — объявляемую во всенародно? Если могли ошибаться въ *предпочтеніи* стихотвореній Пушкина *многіе*, то одному еще легче. Другое дѣло *рукописныя*, извѣстныя, можетъ быть, одному только вамъ. Но и съ вами можно спорить — какъ это ни страшно по Голіаѳской силѣ вашей на литературномъ поприщѣ — спорить о *вкусѣ*: вы предпочитаете *Демона*, стало, и *Домовому*, о которомъ даже и не упомянули; но осмѣлюсь сказать, что съ тѣхъ часовъ, когда *Демонъ* началъ навѣщать Поэта, кромѣ *непостижимой таинственности*, ничего нѣтъ отмѣнаго въ семъ стихотвореніи, доказывающемъ *только артиста*, вами не уважаемаго (*страница 322*); тогда какъ въ стихотвореніи: *Домовому*, находимъ бессмертнаго отца — *Горация*, которому въ его стихахъ: Къ Вафну, нашъ Поэтъ подражалъ, какъ Суворовъ Цезарю; и такое подражаніе доказывается, что одинъ герой родился послѣ другаго: вотъ все различіе.

„Пушкинъ, видя безпрестанно вокругъ себя Тиртеевъ въ бумажныхъ латахъ, брящающихъ на лирѣ съ деревянными струнами, украшенныхъ лаврами изъ цвѣточнаго магазина, слыша напѣвы (безъ словъ) наряженныхъ въ театральные костюмы Бардовъ, Пушкинъ не могъ выдержать“ (слушайте! слушайте!) „искушенія, пѣль на тотъ же ладъ,

хотя и лучше прочихъ, и первенство свое принялъ за успѣхъ“. И принялъ именно изъ вашихъ рукъ: ибо вы, не взирая на описанное вами маскарадное общество, искушившее Поэта своими деревянными струнами, заставившими и его пѣть на тотъ же ладъ, поднесли Поэту дипломъ на титло первого между всѣми Русскими Поэтами, отъ времень Пѣсни о полку Игоревомъ до 1-го января 1833 года. Пеняйте же на самого себя, тѣмъ болѣе, что ваши напѣвы были не безъ словъ! „Дружина Поэта заглушила похвалами своими вопль истины, пробивавшійся изъ благонамѣренныхъ критикъ, и Поэтъ смѣшалъ друзей таланта съ своими недругами“ (*Тамъ же*). Но вы въ головахъ сей дружины, по крайней мѣрѣ теперь; ибо, повторяемъ, никто еще не заглушилъ, если не вопль истины, то по крайней мѣрѣ Поэта столь высокопарными похвалами, какъ вы: за что же негодуете на хвалителей его? Странное дѣло! Между тѣмъ Поэтъ играетъ у васъ жалкую роль; онъ смѣшалъ друзей своего таланта съ своими недругами“. Смѣшать можно все; но какъ это, отъ чего это, почему это смѣшано Поэтомъ въ такомъ случаѣ? волею, или неволею? и какимъ образомъ это обнаружилось? Странное дѣло! „Множество произведеній обыкновенныхъ ослабило вниманіе публики къ Поэту, а нѣкоторые изъ недальновидныхъ Критиковъ и недоброжелателей Пушкина уже провозгласили совершенный упадокъ его дарованія“ (*Тамъ же*). И все это говорится о первомъ Поэты между всѣми Русскими Поэтами, отъ времень Пѣсни о полку Игоревомъ до 1-го января 1833 года????!! Настоящая пѣсня, и пѣсня лебядиная въ своемъ родѣ! „Правда, что надобна была сильная вѣра въ сie дарованіе, чтобы не усомниться въ его упадкѣ послѣ такой пьесы, какова, напримѣръ: *Посланіе къ Князю Юсупову!*“ (*Тамъ же*). И мы ставимъ знакъ удивленія! и спрашиваемъ: что за роковая пьеса? А Поэтъ безъ сомнѣнія старадся блеснуть своимъ талантомъ въ *Посланіи къ Вельможъ!*.. Отъ чего же не удалось оно—первому Поэту между всѣми Русскими Поэтами отъ времень, и проч.? „Но я пребылъ вѣренъ моему мнѣнію, что дарованіе Пушкина только сбылось съ пути, начертанного ему Природою, а не по-

гибло...“ (Гамъ же). Какой Лѣшій обошелъ нашего *перваго Поэта*?... давно ли? надолго ли? а вѣдь и „чрезвычайно обрадовавшія насъ произведенія дарованія юнаго, сильнаго разумомъ и душею: *Моцартъ и Сальери*, *Эхо*, *Анчарѣ*, *Древо Яда*, есть не иное что, какъ отголоски Поэзіи современной, высокой, трогательной, томной, грустной, но крѣпительной и неувядаемой“ (*страница 325*). Но чьей же именно Поэзіи *крѣпительной* и не увядаемой? Стало *иноzemной*? потому что вѣдь, кроме Пушкина, Державина и Крылова, всѣ наши Поэты *выкладывали на рифмы* — и только. Пребудемъ же и мы вѣрны нашему (или своему) мнѣнію, что *далъновидный Авторъ Письма о характерѣ и достоинствѣ Поэзіи А. С. Пушкина сбиваются* немного *съ пути*, начертываемаго Логикою.

„И такъ, утѣшьтесь, любители Поэзіи высокой, благородной“ (?) „утѣшьтесь, истинные друзья таланта Пушкина! Сей талантъ не упалъ; онъ еще полонъ силы и жизни; но онъ, подобно соловью, теперь не въ порѣ и не на мѣстѣ пѣнія“ (*Сынъ Отечества и Старый Архивъ, № VI, страница 325*). Благодаримъ великодушнаго утѣшителя, безъ котораго мы сами конечно не сумѣли бы (модное словцо Телеграфа и Пчелы) добраться до такой высокой, или высокоблагородной *Поэзіи въ наблюденіяхъ* рецензента, хотя, признаться, никакъ не сумѣемъ угадать, что значитъ: „*теперь* не въ порѣ и не на мѣстѣ пѣнія“. Отъ чего же *теперь* не въ порѣ? Когда же будетъ въ *порѣ*, и какое же это *мѣсто пѣнія*? Развѣ есть какой-нибудь *крылосъ* для него? И о комъ же рѣчь идетъ? о *первомъ современномъ Поэты* между *Русскими Поэтами отъ временъ Пльни о полку Игоревомъ до 1-го января 1833 года*. (Признаемся также и въ преимуществѣ своемъ, что мы не можемъ довольно налюбоваться тѣмъ, что для другаго, можетъ статься, проскочило бы зайцемъ: говоримъ о героическомъ сближеніи пітическихъ эпохъ нашихъ, столь часто повторяемомъ нами съ новымъ удовольствиемъ!). Но уподобленіе соловью нимало не объясняетъ загадки, если допустить, что *камеральныя обстоятельства* писателя вовсе не подлежать суду рецензента, какъ бы они ему коротко извѣстны ни были.

Другаго ничего придумать не можемъ!—Проницательный утѣшитель истинныхъ друзей таланта Пушкина говоритъ далѣе... Но мы уже далѣе писать не можемъ: les bras me tombent... и спасаемся подъ Эгидъ.

„Остается решить вопросъ: почему характеръ Поэзіи современной выразился со болѣею силою въ мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина, нежели въ другихъ его произведеніяхъ, стоявшихъ ему, можетъ быть, болѣе труда и болѣе обдуманности? Отвѣчаю решительно: отъ того, что лучшія мелкія стихотворенія Пушкина суть не плоды чуждыхъ совѣтовъ, не слѣдствіе бесѣдъ и совѣщаній, но, такъ сказать, невольныя вспышки его природнаго гenія, молнія отъ столкновенія идей и чувствованій, самородный плодъ почвы.—И потому-то мелкія стихотворенія Пушкина — суть тѣ таинственные буквы, которыми начертанъ *характеръ его поэзіи*, суть числа на мѣрѣ, которыми опредѣляется *величие его дарованія*.—Мнѣ кажется, что я разгадалъ и буквы и числа, и потому полагаю, что характеръ Поэзіи Пушкина—есть *современность* (определенная мною выше), а мѣсто его между нашими современными Поэтами—*первое и не послѣднее въ небольшомъ кругу Пoэтовъ всемирныхъ*. Скажу болѣе: я вѣрю, что отъ его собственной воли зависить удержаться, возвыситься—или пасть. Геній его просится на просторъ... подъ небеса...

„Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсь хочу!“

Подписано: „Ф. Б.“

А намъ кажется, что мы уже въ лѣсу—и даже въ дремучемъ: ибо вовсе не надѣемся разгадать ни буквы, которыми начертанъ *характеръ Рецензента*, ни числа, которыми опредѣляется *величие его дарованія*—противурѣчить самому себѣ непрестанно! Лучшія стихотворенія *перваго современаго Поэта*, то-есть Пушкина, суть *невольныя вспышки* его природнаго генія, которому *чуждые совѣты* (?) препятствовали выразиться съ болѣею силою въ произведеніяхъ, стоявшихъ ему, можетъ быть, болѣе труда и обду-

манности, нежели въ мелкихъ стихотвореніяхъ: стало писанныхъ украдкою отъ совѣщателей, а иначе, можетъ быть, разгадали бы и буквы и числа — то-есть, что надобно страшиться молниі отъ столкновенія (?) идей и чувствованій, самородный плодъ почвы?? И что это за Омафы противъ Пушкина, который до того обмороченъ ими, что онъ никакъ не можетъ потушить губительного факела, истраляющаго характеръ *Поэзіи современной*, поставившей Пушкина на высоту, недоступную для другихъ Русскихъ Постовъ отъ временъ *Пѣсни о полку Игоревомъ до 1-го января 1833 года*, и выразившейся единственно въ невольныхъ вспышкахъ?.. Будучи способенъ къ обдуманности своихъ произведеній (хотя— увы! и бесполезной), Пушкинъ, по словамъ грознаго оракула, никакъ не можетъ обдумать чуждыихъ совѣтовъ, чтобы предостеречься отъ ужаснѣйшаго коварства ихъ противъ его *природнаго генія!*.. Этого *природнаго* (слушайте! слушайте!), не *благопріобрѣтеннаго генія*, который, не взирая на *большій трудъ* и *большую обдуманность*, прилагаемыхъ къ своимъ *крупнымъ* произведеніямъ, никакъ не можетъ выразить характера своей *современной Поэзіи* иначе, какъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ?.. Кажется, и обыкновенный человѣкъ могъ бы разгадать буквы и числа подобныхъ совѣтовъ, бесьдъ и совѣщаний?.. Но нѣтъ! — Пушкинъ не разгадаетъ, даромъ что мѣсто его между нашими современными Поэтами *первое и не послѣднее въ небольшомъ кругу (?) Поэтовъ всемирныхъ!* Вы вѣрите, м. г., что „отъ его собственной воли зависить удержаться, возвыситься—или пасть! Геній его просится на просторъ... подъ небеса?“ А вспомните сказанное вами выше, что и вспышки его природнаго генія — не вольныя; между тѣмъ по доброй волѣ конечно никто не захочетъ пасть, а особенно съ такой высоты, на какую поставленъ вами Пушкинъ: но онъ, какъ вы доказываете, подъ *роковымъ вліяніемъ*, силы котораго преодолѣть не въ состояніи ни воля, ни геній; и сколько бы сей послѣдній ни просился на просторъ: его не пустить оно; а еще менѣе подъ небеса... Такова участь *перваго современного Поэта между всеми Русскими Поэтами отъ временъ Пѣсни о полку Игоревомъ*

до 1-го января 1833 года!!! Симъ апокрифомъ, пристрастившімъ настъ къ себѣ, наконецъ выходимъ, какъ по нити Аріадниной, изъ льсу, гдѣ намъ было душно отъ многихъ испареній... Что-то окажеть 1-е января 1834 года — относительно нашихъ Баяновъ!..

Изъ „Дамскаго Журнала“ 1833 г.

* * *

*) Имя А. С. Пушкина безпрерывно встрѣчалось читателямъ въ листкахъ Телеграфа съ самаго начала его изданія. Должно ли этому удивляться? Нѣтъ! ибо, что замѣчательнѣе Пушкина представляла во все это время Русская Словесность? Посему, въ теченіе восьми лѣтъ, Телеграфъ наблюдалъ постоянно всѣ произведенія Пушкина, и представлялъ читателямъ извѣстія и сужденія о литературномъ поприщѣ сего славнаго соотечественника. Еще не рѣшено было первенство Пушкина между современными Поэтами Русскими, когда издатель Телеграфа, въ 1825 году, называлъ его *не вторымъ, а другимъ послѣ Жуковскаго*, и съ добродушнымъ восторгомъ юноши привѣтствовалъ въ томъ же году появленіе его *Онѣгина*. Дицо возопили тогда противъ похвалъ Пушкину — похвалъ *надежды будущаго*. Теперь спрашиваемъ: не оправдываются ли сіи надежды? Пушкинъ, рѣшительно, не признанъ ли *первымъ* изъ современныхъ Русскихъ Поэтовъ? Въ теченіе восьми лѣтъ много отошенній перемѣнялось, но смѣемъ надѣяться, что никто изъ читателей, ни самъ Пушкинъ, не упрекнутъ Телеграфъ въ криводушіи, низкопоклонничествѣ или за-виствливой злобѣ къ лавровому вѣнку его, какъ Поэта. Пристрастенъ могъ быть къ нему иногда Телеграфъ, или ошибаться въ направленіи его дарованія, и смѣло негодовать. Но кто же, человѣкъ съ душою; не лишенною искры неба, не увлекался иногда пристрастіемъ къ прекрасному?

*) „Московскій Телеграфъ“ 1833 г., ч. 49, №№ 1 и 2. „Борисъ Годуновъ“, сочиненіе Александра Пушкина. Спб. 1831 г. in—8, 142 стр.

Кто, дорожа рѣдкимъ явленіемъ его въ мірѣ ничтожномъ, холодномъ, безчувственномъ, не негодовалъ, если видѣлъ, что оно тускнеть въ какихъ-нибудь мелкихъ отношеніяхъ свѣта? Положимъ, что послѣднее мнѣніе было бы ошибкою; но подобная ошибка простительна, если только не злонамѣренность и не нечистая совѣсть бываетъ ея причиной. Послѣ всего этого, смѣемъ думать, что, не боясь подозрѣнія ни въ пристрастіи, ни въ непріязни, Телеграфъ можетъ сказать свое мнѣніе о послѣднемъ большомъ твореніи Пушкина, составляющемъ вѣнецъ всего, что донынѣ создано было нашимъ поэтомъ въ теченіе полуѣзни его. Да! полуѣзни человѣческой совершилось уже Пушкину (онъ родился въ 1799 году)! Уже онъ не юноша: онъ мужъ, онъ человѣкъ, достигнувшій зрѣлости лѣтъ и дарованія; время *опытовъ* для него миновалось; время *созданій совершенныхъ*, которыя могутъ показать, чѣмъ запишетъ себя Пушкинъ въ исторіи для потомства, для человѣчества — это грозное время для него настало и мчится быстро! Лови его, Поэтъ! лови: оно не ждетъ, и потому не воротится никогда. Любопытно теперь, съ послѣдней поэтической высоты, до которой достигъ Пушкинъ, разматривать его прежніе труды и опредѣлить будущій его полетъ.

Предполагая подробно разсмотрѣть *Бориса Годунова*, мы знаемъ, что подобная статья не можетъ имѣть цѣны журнальной новости нынѣ, когда послѣ появленія Бориса Годунова прошло два года; но мы и не хотѣли придавать сей цѣны нашему разбору, появленіемъ онаго рановременнѣе. Намъ хотѣлось лучше и вѣрнѣе отдать отчетъ самимъ себѣ въ твореніи Пушкина. Намъ хотѣлось также сообразить и мнѣнія публики и критиковъ Русскихъ. Кажется: наговорились, написались довольно и высказали всѣ мнѣнія. Мы переберемъ сіи мнѣнія; постараемся представить притомъ нѣсколько своихъ соображеній вообще о новѣйшей Драмѣ. Взглядъ на прежнія сочиненія Пушкина самъ по себѣ необходимъ, ибо безъ того выводъ изъ одного *Годунова* будетъ недостаточенъ для сужденія о Пушкинѣ.

Не по времени только появленія въ свѣтъ, но и по сущности, по духу, по взгляду на Поэзію, Пушкинъ есть

совершенно *современный* намъ Поэтъ, сынъ Поэзіи XIX вѣка, начавшейся въ Европѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Метрическая справка ничего не доказываетъ въ подобномъ случаѣ. Представимъ небольшой примѣръ: М. А. Дмитріевъ, не смотря на изданіе своихъ сочиненій въ 1831 году, относится къ эпохѣ новѣйшаго французскаго Классицизма, съ маленькою прибавкою Романтизма, чѣмъ отличались Мильвуа, Бауръ - Лорміаны и Делили. И теперь есть у насъ современники Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, даже Тредьяковскаго — не по лѣтамъ, но по духу, по сущности своихъ созданій, по своему образованію, направленію, даже по языку. По всѣмъ же этимъ примѣтамъ, Пушкинъ оказывается современникомъ Европы нашего, XIX вѣка.

Въ статьяхъ о Державинѣ, Жуковскомъ, мы старались изложить Исторію Русской Литературы и особенно Словесности. Выводомъ нашимъ изъ сихъ изложеній было то, что Жуковскій обозначилъ собою въ Россіи переходъ отъ новѣйшаго Классицизма къ Романтизму новѣйшему; что Жуковскій, Поэтъ очаровательно мелодическій, далъ новыя формы нашему стиху, влиль въ Поэзію Русскую одну изъ новыхъ идей Романтическихъ—безотчетную мечтательность Шиллера, и что, ухвативъ сюю одностороннюю идею, Русскіе Литераторы бросились на Романтиковъ-Нѣмцевъ, какъ прежде крѣпко держались они за Классиковъ-Французовъ. Здѣсь *кончилъ* Жуковскій, и *началъ* Пушкинъ. Обратимся къ Европѣ и постараемся кратко пояснить себѣ, что тамъ дѣжалось въ послѣдніе 20 или 30 лѣтъ.

Главнѣйшія, отличительныя черты переворотовъ въ Европейскомъ Литературномъ мірѣ во все сіе время, по нашему мнѣнію, суть слѣдующія: 1) Обобщеніе Нѣмецкой Философіи и Литературы въ Европѣ и особенно во Франціи; 2) Движеніе въ Европу новой, самобытной Англійской Словесности; 3) Уничтоженіе Классическихъ теорій, и замѣна ихъ новыми, если угодно, Романтическими идеями; 4) Мысль о созданіи самобытныхъ, народныхъ литературъ, почти повсюду, и обѣ отысканій для того націо-

нальныхъ элементовъ; 5) Общее направлениe къ Лиризму, Роману и Драмѣ во всѣхъ Европейскихъ Словесностяхъ.

Такъ сильно, такъ глубоко было объединенное отъ остальной Европы особенное стремленіе Германіи, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго мысленія и вѣдѣнія, такъ противоположно было оно всеобщему тогда Европѣ Классическому направлению и условнымъ формамъ прежняго образованія, литературнаго и ученаго, что невозможно ему было наконецъ не обратить на себя вниманія всей Европы. Невозможно было и общности новаго образованія Германіи не изумить всякаго, кто только узнавалъ его хоть немного. Невозможно было, наконецъ, сему новому стремленію не сразиться съ старымъ: эта сшибка значила побѣду Германіи, ибо юное, крѣпкое силами, всегда побѣдить дряхлое, изнуренное въ силахъ. Трудно сыскать предметъ въ области ума и вѣдѣнія, котораго не коснулась бы Германская реформа съ половины XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Въ *Философіи* Реализмъ Локка и Матеріализмъ Энциклопедистовъ замѣнили разрушающій ихъ Трансцендентализмъ Канта, не ясный, но высокій Идеализмъ Фихте и умирающій, новоплатонической Идентитетъ Шеллинга. Въ *Исторії* изслѣдованія Нибура возсоздали истинную лѣтопись Рима и показали примѣръ истинной Критики и Философіи Исторической; Гердеръ проявилъ совершенно новую идею Человѣчества, разсматривая ону какъ основаніе, какъ развитіе идеи Всеобщей Исторіи; Савинъ ниспровергъ старое начало въ Исторіи Юриспруденціи и провелъ живую идею Римскаго Права черезъ лабиринтъ вѣковъ; Крейцеръ отыскалъ основныя идеи вѣчныхъ символовъ въ Мифологіи Востока и раскрылъ элементы ихъ въ Мифологіи Европейской. *Изученіе Древнихъ* перестало ограничиваться избитымъ пересказомъ однихъ и тѣхъ же словъ, и авторитеты Схоластики уступили наконецъ мѣсто истинному изученію Классической Древности. Переставъ смотрѣть на Классическую Древность, какъ на *безусловное изящество*, переставъ видѣть въ ней неподражаемые *exemplaria Graeca*, Германцы умѣли понять и передать надлежащимъ образомъ писанія Древнихъ, и въ то же время

понять необходимость изученія всѣхъ другихъ литефатуръ и народовъ. Это пояснило имъ необходимость всеобщности для самобытности, и самобытности для всеобщности. Такимъ образомъ, когда Шлейермахеры, Фоссы, Гейне изучали и передавали въ истинномъ свѣтѣ Классическую Древность, Тикъ, Гердеръ, Шлегель, Бенда, Штрекфуссъ и другіе то же дѣлали съ Испанію, Италію, Англію; глубокія изученія были произведены надъ Сѣверомъ и Востокомъ, а самобытность необыкновенная проявлена въ созданіяхъ Германской Литературы. Здѣсь число именъ и созданій приводить въ невольное изумленіе; разнообразіе направленій духа Германскаго заставляетъ иногда даже сомнѣваться: неужели все это было испытано и перечувствовано въ столь короткое время? Не говоря уже о безсмертныхъ, вѣковыхъ именахъ Гёте, Шиллера, Жань-Поля, какое множество именъ по всѣмъ частямъ Литературы! Поэзія, Романъ, Исторія освѣщены именами Мюлльнеровъ, Вернеровъ, Кернеровъ, Бюргеровъ, Тидге, Миллеровъ, Геореновъ, Гофмановъ и проч... такъ же какъ Философія блеститъ именами Астровъ, Шубертовъ, Стеффенсовъ, Штуцмановъ, а Науки и точныя Знанія именами Вернеровъ, Гумбольдтовъ, Гуфеландовъ, Боде, Ольберсовъ, Фауенгоферовъ и проч.

Замѣтимъ здѣсь *три* слѣдующиа обстоятельства, важныя для наблюдателя:

1) Въ то время, какъ началось движеніе умственного міра Германіи, послѣдовало и совершенное отдѣленіе его отъ міра дѣйствительного, практическаго. И всегда Германія была чужда практики общественной жизни, и всегда не она обобщала въ Европѣ всѣ вѣковыя идеи. Но здѣсь, какъ будто нарочно, послѣдовало дѣленіе самое рѣзкое, самое рѣшительное. Франція совершенно вдалась въ практику общественности; Германія совершенно объединила себя отъ сей практики: она была скалою умственного бытія Европы, о которую разбивались всѣ волны неслыханныхъ, политическихъ и общественныхъ переворотовъ. Жители сей скалы какъ будто вовсе не знали, что дѣлается въ остальной Европѣ.

2) Необыкновенное умственное насилие, въ теченіе полу-
столѣтія, должно было наконецъ истощить Германію, и,
отразивши умственную дѣятельность свою на Европу, Гер-
манія должна была впасть въ усыпленіе. Если всеобщность
способствовала къ проявленію идеи о частной самобытно-
сти, въ то же время самобытность не могла явиться пре-
жде, пока всеобщность не утомитъ духа, не доведетъ его
до самаго величайшаго объема идеальности, гдѣ онъ дол-
женъ погибнуть, совершенно отторгнутый отъ земли дѣй-
ствительности.

3) Смотря съ сей точки зрѣнія, нельзя не удивляться
всеобщности, какою обладали Германцы, великолѣтіи тру-
довъ, дѣлности, многообъемлемости знанія ихъ. Все ве-
ликое сего времени есть что-то *универсальное*, всеобъемлю-
щее: возьмите *Шиллера*, пламенного, неземного Лириче-
скаго Поэта: онъ въ то же время Трагикъ, Историкъ,
Философъ, Романистъ. Разсмотрите самую Драму его: какое
разнообразіе направлений въ *Разбойникахъ*, *Коварства и*
любви, *Офлеанской дѣвѣ*, *Мессинской невѣсты*, *Валленштейнѣ*,
Вильгельмѣ Телль! И притомъ, онъ переводить *Федру и*
Макбета! Это волны необозримаго моря, рѣемыя, колеб-
лемыя всѣми возможными вѣтрами. Посмотрите на *Шле-
геля*-Историка, Поэта, Критика, переводчика Шекспира и
Кальдерона; на *Гердера*-проповѣдника, Философа, Поэта!
Наконецъ, остановитесь особенно на символѣ всего Гер-
манскаго образованія, Гёте, заключившемъ собою даже и
хронологически періодъ Германской эпохи — Гёте всего
лучше покажетъ вамъ идею Германіи: онъ *все* — Класси-
цизмъ и Востокъ, Испанія и Англія, Трагедія и Естество-
знаніе, Романъ и Журналъ, Пѣсня и Критическая статья,
Faustъ и Вильгельмъ Мейстеръ, Вертеръ и Германъ и
Доротея, переводчикъ Вольтерова Мугаммеда и стихотво-
реній Саадія—Гёте все заключилъ въ себѣ, все обнялъ и
все сказалъ.

Изъ сего міра высочайшей всеобщности, идеальности,
вселенности, Германія впала въ совершенную частность,
практику, народность. Геніи Германіи исчезли; Филосо-
фія распалась на части; Поэзія запѣла старинную легенду;

Музыка заиграла народную пѣсню; изысканія обратились на древности отчизны. Гете и Уландъ, Гоффманъ и Шоненгауэръ, Шеллингъ и Гегель, Шлегель и Берне, Шиллеръ и Грильпарцеръ, Моцартъ и Шпоръ—неужели это одинъ и тотъ-же міръ, одна и та же Германія? И это случилось въ то время, когда Европа, усмиривъ буйную жизнь горящей Франціи, отдыхала въ политической тишинѣ. Жадная до новаго, умственного бытія, Франція устремилась на наслѣдіе засыпающей дѣятельности германской, какъ самый расточительный наслѣдникъ.

Тогда, при сей великой субботѣ Германіи и при началѣ возбужденной дѣятельности Франціи — Англія, двадцать лѣтъ чуждая Европѣ, двадцать лѣтъ подверженная континентальной системѣ во всѣхъ отношеніяхъ, не въ одной торговлѣ и промышленности, явилась въ величіи поэтическаго обновленія, совершившагося уединенно, отдельно, среди всемірной войны Материка и вѣчныхъ волнъ Океана. Она явилась съ новыми созданіями Муровъ, Водсвортовъ, Сушеевъ, Краббовъ, Монгомери, Борисовъ, Колериджей, съ практическою критикою своихъ *Обозрѣній*, съ своею Политическою Экономіею. Но всего громче оказались Европѣ два поэтическія отзыва Британіи.

Одинъ—весь современность, лира и эпopeя современная, вопль безнадежности, кровавая комета новой Поэзіи, потрясающій электрическій ударъ. Читатели угадываютъ имя *Байфона*.

Другой — жилецъ Среднихъ Вѣковъ, полнота Прозы, Философія практики, обновитель жизни прошедшаго, гальваническая сила отъ соединенія предметовъ, по видимому, холодныхъ, разнородныхъ,—соединеніе Исторіи и Сказки въ Романѣ—*B. Скоттъ*. И все это поверглось въ живую жизнь, въ обобщительную душу Французовъ. Мы не будемъ здѣсь входить въ изложеніе фактовъ того, что произошло чрезъ сіе во Франціи. Отчасти старались уже мы изъяснить современную Исторію Французской Литературы въ статьѣ о Романахъ *B. Гюго*, о Французскомъ театрѣ, и вообще въ статьяхъ объ Иностранной современной Словесности, какія помѣщались въ Телеграфѣ разныхъ го-

довъ. Укажемъ еще здѣсь на статьи критическія и теоретическія, қакія были переводимы и почти безпрерывно помѣщаемы въ Телеграфѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Читатели видѣли даже мнѣнія самыхъ реформаторовъ Французскихъ—Гюго, Де-Виньи, Издателей *Глобуса Французского Обозрѣнія* и проч...

Мы обращаемся къ тремъ послѣднимъ выводамъ, выше сего нами означеннымъ, которые полагаемъ мы въ числѣ главнѣйшихъ отличительныхъ чертъ переворота въ мірѣ современной намъ Европейской Литтературы.

Первое, что представляется здѣсь, есть — *уничтоженіе классическихъ теорій и замѣнъ ихъ новыми идеями*. Въ этомъ согласятся самые упорные, даже *Русскіе Классики*. Читайте хоть Русскіе учебные курсы, хоть Русскія теоретическія сочиненія. Сочинители ихъ, сами того не замѣчая, подчиняются уже совершенно новому порядку идей. Сквозь Классицизмъ, сквозь ветхую кучу дряхлыхъ имёнъ, которыми загораживаются они входъ Романтизму, видимъ этотъ Романтизмъ самовластнымъ хозяиномъ въ классическомъ домѣ. Ему еще неловко, неудобно, онъ еще не привыкъ къ новому своему жилью; но, погодите: есть старикъ, который все это уладить, и о которомъ Карль V-й говоривалъ: „Насъ двое—я и время“.

Второе, что слѣдуетъ изъ первого: стремленіе осуществить *теорію* въ сообразной съ нею *практикѣ*. Практика сія требуетъ всеобщности познанія, не одного Классицизма, и потому возсозданія *національной народной літературы*, какъ единственного средства сдѣлаться самобытными. Не говоримъ о Германіи, гдѣ этимъ кончилось; обѣ Англіи, гдѣ этимъ началось; о Франціи, гдѣ это является въ неимовѣрной степени—посмотримъ на двѣ крайнія стороны Европы: *Швейцарию и Италию*. Тамъ и здѣсь—Романъ и Романтизмъ; школа Классиковъ падаетъ, новыя идеи народности проявляются Тегнерами, Манzonи и многочисленными ихъ спутниками.

Но отчего *третье* отличіе современности: явное стремление повсюду къ *Лиризму, Роману и Драмѣ?*

Не принимаемъ положенія В. Гюго, будто нашъ вѣкъ есть вѣкъ *Драматической*, и поелику вѣкъ старости походитъ на младенчество, потому Лиризмъ, отличие вѣка младенчества человѣческаго, долженъ отражаться на нашемъ вѣкѣ, старости Человѣчества: не соглашаемся и съ тѣми, кто думаетъ, будто Романъ есть *современная Эпопея*, и поелику Эпопея и Драма всегда преимуществовали и должны преимуществовать, ибо онѣ суть два высшіе отдѣла творчества человѣческаго, то посему самому преимуществуетъ въ нашемъ вѣкѣ (лишенномъ Эпопеи), подлѣ Драмы, Романъ. Все это кажется намъ односторонно и невѣрно. Мы думаемъ, что всѣ вѣка и всегда, всѣ части Поэзіи были равносильны, равно существовали и должны равно существовать въ душѣ человѣка. Преимущественность того или другаго, въ то или другое время, суть частности, которыя мы принимаемъ за общность. Нашъ вѣкъ столько же *Драматической*, сколько *Эпической* и *Лирической*. Лиризмъ потому столь силенъ въ наше время, что мы начинаемъ новый періодъ, а въ началѣ новой жизни всегда духъ человѣка изливается въ лирическомъ пѣніи. „У насъ нѣтъ Эпопеи“, говорять намъ. Нѣтъ Эпопеи *Классической* — согласны; но есть Эпопея *своя*. Явясь только теперь эпической геній, и онъ проявить ее въ великомъ созданіи. И чѣмъ же вы почитаете *Фауста* — неужели *Драмою*? А созданія Байрона: его *Гляуръ*, *Осада Коринфа*, *Манфредъ*, *Корсафъ*, *Лара* (если и назовемъ *Чайльдъ-Гарольда* элегіею, а *Донъ-Жуана* Сатирою? Возьмемъ менѣшіе примѣры — *Валленрода* Мицкевича, *Фритгюфъ-Сагу* Тегнерову: или они Эпопея, или вовсе никогда не было Эпопеи. И что же? Омирова *Иліада* была рапсодіями, отдѣльными балладами, какъ *Оссіанъ* есть сборъ балладъ Шотландскихъ, и, какъ въ Испанскихъ Романсахъ, является намъ Эпопея высокая. Мы согласны назвать Романъ Эпопею *изящной прозы*, ибо въ *Прозѣ изящной* есть такія же отдѣленія, какъ и въ *Поэзіи собственно*: Лирика—*Ораторство*, Драма—*Исторія*, Эпопею будетъ Романъ. Если наша поэтическая Эпопея является въ смѣшениіи съ Драмою (какъ объяснилъ это весьма хо-

роша В. Гюго, указывая на Мильтона и Данте), естественно, что Эпопея прозы, Романъ, переходитъ въ прозаическую Драму, Исторію: вотъ источникъ повсюднаго *Исторического Романа*. Объясненіе сихъ смѣшній не заключается ли въ томъ, что мы, утомленные раздѣльностью родовъ, отвлеченностю Эпопеи и Романа отъ Драмы и Исторіи, слишкомъ дѣйствительныхъ и положительныхъ, стремимся соединить ихъ, тѣмъ болѣе, что раздѣльность сїя ставила Эпопею и Романъ — одну на ходули Классицизма, другой на ходули аханья и пошлой любви, а Драму дѣлала или ничтожною Мелодрамою, или надутою Трагедію, оставляя Исторіи только сухой разсказъ и риторическая фразы.

Надобно впрочемъ согласиться, что современная намъ литература, столь быстрое развитіе духа человѣческаго въ новыхъ формахъ, должна быть еще весьма неопределенною для насть, теоретически и практически. Краткое изложеніе наше показываетъ, сколь сильный, неслыханный переворотъ произошелъ въ полвѣка, сколь разнобразенъ, разнороденъ былъ сей переворотъ, сколь многихъ вопросовъ рѣшеніе задалъ онъ грядущему Человѣчеству. Но главныя основанія уже и для насть обозначены ясно.

Сей-то бурный, многообразный періодъ хлынулъ на нашу Русскую Литтературу, послѣ Классицизма Французскаго; его-то начало представилъ собою въ Поэзіи нашей Жуковскій, его-то настоящимъ представителемъ въ *Русской Поэзіи* явился Пушкинъ.

Въ *Поэзіи Русской*, именно, и не болѣе. Пушкинъ поэтъ, не менѣе того онъ поэтъ въ полномъ значеніи сего слова, поэтъ, обладающій дарованіемъ обширнымъ, душою глубоко раздражительною, восторженною, даромъ слова удивительнымъ. Говоря о Державинѣ, мы указали на характеръ Пушкина. Осмѣлимся сказать здѣсь, что самая жизнь Пушкина можетъ подтвердить это, если обозрѣть ее философически. Но что могли мы говорить о Поэту, уже почиющемъ сномъ вѣчности, того не можемъ говорить о Поэту живущемъ, и, слѣдственно, должны ограничиться разсмотрѣніемъ только его *Литтературной жизни*.

Мы находили въ Державинѣ совершенную противоположность Жуковскому: то же найдемъ, соображая съ Жуковскимъ Пушкина — это двѣ совершенно параллельныя линіи. Напротивъ, сколько найдемъ точекъ, на коихъ Державинъ и Пушкинъ сходятся совершенно!

Вспомните общія различія: одинъ родился въ 1743-мъ, другой въ 1799-мъ году; одинъ былъ въ вѣкѣ Екатерины, въ послѣднюю треть XVIII-го столѣтія; другой въ вѣкѣ Александра и Николая, въ первую треть XIX-го столѣтія, а между этими двумя третями Исторія положила бездну, величиною въ тысячу лѣтъ. Державинъ увлекся порывами честолюбія; обстоятельства дали совсѣмъ другое направленіе жизни Пушкина; не забудьте, что о Державинѣ вы говорите, какъ о поэтѣ, кончившемъ совершенно свое поприще; о Пушкинѣ, какъ о поэтѣ, едва достигшемъ зреѣлыхъ часовъ генія своего, тѣхъ лѣтъ однакожъ, когда Державинъ едва только начиналъ. Державинъ вошелъ на поприще Поэзіи малограмотный, съ Одами Ломоносова, теоріею Тредьяковскаго, Трагедіями Сумарокова, романами Прево, и черезъ казармы вступилъ въ свѣтъ, и службу; Пушкинъ пришелъ ко времени самаго стремительнаго порыва въ Россію новыхъ идей литературныхъ, когда голосъ Жуковскаго раздавался уже среди холоднаго міра Классицизма и Карамзинизма, когда толпа молодыхъ дарованій была подвигнута симъ голосомъ къ новой дѣятельности души. Пушкинъ вступилъ въ свѣтъ, получивъ съ малолѣтства отличное, однакожъ свѣтское образованіе, быть отвергнутъ свѣтомъ, и почти до тридцати лѣтъ странствовалъ вдали отъ него, вдохновляемый своимъ геніемъ, порѣваемый, колеблемый всѣми бурями измѣненій міра виѣшняго, и страстей міра внутренняго. Но тотъ и другой, Державинъ и Пушкинъ, поэты вполнѣ, съ одинаково-смѣлою, благородною, возвышенною душою, съ одинаково-пламеннымъ сердцемъ, одинаково превышающіе другихъ современниковъ своимъ геніемъ; у обоихъ Поэзія кажется врожденнымъ вдохновеніемъ: у Державина не убили ея ни нужды, ни казармы; у Пушкина (что хуже казармъ и нуждъ) ни свѣтское обра-

зование, ни большой свѣтъ. Если Державинъ былъ полный представитель Русскаго духа своего времени, Пушкинъ донынѣ былъ полнымъ представителемъ Русскаго духа нашего времени. Успѣетъ ли Пушкинъ явиться въ столь же самобытномъ развитіи созданій, какъ явился Державинъ? Узнаетъ ли онъ лучше Державина свое высокое назначеніе? Пойдетъ ли онъ далѣе того, на чёмъ Державинъ остановился? Далеко ли онъ означить своею самобытностью развитие самобытной Русской Поэзіи? Вотъ вопросы, для насъ нерѣшиимые. Еще двадцать лѣтъ полного бытія, періодъ самой зрѣлой силы можетъ имѣть Пушкинъ въ виду передъ собой. Чего не сдѣлаетъ онъ, и чего нельзя ожидать намъ отъ Пушкина, если только сила его поэтической воли будетъ умѣть отдать себѣ отчетъ... Все, что донынѣ дѣлалъ Пушкинъ, оправдывается, какъ намъ кажется, наши блестящія на него надежды, и ту увѣренность, съ какою смотримъ мы на Пушкина, какъ на залогъ великаго въ будущемъ.

Только новая, односторонняя идея Поэзіи Жуковскаго, подкрѣпленная его подражателями и послѣдователями, пѣвунами съ его голоса, и нѣсколько дарованій отдѣльныхъ, замѣчательныхъ, были отличиемъ на поприщѣ Литтературы, холодной и безцвѣтной, когда явился Пушкинъ. Оцѣните же дарованіе этого поэта, читая *Руслана и Людмилу*. Мысль обѣ Ариостовой Эпопеѣ въ Русскомъ духѣ, мысль создать Поэму изъ Русскихъ преданій, самое исполненіе сей мысли стихами плѣнительными, когда Поэту не было еще и двадцати лѣтъ—какое начало блестящее, прекрасное, исполненное упованій! Безспорно: *въ Русланѣ и Людмилѣ* нѣть и тѣни народности, и когда потомъ Пушкинъ издалъ сю Поэму съ новымъ введеніемъ *), то введеніе это рѣши-

*.) Въ Лукоморы дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И днемъ, и ночью котъ ученый
Тамъ ходить по цѣпи кругомъ.
Идеть на право—пѣснь заводить;
На лѣво—сказку говорить, и т. д.

тельно убило все, что находили Русскаго въ самой поэмѣ. Руссизмъ Поэмы Пушкина была та несчастная, щеголеватая народность, Флоріановскій манеръ, по которому Карамзинъ написалъ *Илью Муромца, Наталью Боярскую дочь и Марфу Посадницу, Нарѣжный Славянскіе вечера*, а Жуковскій обрусила *Ленору, Двенадцать спящихъ Дѣвъ*, и сочинилъ свою *Марьину рощу*. Не хотите ли понять пре-восходство прелестной Поэмы Пушкина? забудьте, что она изображаетъ *Русь*; прочитайте, что тогда писали другіе, и что писали критики тогдашніе именно о *Русланѣ и Людмилѣ*. Мы такъ уже удалились отъ 1820 года, когда вышла въ свѣтъ первая Поэма Пушкина, такъ разрознились духомъ, направленіемъ, сущностью съ Поэзіею, Эстетикою и Критикою тогдашними, что намъ даже трудно теперь стать на тогдашнюю точку зреінія, которая можетъ показать весь блескъ дарованій Пушкина, относительно ко времени изданія *Руслана и Людмилы*.

Какъ много надо было силы душевной, и самобытности дарованія, чтобы не увлечься тогдашнимъ Классическимъ громкословіемъ, и не замечтаться въ блѣдныхъ подражаніяхъ Жуковскому! Пушкинъ едва носитъ слѣды того и другаго, въ самыхъ первоначальныхъ своихъ со-зданіяхъ. Но тѣмъ сильнѣе уступилъ онъ потомъ вліянію болѣе могущаго, современного ему Европейскаго генія, Байрона.

Байронъ возобладалъ совершенно поэтическою душою Пушкина, и это владычество на много времени лишило нашего поэта собственныхъ его вдохновеній. Какъ бы кто ни былъ великъ, но всякий долженъ платить дань своему вѣку. Свѣтское, и съ тѣмъ вмѣстѣ Карамзинское образованіе въ дѣтствѣ, а потомъ подчиненіе Байрону въ юности — вотъ два ига, которые отразились на всей Поэзіи Пушкина, на всѣхъ почти его созданіяхъ до нынѣ, а Карамзинизмъ повредилъ даже совершеннѣйшему изъ его со-зданій — *Борису Годунову*. Особливо прежде не дерзаль Пушкинъ выходить изъ волшебного круга, очерченного современнымъ образованіемъ Россіи окрестъ его дарованія, и только въ послѣднее время успѣваетъ онъ выры-

ваться изъ него, и осмѣливается расправлять самобытно свои орлиныя крылья, осмѣливается обнимать духомъ свое имъ весь обширный переворотъ современной Европейской Литтературы — не въ одномъ Байроновскомъ направлениі сего переворота, какъ прежде односторонно обнималъ его Жуковскій въ идеѣ Шиллера, и подражаніи Нѣмецкой и Англійской балладѣ.

Кавказский Плынникъ былъ рѣшительнымъ сколкомъ съ того лица, которое въ исполнскихъ чертахъ, грознымъ привидѣніемъ пролетѣло въ Поэзіи Байрона. Разница та, что Байронова Поэзія была самобытна, и хотя односторонно, но обняла весь міръ современнымъ идеї, изобразилась въ огромныхъ очеркахъ. Байронъ, создатель *Гляура и Абидосской невѣсты*, *Донъ - Жуана и Чайльдъ - Гарольда*, *Манфреда* и *Бенго*, *Христіана* и *Шильонского узника*, *Парги* и *Осады Кориноа*, былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, то же для начала XIX вѣка, что Омиръ для Греціи, Оссіанъ для Шотландіи, Гёте для Германіи, Данте для Италіи XIII столѣтія, Шекспиръ для Среднихъ вѣковъ. Пушкинъ явился, напротивъ, какъ подражатель пѣвца Британскаго, былъ юнъ, ограниченъ во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно по образованію своему и по общественному своему мѣсту.

Отъ того блѣденъ и ничтоженъ его *Кавказский Плынникъ*, нерѣшительны его *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Цыганы* и легокъ *Евгений Онѣгинъ*, Русскій снимокъ съ лица Донъ-Жуанова, такъ же, какъ Кавказскій Плынникъ и Алеко были снимками съ Чайльдъ - Гарольдова лица. Все это было вдохновлено Пушкину Байрономъ, и пересказано сть Французскаго перевода прозою — литографическіе эстампы съ прекраснѣйшихъ произведеній живописи.

Гдѣ же заслуги Пушкина? Гдѣ признаки сильныхъ его дарованій? Гдѣ слѣды его самобытности и залоговъ будущаго?

Прежде всего, въ той превышающей всѣхъ другихъ современныхъ поэтовъ Русскихъ степени, на которую сталъ Пушкинъ съ самого появленія *Руслана* и *Людмилы*. Несправедливо было бы мѣрять Пушкина мѣрою Гёте и Байрона. Мы старались показать ложность подобной мѣры

въ отношеніи Державина. Сравните различіе образованій Германіи, Британіи и Россіи. Посмотрите: где живеть Пушкинъ, и съ кѣмъ живетъ онъ? Такъ же, какъ Жуковскаго, окружаетъ его толпа современниковъ, но — это дѣти передъ нимъ! Сличите съ нимъ Г-дь Языкова, Баратынскаго, Хомякова, Князя Вяземскаго, Козлова, Подолинскаго, Ф. Н. Глинку (какъ поэта), Веневитинова, Муравьевъ, Дельвига: хотя дарованіемъ всѣхъ ихъ отдаляемъ мы полное сознаніе, но никто изъ нихъ, безъ всякоаго сравненія, не станетъ даже и близко Пушкина, ни идеями, ни полнотою выраженія ихъ, ни прелестью стиха, и — рѣшительно ничѣмъ. Далѣе, введеніе нового элемента Байронизма въ Русскую Поэзію, послѣ мечтательности Жуковскаго, должноствовало быть необходимо для души пылкой, свѣжей, и оно сильно споспѣществовало конечному паденію Французскаго Классицизма въ Россіи: этимъ мы обязаны Пушкину. Для него это былъ отрицательный шагъ, назадъ; для Русской Поэзіи — шагъ положительный, впередъ.

Сообразите послѣ сего, какую заслугу оказалъ Пушкинъ выраженію нашей Поэзіи, нашему стиху. Стихъ Русскій гнулся въ рукахъ его, какъ мягкой воскъ въ рукахъ искуснаго ваятеля; онъ пѣль у него на всѣ лады, какъ струна на скрыпкѣ Паганини. Нигдѣ не является стихъ Пушкина такимъ мелодическимъ, какъ стихъ Жуковскаго, нигдѣ не достигаетъ онъ высокости стиховъ Державина; но за то въ немъ слышна гармонія, составленная изъ силы Державина, нѣжности Озерова, простоты Крылова и музыкальности Жуковскаго. Вся классическая чопорность съ него сбита совершенно. Если Пушкину не суждено влить въ него новой самобытной души, то, по крайней мѣрѣ, вся внѣшность его пересоздана уже вполнѣ и совершенно.

На конецъ, не смотря на Байронизмъ, и чуждую идею, какими своими богатыми подробностями блестятъ и красуются творенія Пушкина! Разсмотрите ряды картинъ, описаній, переходовъ изъ чувства въ чувство, въ Кавказскомъ пльнникѣ, Бахчисарайскомъ фонтанѣ, Цыганахъ и

Онъгинъ. Замѣтьте и то, что съ каждымъ шагомъ Пушкинъ становился выше, самобытнѣе, разнообразнѣе, и что единство его генія постепенно прояснялось болѣе и болѣе. Въ *Кавказскомъ пльннике* онъ еще простая элегія; въ *Бахчисарайскомъ фонтанѣ* онъ становился уже поэтическою картиною; въ *Цыганахъ* видна уже мысль. Всего лучше замѣтите вы все это въ *Онъгинѣ*, прочитавъ одну за другою, сряду, всѣ восемь главъ его. Поэтъ начинаетъ Онъгина чудною исповѣдью души, какъ будто артистъ звучнымъ, сильнымъ аккордомъ. Но *первая глава* самой Поэмы пестра, безъ тѣней, насмѣшлива, почти лишена Поэзіи; *вторая* впадаетъ въ мелкую сатиру; но въ *третьей* — Татьяна есть уже идея поэтическая; *четвертая* облекаетъ ее еще болѣе увлекательными чертами; *пятая* — сонъ Татьяны довершаетъ поэтическое очарованіе; въ *шестой* поэтъ снова впадаетъ въ прежній тонъ насмѣшки, эпиграммы, и то же слѣдуетъ въ *седьмой*, но поединокъ Ленскаго съ Онъгинымъ выкупаетъ все, и—наблюдите разницу насмѣшливаго взгляда *первой* и *седьмой* главы: тамъ острякъ — здѣсь поэтъ; тамъ холодная эпиграмма — здѣсь уже голосъ обманутой души, оскорблennаго сердца, выражаемый поэтически. Это еще болѣе отличаетъ *восьмую* главу, и послѣднее изображеніе Татьяны показываетъ вамъ, какъ измѣнился, какъ возмужалъ поэтъ семью годами, протекшими отъ изданія первой главы Онъгина!

Идея народности проявляется наконецъ Пушкинъмъ въ *Полтавѣ*. Его *Русланъ*, *Кавказскій пльнникъ*, *Алеко*, *Онъгинъ* были тѣни, которыхъ можете переносить куда угодно. *Мазепа*, *Кочубей*, *Марія*, *Петръ* — созданія Русскія, мѣстныя; еще не вездѣ видѣнъ вѣрный очеркъ, еще прежняя тѣнь Поэзіи Пушкина ложится и на сіи лица; еще не вѣренъ и отчетъ въ главной идеѣ Поэмы; но вы видите уже какъ самобытность поэта, такъ и національность его созданій, и можете предугадывать, что изъ него можетъ быть при дальнѣйшемъ порывѣ впередь.

Не полонъ былъ бы объемъ сочиненій Пушкина, и потерялись бы для насть примѣты его постепенно болѣшей самобытности и безпрерывно возраставшей мѣстности и

національности его Поэзіи, если бы мы, кромѣ поэмъ, не пересмотрѣли его мелкихъ стихотвореній. Не говоримъ о *Нулинъ* — забавной шуткѣ, *Братъяхъ разбойникахъ*, гдѣ отзывается Русь сквозь Байроновскую оболочку; но припомните себѣ три части *Стихотвореній Пушкина*. Здѣсь болѣе 200 пьесъ характеризуютъ поэтическое поприще его съ 1815-го по 1832-й годъ; здѣсь лѣтопись его поэтической жизни и впечатлѣній, отовсюду втѣснявшихся въ его душу, отъ мирной юности Царскосельского Лицея до новой Петербургской жизни, во все время странничества его на Кавказѣ, по степямъ Новороссійскимъ, въ долинахъ Арзерума, среди суеты столичной и въ глухи деревни. Не будемъ говорить о пьесахъ ничтожныхъ, или подсказанныхъ разными случаями, ни о мелочахъ, недостойныхъ Пушкина, какъ-то эпиграммахъ на людей, не стоявшихъ даже и щелчка, альбомномъ сорѣ, странныхъ дистихахъ въ *мнимо-древнемъ* родѣ, переводахъ, которые могъ бы Пушкинъ отдать на драку другимъ, жаждущимъ движенія поэтической воды восторга, хоть бы чужаго (впрочемъ изъ *переводовъ* его нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ, какъ-то: подражаній Библіи, и особливо *Отрывка изъ Вильсоновой Трагедіи*: они прекрасны). Мы увѣрены, что со временемъ самъ Пушкинъ выброситъ изъ собранія своихъ сочиненій многое, какъ-то: *Загадку*, *Собраніе настѣкомыхъ*, *Дорожная жалоба*, *Посланіе къ Вельможѣ* — все это не достойно его! Обратите вниманіе на другое, на красоту пьесъ: Гробъ Анакреона, Амуръ и Гименей, Торжество Вакха, Мечта телю, Русалка, Домовому, Уединеніе, Прозерпина, Возрожденіе, Черная шаль, Нереида, Дочери Кара - Георгія, Война, Гробъ юноши, Къ Овидію, Ч—ву, Муз, Друзьямъ Гречанкѣ, Подражанія Корану, Вакхическая пѣсня, 19-го Октября, Воспоминаніе, Предчувствіе, Кавказъ, Делибашъ, Отвѣтъ анониму, Бѣсы, Трудъ, Узникъ, Анчаръ — пьесъ, писанныхъ въ разное время и столь разнообразныхъ. Но здѣсь еще не вполнѣ узнаете вы поэта; здѣсь онъ еще не выше Баратынскаго, Языкова, Хомякова. Взгляните на *отличительные* созданія Пушкина. Такими почитаемъ мы пьесы: *Наполеонъ* (пис. 1821 г.), *Демонъ* (1823 г.), *Кѣ морю*

(1824 г.), *Андрей Шенье, Отрывокъ изъ Фауста* (обѣ 1825 г.), *Ангелъ, Поэтъ* (обѣ 1827 г.), *Чернь* (1828 г.), *Моцартъ и Сальери* (1830 г.). Посмотрите, какъ благородно, величественно преклоняется поэтъ предъ тѣнями двухъ великановъ современныхъ—*Наполеона* и *Байрона*, какъ съ негодованіемъ смотрить онъ на бездушную *чертн*, не понимающую высокаго изящества поэтическихъ думъ, какъ оправдываетъ онъ забвеніе *поэта*, въ чаду мірской суеты; какъ изображаетъ участъ незабвенної жертвы Робеспьера! Въ *Демонъ*—полная картина безумнаго ожесточенія души человѣческой, противъ всего возвѣщающаго ей высокое и прекрасное; въ *Ангель* — глубоко запавшее въ душу самаго отверженаго духа зерно неба, и полное презрѣніе ко всему не небесному; наконецъ, въ *Отрывокъ изъ Фауста* раскрыта темная сторона, тайна, которую съ ужасомъ прочитаетъ въ сердцѣ своемъ каждый человѣкъ; въ *Моцартъ и Сальери* ярко схвачена таинственность созданія генія, приводящая въ отчаяніе обыкновенный умъ, простое дарованіе, всякое человѣческое искусство. Вотъ гдѣ обозначилъ себя Пушкинъ, вотъ гдѣ онъ становится выше современниковъ, вотъ наши залоги того, что можетъ онъ создать, если,бросивъ оковы условій, приличій пошлыхъ и суеты, скрытый въ самого себя, захочетъ онъ дать полную свободу своему сильному генію! Почти всѣ приведенные нами пьесы такъ извѣстны Русскимъ читателямъ, что нѣтъ надобности выписывать ихъ; кто ихъ не читалъ, и даже не знаетъ наизусть? Но, можетъ быть, не всякий обращалъ на нихъ полное свое наблюденіе, не всякий понялъ, напримѣръ, то высокое благородство, съ какимъ Пушкинъ привѣтствовалъ тѣнь Наполеона. Еще до сихъ поръ на могилѣ великаго человѣка раздаются вопли близорукаго мщенія; мнимое усердіе къ Отечеству до сихъ поръ бросаетъ еще грязью въ незыблемый истуканъ безсмертнаго; до сихъ поръ, и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ Исторіи, и въ мнимо-патріотическихъ Романахъ, Наполеона представляютъ намъ какимъ-то Пугачевымъ, или много многого, если Тамерланомъ и Аттилою. А Пушкинъ, въ са-

мая минуты Наполеоновой кончины, смѣло говорилъ ему, угадывая голосъ потомства и бессмертіе Наполеона:

Пріосѣнень твою славой,
 Почай среди пустынныхъ волнъ!
 Великолѣпная могила...
 Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежить,
 Народовъ ненависть почила,
 И лучъ бессмертія горитъ...
 Да будетъ омраченъ позоромъ
 Тотъ малодушный, кто въ сей день
 Безумнымъ возмутить укоромъ
 Его развѣнчанную тѣны!
 Хвала! Онъ Русскому народу
 Высокій жребій указалъ,
 И міру вѣчную свободу
 Изъ мрака ссылки завѣщалъ!

Менѣе ли прекрасенъ гений поэта нашего, когда онъ провожаетъ прощаніемъ могучій духъ, Байрона, стоять въ думѣ на берегу моря, именуетъ Байрона пѣвцомъ морскихъ волнъ, вызываетъ море, символъ Байрона, взволноваться непогодою, и говорить ему—

Онъ быль, о море! твой пѣвецъ,
 Твой образъ быль на немъ означенъ,
 Онъ духомъ созданъ быль твоимъ:
 Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ!

Поэтъ задумчиво сливаєтъ потомъ съ памятью Байрона память Наполеона, летитъ мыслю на дикую скалу среди пустынь моря, къ одному предмету, могущему поразить душу, гробницѣ славы, гдѣ въ мрачный сонъ погрузились величавыя воспоминанія, гдѣ угасалъ, и почилъ среди мученій Наполеонъ... И міръ опустѣлъ въ глазахъ поэта, когда вслѣдъ затѣмъ исчезаетъ другой властитель нашихъ думъ...

...Куда бы нынѣ
 Я путь беспечный стремилъ?
 Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ

Мою бы душу поразиль,
 Одна сказала, гробница славы:
 Тамъ погружались въ хладный сонъ
 Воспоминанья величавы —
 Тамъ угасалъ Наполеонъ!
 Тамъ онъ почилъ среди мученій...
 И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другой отъ насъ умчался геній,
 Другой властитель нашихъ думъ—
 Исchezъ, оплацанный свободой,
 Оставилъ міру свой вѣнецъ...
 Міръ опустѣлъ...

Не будемъ разбирать *Андрея Шенье*, полной поэмы, гдѣ блескъ стиховъ, и живопись картинъ равны грозному негодованію, потрясающему душу поэта. Но разберите *Демона*. Вотъ пьеса, гдѣ нѣсколькими стихами выражено все, могущее увлечь юную душу — новость впечатлѣній бытія, взоръ дѣвъ, ночное пѣніе соловья и шумъ мрачной дубравы, чувство свободы, славы, любви, и волненіе вдохновенныхъ искусствъ, осеняющее внезапною тоскою часы надеждъ и наслажденій. Какое искусство: противопоставить всему этому тайныя посѣщенія злобнаго генія, печаль встрѣчи съ нимъ, его чудный взглядъ, улыбку, язвительную рѣчь, вливающую хладный ядъ въ душу, его *неистощимую* клевету, которою *искушаетъ* онъ Провидѣніе, его презрѣніе вдохновенія, его название прекрасною мечтою, его *невѣріе* въ любовь и свободу! Вспомните наоконецъ заключительные стихи этой глубокой философіи поэтической:

...Ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ!

Не хотите ли разгадать тайну этого генія злобы? Мицель-Анжеловская картина передъ вами: *ненависть* ко всему небесному, *презрѣніе* ко всему земному — и какъ очаровательно выражена эта тайна различія неба и земли! Если вы не поняли ея — истолкованія не пояснятъ ея для васъ.

Отрывокъ изъ Фауста — Гёте могъ бы вмѣстить въ свое

бесмертное созданіе, и его не отличили бы въ ряду картинъ, составляющихъ эту чудную эпопею пѣвица Германскаго. Въ *Моцартъ и Сальери* такая же ужасающая истина, какъ и въ отрывкѣ изъ Faуста. Вспомните только сіи слова Сальери:

Гдѣ-жъ правота, когда священный даръ,
Когда бесмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ—
И озаряетъ голову фезумца,
Гуляки празднаго? О Моцартъ, Моцартъ!

И это отчаяніе, эту логику бѣшенства страсти, это ограниченное негодованіе дарованія, безсильнаго передъ гениемъ:

Что пользы, если Моцартъ будеть живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣть!
Оно падеть опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставить онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій Херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же—чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Подробный разборъ красотъ и самыхъ выраженій должно предоставить эстетическому чувству—довольно упомянуть о великомъ и прекрасномъ; не будемъ уподобляться старымъ Лагарпамъ, доказывать правилами Риторики изящество, прелесть стихотвореній, о которыхъ мы здѣсь говорили, не станемъ доказывать читателямъ каждого слова и подсказывать имъ: здѣсь восхищайтесь, здѣсь плачьтѣ, здѣсь радуйтесь, здѣсь печальтесь — тѣмъ болѣе, если угодно вѣрное логическое доказательство—что это увлекло бы насъ далеко за предѣлы нашей статьи.

Скажемъ о пьесахъ совершенно другаго рода, другаго направлениія. *Вступленіе къ Руслану и Людмилѣ* и двѣ

пьесы: *Женихъ* и *Утопленникъ*—дополняютъ то, что мы сказали выше сего о проявлѣніи въ *Полтавѣ* Пушкина самобытной народности. Наташа, съ ея добродушными словами:

Злодѣй дѣвицу губить:
Ей праву руку рубить...
Она глядѣть ему въ лицо--
„А это съ чьей руки кольцо?“

И этотъ бѣдный мужикъ, который боится земскаго суда болѣе совѣсти—эта живая картина съ природы: *Мертвѣцъ*, снова плывущій внизъ, за могилой и крестомъ, плывущій долго и, какъ живой, качающійся между волнами рѣки, ночная буря, явленіе утопленника — все это также наше Русское, чисто народное, какъ народны картины народныхъ сказокъ, изображенныя во Вступлѣніи къ *Руслану и Людмилѣ*.

Читатели можетъ быть удивятся, что мы ничего не скажемъ здѣсь объ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій Пушкина: *Сказка о Царѣ Салтанѣ*. Имѣя на то свои причины, мы упомянемъ объ ономъ впослѣдствіи. По всему, по времени изданія, и по сущности, *Бориса Годунова* должно почесть окончательнымъ твореніемъ Пушкина: въ немъ соединены всѣ его достоинства, всѣ недостатки — весь Пушкинъ и вся его Поэзія, каковы онъ и она были донынѣ, и являются въ нынѣшнемъ своемъ состояніи. Сообразимъ же, приступая къ *Борису Годунову*, предварительно все, что мы говорили здѣсь о Пушкинѣ и его Поэзіи.

Безъ опредѣленія предмета ничто не будетъ опредѣленно. Что дѣлать съ бѣднымъ умомъ человѣческимъ, если онъ безъ отчета Логикѣ шагу порядочно сдѣлать не можетъ, даже разсматривая произведенія поэтическаго восторга! Постараемся, по крайней мѣрѣ, хотя о томъ, чтобы опредѣленія наши не походили на опредѣленія одного извѣстнаго Словаря, гдѣ находите иногда дефиниціи Поэзіи и Любви, почти такого содержанія: Поэзія — способность выражаться мѣрною рѣчью, или стихами и созвучіями, или

рифмами, въ украшенныхъ картинаами, описаніями, а также и другими вставочными мистами, сочиненіяхъ, коихъ обыкновенная рѣчь не допускаеть; Любовь, стремление душевное, соединенное съ тѣлеснымъ вождельниемъ, заставляюще находить въ одной женщинѣ всѣ совершенства Природы и Человѣка, желать соединиться съ нею законнымъ бракомъ и производить послѣ себя потомство, или воспроизводить себя въ дѣтяхъ. Боясь, что слова наши почтутъ несправедливою шуткою, скажемъ, что немнога лучше были многія Русскія критическія статьи о Пушкинѣ; доказательства сего, отчасти, представимъ мы далѣе.

Спрашиваемъ: какой поэтъ Пушкинъ *преимущественно?* Точно ли онъ выражаетъ собою Европейскую литературную *современность*, главныя черты коей означили мы въ началѣ нашей статьи? Наконецъ, какъ понимаетъ онъ приложеніе новыхъ идей къ *самобытной Русской Поэзии*?

Главное сходство Пушкина съ Державинымъ: онъ поэтъ *лирический*. Въ наше время не должно ждать отъ него Одъ торжественныхъ; и самую Оду иначе теперь понимаютъ. Державинъ писалъ уже *не Оды* — собственно; но лиризмъ Пушкина видѣнъ во всѣхъ его поэмахъ, и въ самомъ размѣрѣ, какой онъ всего чаще выбиралъ для своихъ созданій. Если Лиризмъ сливаются въ нашъ вѣкъ съ Эпопею и съ Драмою, этотъ современный намъ характеръ Поэзіи есть характеръ Поэзіи Пушкина. Но Лирическая Поэзія — мгновенный пыль, огонь, вихрь, низшая степень поэтическихъ твореній, ибо она не столь всеобъемлюща, не столь продолжительна, не столь глубока, какъ чистая Эпопея и полная Драма, Байронъ, безспорно, ниже Данте и Шекспира. Чѣмъ? Онъ собственно лирикъ, а Данте эпикъ, Шекспиръ драматикъ. Байронъ молнія — Шекспиръ солнце.

Смѣшаннымъ направленіемъ Лиризма Пушкинъ носить уже на себѣ типъ современности. Рассматривая подробно его творенія, окончательно увѣряемся, что Пушкину не чуждо было и есть все, что волновало, двигало, тревожило нашъ разнообразный вѣкъ. Всего болѣе онъ подчинялся могуществу Байрона, но и другія силы Романтизма ярко отражались на немъ: Баллада Испанская, Нѣмецкая,

Поэзія Восточная и Библейская, Эпопея и Драма Романтическая, разнобразіе Юга и Сѣвера, вдохновляли его Лиризмъ, стремящійся къ Эпопеѣ и Драмѣ. Все это, выражая характеръ современности, составляя характеръ Пушкина, должно было напослѣдокъ привести его къ Драмѣ и Роману; но Романъ, какъ прозаическое отдѣленіе, не могъ соотвѣтствовать наклонности дарованія Пушкина, и опытъ его въ Романѣ былъ вовсе неудаченъ: мы разумѣемъ здѣсь *Повѣсти въ прозѣ*, изданныя Пушкинымъ подъ именемъ *Бѣлкина*. Другой опытъ романа, ви-дѣнныи нами въ одномъ изъ альманаховъ, брошенъ былъ поэтомъ неоконченный: онъ лучше снисходительныхъ друзей своихъ и поклонниковъ умѣетъ оцѣнить самого себя. И такъ, подобно современности, не удовлетворяемый однѣмъ Лиризмомъ, и сильно устремившійся къ Эпопеѣ, потомъ къ Драмѣ, Пушкинъ послѣ нѣсколькихъ Поэмъ рѣшается создать Драму.—Но, какая же Драма займетъ нашего поэта? *Классическая* невозможна; обѣ ней и говорить нечего. Обратится ли онъ къ мелкой дроби драматической, *мытичанской трагедіи*? Или захочетъ создать Драму эпическую, южнаго происхожденія, которая оживляла мистеріи Кальдерона, и отозвалась въ нѣкоторыхъ твореніяхъ Шиллера (*Орлеанской дѣвицы*, *Мессинской невѣсты*), въ *Фаустѣ* Гётею, въ фаталистическихъ созданіяхъ Мюлльнера и мистическихъ твореніяхъ Вернера, ту Драму, гдѣ тайны судьбы выставляются наружу, на сцену, въ дѣйствіе? Или, наконецъ, осуществить онъ для отечества Драму сѣверную, коей высокій типъ представляетъ Шекспиръ, и которую столь справедливо уподобляютъ статуѣ Лаокоона, гдѣ сила Судьбы выражается только змѣями—страстями человѣческими, и борьбою воли человѣка противъ сихъ змѣй, какъ тайныхъ опредѣленій Судьбы—жизнью человѣческою? И въ сей Драмѣ изобразить ли онъ кипѣніе страстей и рѣшенія судьбы въ движимости событий, какъ дѣлаютъ это новые Французы; или осуществить ихъ въ представлѣніи огромныхъ характеровъ, каковы Мақбеты, Отелло, Лиры, Гамлеты Шекспировы, или, наконецъ, только возсоздасть вѣрно протекшія со-

бытия въ Историческихъ драмахъ, подобныхъ драматической хроникѣ Шекспировыхъ Генриховъ и Ричардовъ? И въ семъ отдѣлѣніи Драмы будетъ ли онъ только связывать рамою Драмы событія дѣйствительныя, какъ видимъ это въ новыхъ Французскихъ историческихъ сценахъ; или будетъ облекать отдѣльнымъ единствомъ полная части событій, какъ дѣлалъ Шекспиръ, сохраняя притомъ истину Исторіи; или, наконецъ, удаляясь отъ исторіи, представить ихъ въ обманчивомъ свѣтѣ идеаловъ, каковы Гёте въ Эгмонтѣ или Шиллеровы *Донъ-Карлосъ* и *Валленштейнъ*?—И гдѣ возьметъ онъ краски: въ изобрѣтеніяхъ ли своихъ, или въ Исторіи, и если въ Исторіи, то въ отечественной ли?

Желая рѣшить всѣ сіи вопросы, находимъ, что Пушкинъ рѣшился создать *Драму сѣверную, Историческую*; что образцомъ его была *Шекспирова Историческая Драма*. Онъ хотѣлъ проявить притомъ самобытное, национальное, и взялъ предметъ изъ отечественной Исторіи. Разборъ Драмы Пушкина покажетъ, какъ понимаетъ онъ Теорію Драмы, и вѣрно ли дѣлаетъ приложенія новыхъ идей для самобытности Русской Драмы.

Предварительно нѣсколько словъ о новѣйшей Драмѣ. Утвердивъ мнѣніе, что Драма и въ нашъ вѣкъ необходимо должна существовать, какъ существовала она во всѣ другіе, спрашиваются: какая должна быть наша Драма?

Намъ кажется, что это вопросъ совершенно бесполезный. Отвѣтъ на него заключается въ сущности Драмы вообще, въ направленіи дарованій писателя и въ предметѣ, какой избираетъ онъ для своей драмы. Что намъ за дѣло, увлекается ли онъ въ мысль о Судьбѣ Древнихъ, въ фатализмѣ Германцевъ, въ духовность мистерій?—Вѣренъ ли онъ выбранному идеалу созданія? Выполняетъ ли онъ изящно свою идею въ развитіи частей? Вотъ вопросы, заключающіе въ себѣ рѣшеніе Критики. Грилльпарцеръ потому ничтоженъ, что онъ ложно смотритъ на сущность Драмы: Мюлльнеръ потому хорошъ, что вѣрно выполняетъ свою основную, хотя и одностороннюю идею. Орлеанская Дѣва, Шиллера, тѣмъ недостаточна, что неумѣстная любовь и

ничтожныя подробности вредятъ величю сей изящной мистеріи, а Вернеровъ *Лютеръ* прекрасенъ, при всѣхъ частныхъ недостаткахъ, если мы станемъ смотрѣть на него, какъ не на Историческую, но на мистическую Драму. Шекспирова Драма хороша тѣмъ, что она полна, огромна, соразмѣрна сама себѣ, вѣрна, отчетлива, глубока. Но Шекспирова Драма не годится для нась—говорятъ теоретики.—Мы, новѣйшіе, должны прибавить къ ней все, чего не зналъ Шекспиръ, и что послѣ него узнало Человѣчество. Но измѣнится ли отъ этого сущность Драмы? Если Человѣчество разочаровалось кое въ чёмъ, если оно пояснило для себя кое-что, Поэзія не измѣнилась въ своихъ основаніяхъ. Человѣкъ остался одинъ и тотъ же, только онъ ходитъ иначе, говоритъ иначе, смотритъ иначе. Это дѣло формъ. И развѣ о подробностяхъ кто-нибудь спорить? Передъ вами всѣ онѣ, всѣ роды, всѣ формы, выраженія, и свобода дается вамъ совершенная! Творите, какъ Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ, Вернеръ; изобрѣтайте свое направлѣніе, особенное, самобытное—мы ни въ чёмъ не споримъ!

Надобно согласиться, что новая Драма еще не произвела ничего вѣковаго, великаго (исключаемъ Гётево). Безспорно, что и некогда ей было произвести, ибо она еще слишкомъ нова. Но главныя затрудненія едва ли не состоятъ въ томъ, что 1-е, мы слишкомъ много умничаемъ, не можемъ отстать отъ авторитетовъ, и не столько творимъ, сколько сочиняемъ, съ излишнею чопорностью глядя на Поэзію; 2-е, что мы увлекаемся крайностями и впадаемъ въ односторонность. Для примѣра первого, возьмите Гётева *Эгмонта* и Шиллеровы историческія пьесы. Мало было Гёте изобразить Эгмента, какъ онъ былъ, въ величественной простотѣ Исторіи: дѣлаетъ его молодымъ человѣкомъ, героемъ, приставляетъ мечтательную Клару, видѣнія славы и свободы, и оттого все становится у него на ходули. Такъ идеальность Макса и Германскій либерализмъ Донъ-Карлоса повредили симъ прекраснымъ созданіямъ Шиллера. Напротивъ, какъ простъ, какъ хорошъ Шиллеръ въ *Вильгельмъ Тель*—это истинная жизнь, это живая Исторія!

Для примѣра другаго могутъ послужить новые Французы. Жѣланіе: слишкомъ строго отдавать отчетъ мѣстности и приводить все въ философскую перспективу— вотъ недостатокъ Девини. Перспектива у него вѣрна, и мелочи, можетъ быть, отчетливы; но простоты жизни нѣтъ и въ огромномъ, правильномъ домѣ его живетъ система, а не человѣкъ.— Стараніе идти на перекоръ старому, личные отношения, систематическая мысль смѣшивать смѣшное и высокоое, излишній лиризмъ, желаніе странныхъ противоположностей — вотъ недостатки Драмы Гюго. Словѣмъ не такъ, кажется, дѣлалъ простякъ Шекспиръ. Онъ невѣжда и геній. Системъ и Пітекъ онъ не знаетъ. Ему попадается курьезная, старинная: *Гисторія о томъ, съ какимъ искусствомъ Амлетъ, бывший въ послѣдствіи Королемъ Датскимъ, отмстилъ смерть отца своего Горвендилла, убитаго Фенгономъ, его дядею, и о другихъ случаяхъ его жизни.* Орлинымъ взоромъ проникаетъ онъ въ сущность идеи, скрытой въ этой сказкѣ; поэтическія подробности представляются ему сами собою; все освѣтилось глубиною его мысли; тутъ есть все: уродливости генія, великое и малое страостей, безобразное и прекрасное. Но и мышь Гамлетова, и пѣсня Офеліи, и разговоръ могильщиковъ, и монологъ Гамлета—это создано, не сочинено: все это заключалось въ нелѣпой сказкѣ Беллефореста— геній Шекспира только выростилъ вѣковые дубы изъ этихъ ничтожныхъ сѣмянъ. Онъ поливалъ ихъ волшебною водою своей Поэзіи, онъ зариль ихъ молніями великой думы своей. Что ему за дѣло до системы и Философіи? Его система въ душѣ, его Философія въ сердцѣ, его тайна въ великой идеѣ, которую угадалъ его геній. Онъ писалъ, можетъ быть, на какомъ-нибудь обрубкѣ, за кулисами; онъ не справлялся съ психическимъ трактатомъ о душѣ человѣка. Мы не таковы: намъ надобна конторка краснаго дерева, удобный Вальтеръ, где могли бы мы сидѣть и размышлять. Если мы пишемъ Скандинавское событие, мы справимся прежде у Маллета, что онъ пишетъ; поищемъ поэтическихъ красотъ въ Спорро-Стурлезонѣ, прочтемъ Гёте, Шиллера—постараемся блеснуть умомъ. Наша

личность не дастъ намъ покоя, пока не опредѣлить предварительно картинъ, противоположностей, яркихъ мыслей, интереса Драмы.

Всего страннѣе такое напряженіе въ *Исторической Драмѣ*. Тутъ вовсе не должно быть пытки нашему воображению. Вы читаете Исторію: глубокая идея, составляющая собою узелъ цѣлаго ряда событій, поражаетъ васъ — вы отгадали эту основную, тайную идею, мысль этого узла. Если вы вѣрно отгадали ее, то подробности, мѣстности, характеръ вѣка, характеры лицъ, даже языкъ ихъ, сами собою разовьются передъ вами, вы погрѣшите, можетъ быть, Археологически, Хронологически, но отнюдь не эстетически. Надѣлайте намъ такихъ ошибокъ, какихъ надѣлалъ Шекспиръ въ своихъ Трагедіяхъ, взятыхъ изъ Римской Исторіи, какія вставилъ онъ въ 1-ю часть своего *Генриха IV-го* — мы не скажемъ вамъ ни слова: вы проинкли основную идею по своему; полно и вѣрно развили эту идею; идея ваша глубока и многообъемлюща: обѣ остальномъ мы не спрашиваемъ, ибо всѣ подробности, когда онѣ будутъ вѣрны основной идеѣ, будутъ непремѣнно истинны.

Положимъ напротивъ, что вы взяли мелкую идею, или что вы не поняли тайной мысли судьбы въ великихъ событіяхъ. Тогда изучайте, какъ вамъ угодно, мѣстныя подробности; наставьте противоположныхъ разительныхъ сценъ; будьте расточительны на лица, какъ самый отчаянный Романтикъ; придѣлайте множество вводныхъ, частныхъ мѣсть, блистайте отдѣльными красотами частей — все явится у васъ невѣрно, неудовлетворительно, ложно.

Мысль: создать *Драму Историческую* показываетъ удивительно смѣтливый гений Пушкина, ибо онъ не рѣшился на созданіе Драмы, основаніемъ которой была бы мысль, имъ самимъ изобрѣтенная. Болѣе свободный въ развитіи собственной своей идеи, онъ болѣе взялъ бы на отчетъ свой, когда при томъ надобно-бѣ было ему создавать и характеры, и подробности. Кромѣ того, онъ хотѣлъ явить не только самобытное, но и *национальное*, извлечь для сего элементы изъ своего роднаго, *отечественнаго*, а создавая

свое собственное, вымыщенное, онъ могъ удалиться отъ национального. Какой-нибудь *Фаустъ*, *Донъ-Жуанъ*, *Моцартъ* (если точно, какъ говорятъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду сіи сюжеты для Драмы) увлекли бы его въ сферу чуждую, и не могли бы положить основанія Романтической Драмы въ Россіи.

Выборъ предмета Драмы есть также доказательство проницательного гenія Пушкина. Мало найдемъ предметовъ, столь поэтическихъ, характеровъ, столь увлекательныхъ, событий разительныхъ, каковы жизнь Бориса Годунова, характеръ его, странная судьба его самого и его семейства. Сообразите притомъ, что на памяти Годунова положено самое счастливое для Поэзіи обстоятельство: неточность, нерѣшительность опредѣленія Исторического—вотъ сокровище для дарованія смѣлага, сильнаго! Прибавьте: яркость, дерзость, такъ сказать, съ какою Судьба совершила свои опредѣленія въ жизни Годунова.

Дѣйствительно: въ юности рабъ Грознаго Царя; въ зрѣлости лѣтъ любимецъ и сильный вельможа слабаго сына его, послѣдней отрасли Рюрика; потомъ первый Царь Русскій по избранію, смѣлый, сильный, могущій правитель, достойный начать собою новое царственное поколѣніе, и вдругъ — низвергаемый, губимый Судбою, въ полгода съ высоты трона бѣдственно низшедший въ могилу— и отъ кого? какъ? Отъ бродяги, дерзкаго разстриги, отъ ничтожной толпы его сообщниковъ! И какое же могущество губить Бориса въ этомъ врагѣ? Имя невиннаго отрока, погибшаго за 14 лѣтъ, подъ мечемъ гнуснаго убийцы! Всего непонятнѣе, что безпристрастная Исторія не рѣшается еще назвать Бориса виновникомъ этого злодѣйства, не смѣеть положительно очернить памяти великаго человѣка проклятымъ названіемъ цареубийцы. Сколько тутъ поэзіи, и что созданное воображеніемъ посмѣемъ мы поставить рядомъ съ Исторіею Бориса! Какія богатыя краски притомъ: Россія съ своею царелюбивою, православною Москвою; Польша, съ своими рыцарскими, наѣздническими нравами, съ своимъ суевѣрнымъ Королемъ, и подлѣ нея Казаки — буйная, полудикая толпа, слѣдующая за хоруг-

вями дерзкаго искаателя престола и приключеній; наконецъ, тайная судьба Промысла, рѣшающаго участъ двухъ великихъ царствъ, и жертва непостижимыхъ рѣшеній его въ участіи семейства Борисова... Повторимъ мысль не новую: никогда фантазія никакого поэта не превзойдетъ поэзіи жизни дѣйствительной. И если когда-нибудь это можетъ быть справедливо, то, конечно, въ судьбѣ Бориса Годунова.

Теперь цѣль и выборъ прекрасны. Какъ приступитьъ нашъ Поэтъ къ возсозданію жизни минувшаго, къ проявленію великой мысли, запавшей въ его воображеніе? Передъ нимъ лежитъ чистое поле Романтизма, и ничто не стѣсняетъ его. Оцѣнить ли онъ вполнѣ свою идею? Гдѣ поставитъ онъ предѣлы объему своей Драмы? Какъ создѣсть онъ цѣлое изъ безпрерывнаго ряда событий, и на какія точки обопретъ онъ единство Своей Драмы?

Прочтите листокъ, слѣдующій послѣ заглавнаго листка драмы Пушкина: „*Драгоценной для Россіянъ памяти Н. М. Кафамзина сей трудъ, гениемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностию посвящаетъ Александръ Пушкинъ*“. И такъ: еще разъ суждено было Пушкину заплатить дань своему воспитанію, образованію своихъ юныхъ лѣтъ, предразсудкамъ, авторитетамъ стараго времени! Еще разъ Классицизмъ, породившій Исторію Кафамзина, долженъ былъ восторжествовать надъ сильнымъ представителемъ Романтизма и Европейской современности XIX-го вѣка въ Россії! Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ Кафамзинскаго Годунова: этимъ словомъ рѣшена участъ драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ. Мы увидимъ въ его Драмѣ только борьбу сильнаго гenія, блѣдный оттѣноокъ великой идеи, а подробности должны быть непремѣнно ложны и сбивчивы или безцвѣтны. Не пособить и широкая рама Романтизма. Ошибки новѣйшихъ Драматиковъ отразятся на Пушкинѣ: онъ самъ на себя надѣлъ цѣпи. Одну изъ неудачныхъ частей *Исторіи государства Россійскаго* составляетъ у Кафамзина описание царствованій Іоанна Грознаго, Феодора, Бориса, Лжеди-

митрія и Шуйского. Не говоримъ о подробностяхъ: онъ могутъ быть, болѣе или менѣе, вѣрны. Но Карамзинъ безчеловѣчно ошибся въ основныхъ началахъ событий цѣлаго столѣтія, и до такой степени былъ изысканъ въ расположении ихъ подробностей, что истина совершенно потухла подъ оптическимъ зеркаломъ его разсказа, и, вмѣсто настоящихъ характеровъ и дѣйствій, у него явились какіе-то призраки.

Прежде всего, Карамзинъ не понялъ (или *не хотѣлъ понять*—и тѣмъ хуже!) совершенного измѣненія въ духѣ народа, и въ отношеніяхъ Русской Удѣльности, какія начались съ Василіемъ Темнаго и кончились Иоанномъ Грознымъ. Василій Темный наложилъ роковую руку на голову гидры Удѣловъ, въ борьбѣ съ Шемякою; Иоаннъ III сжалъ крѣпкою рукою разрозненные части государственного тѣла Россіи; смерть внука Шемякина и присоединеніе Рязани къ Москвѣ Василіемъ довершили Исторію Удѣловъ. Князья сдѣлались послѣ того вельможами, власти-тели боярами, Великій Князь Царемъ; политическая борьба съ полей междоусобія перешла въ палаты Царскія. Какъ сильна, какъ дѣятельна должнаствовала быть сія новая жизнь! Она и была такова. Посмотрите на партіи Глинскихъ, Телепневыхъ, Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Курбскихъ; вслушайтесь въ буйство партій при смертномъ одрѣ Иоанна, уже побѣдителя Казани, уже 7 лѣтъ самовластителя Россіи, мужа въ полной силѣ возраста, супруга добродѣтельной Анастасіи, и вы узнаете, что сдѣлало сильнаго, умнаго, хотя и возмущаемаго страстями Иоанна Грознаго. Онъ ужасенъ. Возставъ съ своего смертнаго одра, онъ также свирѣпо началъ терзать Аристократію, какъ немилосердно дѣдъ и прадѣдъ его терзали Удѣльную систему. Но гибель Новгорода, шесть эпохъ казней, и двадцать пять лѣтъ желѣзного правленія Иоаннова, убило-ль все это Аристократію Дворскую? Нѣтъ! въ лицѣ Курбскаго, она смѣялась безсильной ярости Иоанна; въ лицѣ Скуратовыхъ, повторствуя страстямъ владыки, какъ прежде, въ лицѣ Адашева, владѣя добрыми его свойствами, она унижалась, работѣствовала, и—владѣла царствомъ, тяготѣла

надъ народомъ. Не смѣла она поднять взоровъ своихъ на Царскій тронъ, когда умеръ Грозный, когда 14-ть лѣтъ рукою слабаго Феодора правилъ честолюбивый отважный членъ сей Аристократіи, Борисъ Годуновъ. Она позволяла ему богатѣть, славиться, властвовать; но и сама, какъ туча молніями, богатѣла связями, силою, смутами. Борисъ перехитрилъ всѣхъ — онъ попралъ ногами Аристократію, онъ сѣлъ на престоль Царскій; но съ сего часа онъ обрѣкъ себя на погибель. Что онъ станетъ дѣлать: свирѣпствовать, какъ Іоаннъ? Унижаться, какъ потомъ унижался Шуйскій? Онъ думаетъ сначала привязать къ себѣ мудростью, кротостью, силою — тщетно! Вокругъ него кипятъ волненія, глухія, тревожныя — и Борисъ принимаетъ жалкую систему *полумѣръ* (*demimesures*), самую вредную для прочной власти. Тогда настаетъ минута перелома. — Кто дѣйствователь? Дерзкій смѣльчакъ, назвавшійся убіеннымъ сыномъ Грознаго. Это имя могло ли быть страшнымъ Годунову? Нѣтъ! обвиненіе Годунова въ смерти блажен-наго отрока было такъ неопределено, и народъ никогда не посмѣль бы судить совѣсти счастливаго Царя своего. Но Польша видѣла политическое средство кинуть планъ раздора въ Россію. Имѣя свои разсчеты, она подкрѣпляла Самозванца. Побѣды заставили бы ее умолкнуть; Духовенство — обстоятельство важное — было притомъ на сторонѣ Борисовой. Чего-же трепеталъ онъ? Что заставило его робѣть, не оставлять Москвы, не являться самому къ народу и войску, при извѣстной своей отважности, и не принимать смѣло виѣшней бури на грудь свою? Аристократія: ее трепеталъ Борисъ, не дерзая въ это время рѣшиться ни на грозныя, ни на милостивыя мѣры; Аристократія заставляла его бояться тѣни, обманывала его, измѣняла ему, возмущала умы, отвлекала отъ Бориса сердца народа. Борисъ ясно видѣлъ, чувствовалъ это, и — не перенесъ: кровь хлынула у него изъ внутренности тѣла, среди великолѣпія Двора, когда онъ взиралъ на униженіе передъ собою тѣхъ, отъ кого долженъ былъ погибнуть онъ самъ и семейство его. Тогда началось и обнаружилось необузданное своеволіе Аристократіи: въ немъ по-

гибли жена, сынъ Бориса, потомъ погибъ Самозванецъ, на конецъ погибъ и Шуйскій; оно оставило въ Россіи память *Семибоярины*, предавало Россію Польшѣ, препятствовало побѣдѣ вѣры и народа, въ лицѣ Минина и Пожарскаго, и въ самомъ избраніи Михаила Романова, среди кликовъ восторга и радости, посѣяло для себя средства для новыхъ дѣйствій. Но мы всѣ—орудія въ рукѣ Провидѣнія, и все послужило потомъ ко благу и счастію Россіи.

Такъ должно смотрѣть на политическую завязку жизни Бориса, и рядъ тогдашихъ событий государственныхъ. Но что же видѣлъ Карамзинъ? Вовсе не обозначивъ измѣненія системы Удѣловъ въ Дворскую Аристократію, онъ описываетъ события, какъ началъ описывать ихъ съ самаго Рюрика, исчисляетъ погодно происшествія, побраниваетъ, гдѣ видить худо, похваливаетъ, гдѣ кажется ему хорошо — и только! Но ему надобны средства для Искусства, и—вотъ Грозный является у него театральнымъ тираномъ, Полоніемъ Сумарокова; самая нелѣпая клеветы лѣтописей повторяются, чтобы въ Борисѣ непремѣнно представить убійцу Дмитрія Царевича, какъ прежде повторялось все, что клеветалъ на Іоанна Курбскій; цѣль противорѣчій и ошибокъ составляеть у него описание всѣхъ событий. Для чего это? Для того, чтобы составить разительную картину: мщеніе Божіе за кровь невинную. И вотъ всѣ яркія краски истощены, чтобы явить Бориса сначала сильнымъ, могущимъ, мудрымъ, въ 1-й главѣ XI-го тома *Історії Госуд. Россійскаго*. И словно театральный громъ, вдругъ разражается надъ цареубійцею II-я глава того же тома! Будто такъ бываетъ въ жизни и будто такъ было и при Борисѣ? Нѣтъ, совсѣмъ не такъ! Риторика, фразы и сущая пустота и несообразность открываютъ при самомъ легкомъ взглядѣ Критики на все, что писалъ Карамзинъ о событияхъ въ Россіи съ 1533-го до 1612-го года....

Какъ могъ Пушкинъ не понять поэзіи той идеи, что *Історія не смиетъ утвердительно назвать Бориса цареубійцею?* Что недостовѣрно для Исторіи, то достовѣрно для Поэзіи. И что могъ извлечь Пушкинъ, изобразя въ Драмѣ
в. зелинский. русская критика.

своей тяжкую судьбу человѣка, который не имѣеть ни силъ, ни средствъ свергнуть съ себя обвиненіе передъ людьми и передъ потомствомъ! Клевета безвѣстная, глухо повторяемая народомъ, тлѣтъ въ душахъ Аристократовъ, когда имя *Самозванца* отдается изрѣдка въ слухѣ Бориса (онъ зналъ объ этомъ за пять лѣтъ до новаго похода Лжедмитрія). Надъ головою его умножаются бѣдствія; Аристократія дѣйствуетъ—легкій слухъ превращается въ явный говоръ—Борисъ губить Романовыхъ, преслѣдуется Шуйскихъ—политика Польши обращается на Россію—и что казалось мечтою, дѣлается всесокрушающею дѣйствительностью. Какое великое развитіе тайнъ судьбы, какое обширное раздолѣ для раскрытия характеровъ, для изображенія Россіи, Польши, Бориса, Самозванца, Аристократіи, народа!

Все это утратилъ Пушкинъ, взявъ идею Карамзина. Остроумно замѣтилъ Критикъ *Европейца*, что содержаніе Драмы Пушкина составляетъ очищеніе преступленія, наказанного на совѣсть Бориса убийствомъ царственнаго отрока. Слѣдовательно, вся драма Пушкина есть только исполненіе приговора, уже подписаннаго Судьбою? Критикъ *Европейца* обращаетъ это въ особенную похвалу Пушкину. Мы поговоримъ далѣе, можно ли было на сей идеѣ основать Трагедію. Теперь посмотримъ, какъ развилъ Карамзинскую идею Пушкинъ.

Замѣтьте сначала, въ какую нерѣшительность поставила она нашего поэта. Онъ создаетъ *Драму*—всѣ видятъ это, и самъ онъ знаетъ, но онъ не смѣетъ назвать ее *Драмою*, и говоритъ просто: *Борисъ Годуновъ*. Это похоже на дѣтскую игру—ребеноқъ закрываетъ лицо руками и думаетъ, что онъ спрятался. Пушкинъ и не дѣлитъ Драмы своей на дѣйствія: двадцать два сплошныхъ явленія заключаютъ въ себѣ события съ Февраля 1598-го до Июня 1605-го года, въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ, начинаясь избраниемъ Бориса на царство, оканчиваясь смертію сына Борисова, и провозглашеніемъ Царя Дмитрія; новая странность; но въ сторону мелочи — будемъ смотрѣть на что-нибудь важнѣе.

Драма начинается разговоромъ Бояръ Шуйскаго и Воротынского. Шуйскій открываетъ своему собесѣднику, что Борисъ былъ убійцею Димитрія Царевича, и подсмѣивается надъ упорствомъ Бориса принять вѣнецъ Царскій. Объявленіе на Красной площади: еще разъ собраться народу, и снова идти уговаривать Бориса. — Въ третьей сценѣ является Борисъ, уже принявшій престолъ, и клянется право править Россіею.

Промежуточъ — *пяти лѣтъ*. — Вводная сцена: Иночъ лѣтописецъ и Отрепьевъ служка его, будущій Самозванецъ, еще робкій, еще не дерзающій на умыселъ, бесѣдуютъ въ кельѣ Чудова монастыря. Сны, вѣщающіе грядущее, тревожатъ юнаго служку. Иночъ подробно разсказываетъ ему повѣсть о убіеніи Царевича, которой Отрепьевъ *не зналъ до тыхъ поръ!* Иночъ смѣло называетъ Годунова убійцею.

Остатокъ Драмы, отъ сего мѣста, заключаетъ въ себѣ времени два года. Весь сей остатокъ дѣлится на *четыре* части.

Двѣ заключительныя сцены составляютъ особенный эпилогъ. Не произвольно выдумываемъ мы сіе раздѣленіе драмы Пушкина; оно является само собою.

Отд. I. Умыселъ и бѣгство Самозванца. Сцена Патріарха, которому доносятъ о бѣгствѣ Отрепьева, уже дерзко называвшаго себя Царевичемъ Димитріемъ, спасеннымъ отъ умысловъ Годунова. Патріархъ не рѣшается однакожъ тревожить Царя извѣстіемъ объ этомъ. Сцена во Дворцѣ: Борисъ печалится, грустить и высказываетъ самъ себѣ упреки своей совѣсти за убіеніе невиннаго Царевича. — Дѣйствіе переносится на Литовскую границу, где хитроу уловкою Самозванецъ спасается отъ царскихъ приставовъ. Слѣдовательно — Борисъ *уже знаетъ обѣ немѣ*, уже беретъ сильныя предосторожности.

Отд. II. Слухи обѣ устіяхъ Самозванца и страхъ Бориса. Пиръ въ домѣ Шуйскаго. Хозянинъ, оставшись наединѣ съ Пушкинымъ, искреннимъ другомъ своимъ, разговариваетъ о слухахъ изъ Польши: тамъ уже принимаютъ, чествуютъ Самозванца. Бояре страшатся смятеній и вы-

сказываютъ другъ другу взаимныя жалобы на правленіе Бориса. — Сцена во Дворцѣ: Борисъ хочетъ насладиться бесѣдою съ сыномъ и дочерью; но является главный шпіонъ его, Семенъ Годуновъ, съ докладомъ о пирѣ Шуйскаго и гонцѣ, пріѣхавшемъ изъ Польши къ Пушкину. Шуйскій предвидѣлъ это — онъ самъ пришелъ донести обо всемъ. Борисъ ужасается (неужели онъ не зналъ всей мѣры опасности?) и требуетъ удостовѣренія отъ Шуйскаго о томъ, точно ли Царевичъ былъ убить въ Угличѣ? Шуйскій начинаетъ рассказывать ему всѣ подробности; но разсказъ этотъ приводитъ въ трепетъ Бориса. Онъ видитъ, что на него идетъ точно Самозванецъ, и велитъ только усилить предосторожности.

Отд. III. *Дѣйствіе Самозванца въ Польши и походъ.* Иезуитъ и Самозванецъ оканчиваютъ какой-то разговоръ; приходъ Русскихъ изгнанниковъ, измѣнниковъ, Казаковъ, Поляковъ, готовыхъ идти съ Самозванцемъ; Самозванецъ принимаетъ ихъ; какой-то поэтъ подноситъ ему стихи. — Вводная сцена на балѣ у Мнишека: Марина обольщаетъ Собою Самозванца, и назначаетъ ему свиданіе ночью, въ саду. Большая вводная сцена сего свиданія: желая узнать, его ли самого, или только имя Царевича любить въ немъ Марина, Самозванецъ открываетъ ей свою тайну. Нерѣшительное слѣдствіе сего объясненія. Сцена перехода чрезъ границу Русскую Самозванца и его сообщниковъ.

Отд. IV. *Успѣхи Самозванца и гибель Бориса. Дѣйствіе въ Москвѣ и разныхъ мѣстахъ Россіи.* — Совѣтъ Бориса; онъ отправляется противъ Самозванца войско. Патріархъ совѣтуетъ принести въ Москву тѣло убіеннаго Царевича, и тѣмъ уличить Самозванца. Но это снова смутило совѣсть Бориса. — Битва подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. — Сцена Юродиваго, который еще разъ напоминаетъ Борису о смерти Царевича. — Двѣ различныя сцены похода Самозванца въ Россію: представление плѣнника предъ Самозванцемъ, и noctлегъ въ лѣсу, послѣ разбитія Самозванца, гдѣ онъ показываетъ свое удивительное хладнокровіе. — Разговоръ Басманова съ Борисомъ, изъявляющимъ ему полную довѣренность. Борисъ идетъ послѣ сего принять

на аудіэнціі гостей Нѣмецкихъ; Басмановъ остается одинъ; слышно смятеніе—Бориса выносятъ умирающаго: онъ велитъ оставить себя наединѣ съ сыномъ, и даетъ ему послѣднія наставленія.—Дѣйствіе въ ставкѣ Басманова: присланные отъ Самозванца уговариваютъ его измѣнить юному Феодору; Басмановъ колеблется.

Эпилогъ. Гонцы Самозванца являются въ Москвѣ, на Лобномъ мѣстѣ, уговариваютъ и возмущаютъ народъ. Толпы буйствуютъ, стремятся низвергнуть Феодора.—Послѣдняя сцена; Феодоръ, сестра и мать его въ заключеніи; Бояре идутъ къ нимъ; слышны шумъ и вопль; Бояре выходятъ, и объявляютъ народу, что Феодоръ и мать его отравили себя ядомъ.

Если разсматривать сцены, каждую отдельно, то большая часть изъ нихъ прекрасны—нѣкоторыя особливо отдельны полно, мастерски. Таковы: Иночъ Пименъ и Самозванецъ; монахи на Литовской границѣ; Рѣчь Патріарха въ совѣтѣ; Марина и Самозванецъ ночью въ саду; битва подъ Новгородомъ Сѣверскимъ; Юродивый и обѣ сцены эпилога. За то другія слабы, ничтожны; таковы: самая первая; также сцена, гдѣ Борисъ избирается на царство, та, гдѣ онъ потомъ груститъ; сюда же отнесемъ пиръ у Шуйскаго и приходъ Шуйскаго къ Борису послѣ того; всего несоответственнѣе сцена кончины Борисовой. Но такой отдельный разборъ сценъ будетъ всегда неопределителенъ и ни къ чему не поведеть. Притомъ, что одному нравится, то не нравится другому. Для примѣра, скажемъ, что мы видали многихъ, которые въ восторгѣ отъ сцены Курбскаго при переходѣ черезъ границу; намъ кажется, напротивъ, что это слишкомъ натянуто, изысканно, и не въ духѣ времени. Другіе осуждаютъ сцену сраженія, гдѣ Маржеретъ и Розенъ говорятъ по-Французски и по-Нѣмецки; намъ кажется, что ничего не можетъ быть выразительнѣе и естественнѣе этой сцены. Не будемъ входить и въ мелкую критику выраженій. Все это, разборъ явленій и словъ, должно слѣдовать за разборомъ основаній идеи и развитія оной, и когда сіи двѣ части неудовлетворительны, то красота подробностей плохая помога поэту; при удо-

влетворительности ихъ мы готовы простить всѣ частныя ошибки и погрѣшности.

Но общее ли мнѣніе всѣхъ есть то, что когда вы прочитаете Драму Пушкина, у васъ остается въ памяти множество чего-то хорошаго, прекраснаго, но несвязнаго, въ отрывкахъ, такъ, что ни въ чёмъ не можете вы дать себѣ полнаго отчета? Вотъ голосъ простаго чувства всякаго читателя.

Входя критически въ подробности, соображая цѣлое и части, идею и исполненіе, Исторію и Драму, выувѣритесь, что все это совершенно справедливо, и происходитъ:

1-е. Отъ бѣдности идеи, которая не позволила поэту развить ни характеровъ, ни подробностей, когда Драма только и живеть ими.

2-е. Отъ несправедливаго понятія объ Исторической, или вообще Романтической Драмѣ. Судя по Драмѣ Пушкина, все отличіе ея отъ Классической Драмы состоить въ безсвязной пестротѣ явлений и прыжкахъ отъ одного предмета къ другому. Но это невѣрно: Романтическая Драма имѣетъ свои строгія правила и свой порядокъ дѣйствій, который, какъ замѣчаетъ Девини, можетъ быть, еще тяжеле Классического. Мнимая легкость Романтизма есть свобода, данная ея условіемъ—выкупить ее болѣею отчетливостью.

Мы уже говорили о томъ, какъ много потерялъ Пушкинъ, оставивъ самую поэтическую сторону жизни Годунова — неопредѣленность обвиненія въ смерти Царевича, забывъ при этомъ истинную причину его паденія и успѣховъ Самозванца—буйную Русскую Аристократію, забывъ и политическія отношенія Польши къ Россіи—онъ, естественно, долженъ былъ потеряться въ планѣ и развитіи его. Если съ первого явленія намъ сказали тайну Бориса, что сдѣлалась вся Драма Пушкина? *Le dernier jour d'un condamné* (*Послѣдній день приговореннаго къ смерти*)! Вместо того, чтобы изъ жребія Годунова извлечь ужасную борьбу Человѣка съ Судбою, мы видимъ только приготовленія его къ казни, и слышимъ только стонъ умирающаго преступника. И въ этомъ размѣрѣ Поэтъ могъ бы творить

обширно, свободно, могущественно, если бы раздвинулась предълы, даль болѣе жизни и мѣры дѣйствію. Положимъ, что Пушкинъ создалъ бы *две* драмы. Одну, гдѣ показалъ бы намъ ненасытнаго честолюбца, его стремленіе къ трону, его злодѣйство, цареубійство, ужасъ симъ произведеній, тѣнь Царя въ лицѣ слабаго Феодора, рядомъ съ нимъ добродѣтельную сестру Бориса, и, кончивъ восшествіемъ на престолъ Бориса, въ *другой* драмѣ изобразилъ бы намъ честолюбца достигшимъ престола, славнымъ, могущимъ, почти тестемъ Королевскаго сына, готовымъ благотворить, быть великодушнымъ при удачѣ и въ счастіи. Вдругъ перстъ Судебъ кладетъ на него печать проклятія. Въ то время, когда Природа затворяетъ нѣдра изобилию земли, когда казны Царской недостаетъ на окупленіе бѣдствій народа, нарѣченный зять злодѣя умираетъ. Тутъ страсти людскія кипятъ въ народѣ разбоями и буйствомъ, въ боярствѣ смutoю и интригою. И среди ихъ проникаетъ слухъ о Димитріѣ — уже давно тревожившій душу цареубійцы. Онъ трепещетъ, губитъ тайно близкихъ враговъ, не смѣя однakoжъ рѣшиться на грозное мщеніе. Имя *Димитрія* перелетаетъ въ Польшу; честолюбіе вельможъ, политика Польскаго Короля, несутъ эту бурю въ Россію. Она падаетъ на голову Бориса, и передъ ней исчезаютъ послѣдняя любовь народа, смиренное лукавство Бояръ, счастіе и умъ Годунова—гибель и измѣна на полѣ битвъ, гибель и измѣна въ чертогахъ его, и — тогда только страшное сознаніе излетаетъ изъ собственныхъ устъ его—признаніе цареубійства! Намъ кажется, что, выразивъ такимъ образомъ въ обширной драмѣ мысль свою, поэтъ явился бы самобытнымъ создателемъ, и изумилъ бы насъ тѣмъ величиемъ, какое изумляетъ въ самомъ несовершенномъ объемѣ подобной мысли, въ *Мессинской невѣсты*, Шиллера, или *Очищеніи* (*Die Schuld*) Мюлльнера.

Но что мы видимъ въ Драмѣ Пушкина? Борисъ, лицо намъ незнакомое, съ робкою совѣстью, съ унылою грустью, съ терзаніемъ души, является вдругъ, мимоходомъ, на минуту, принять вѣнецъ, и пять лѣтъ послѣ того пролетѣло безъ дѣйствія! Другая сцена: Борисъ груститъ, какъ не-

опытный юноша, какъ будто въ 20 лѣтъ правленія, при Феодорѣ и лично, онъ не зналъ ни вѣнца, ни бояръ, ни народа? Онъ приходитъ потомъ еще разъ полюбоваться на дѣтей, что-то разыгрывается въ немъ, но едва успѣлъ ему Шуйскій напомнить о царевичѣ, Борисъ бѣжитъ со сцены. Опять является онъ мудрымъ Царемъ, въ думѣ своей — неосторожный Патріархъ напоминаетъ о смерти Царевича, и Борисъ *потьетъ*, и тотчасъ удаляется. Вдругъ видимъ мы его выходящаго изъ Собора, гдѣ прокляли Самозванца: Юродивый ему на встрѣчу, съ прежнимъ, извѣстнымъ упрекомъ, и Борисъ не радъ ничему. Но вотъ *послѣдняя* сцена: только что разговорился Борисъ о своихъ великихъ намѣреніяхъ, какъ спѣшитъ за кулисы и оттуда выносятъ его проговорить 65 стиховъ политическаго заѣщанія сыну. Это ли Борисъ *Исторический?* И вообще таковъ ли долженъ быть страшный преступникъ, въ которомъ заключается сущность цѣлой Драмы?

Характеръ Самозванца едва-ли вѣрнѣ и естественнѣе Борисова; но, по крайней мѣрѣ, въ немъ есть жизнь, по крайней мѣрѣ, онъ удалъ, буренъ, порывистъ. Мечтатель въ сценѣ съ Пименомъ, онъ ловко отдѣливается въ корчмѣ, щегольски отличается у Вишневецкаго и Мнишека, страшень у фонтана, и точный искатель приключений въ трехъ сценахъ: переходъ черезъ границу, допросъ плѣнника, ночлегъ послѣ разбитія. Совсѣмъ *не таковъ* былъ Самозванецъ Историческій, сколько можемъ мы представить его себѣ; но и созданный Пушкинымъ, вслѣдствіе мысли его, какъ исполнитель кары за преступленіе Бориса, онъ—можетъ почеститься сноснымъ.

При ошибкѣ въ двухъ главныхъ характеристахъ, гдѣ же Польша, гдѣ Боярство Русское, гдѣ народъ, гдѣ подробности событий? Все это скрыто за кулисами. Только Шуйскій безпрерывно вертится около Бориса, стережетъ Москву, проговаривается Воротынскому, отирается отъ этого, пируетъ, неосторожно заговаривается съ Пушкинымъ, доноситъ на него, пугаетъ Бориса, поправляетъ неосторожность Патріарха, берется уговаривать народъ. Такую же роль играетъ у Самозванца неизбѣжный Пушкинъ (кото-

рый, по Исторіи, только присланъ былъ въ Москву послѣ смерти Бориса, съ письмами Самозванца къ народу). И Шуйскій и Пушкинъ наконецъ исчезаютъ; другіе во все время только безмолвствуютъ въ совѣтѣ, на пиру, или, сказавъ по нѣсколько словъ, мелькаютъ мимо; Мстиславскіе, Романовы, Салтыковы и прочіе, впослѣдствіи столь важныя лица, по своему вліянію, не оттѣнены ницакими красками. Самый Басмановъ только въ одной сценѣ кажется не тѣнью, а живымъ человѣкомъ. Польшу, Іезуитовъ, Пановъ, шляхту Польскую, важное участіе всего этого въ дѣлѣ Самозванца, находимъ только въ двухъ небольшихъ, мимолетныхъ явленіяхъ, не представляющихъ ницакого характеристическаго отличія мѣста и времени. Марина отцвѣчена сильно, но безъ пользы, и мы готовы спросить: что слѣдуетъ изъ яркаго ея очерка?

Будучи столь неудовлетворителенъ въ отношеніи *Исторической* правды, Борисъ Годуновъ долженствуетъ быть также неудовлетворителенъ и въ *Драматическомъ* изяществѣ, ибо, уклонясь отъ Исторіи, поэты не замѣниль сего уклоненія ничѣмъ фантастическимъ. Нѣтъ единства ни въ дѣйствіи, ни въ развитіи частей, ни въ проявленіи характеровъ; нѣтъ жизни въ подробностяхъ; все совершается за глазами зрителя и читателей; едва дѣйствіе хочетъ развернуться, едва дѣйствующіе знакомятся съ нами, какъ все опять исчезаетъ, и мы не знаемъ ни дѣйствія, ни лицъ, пока они не придутъ вновь и не расскажутъ намъ, что сдѣлалось, пока они скрывались отъ насъ за кулисами.

Изъяснять здѣсь, что Романтическая Драма основывается на строгомъ единствѣ дѣйствія, не только даетъ обширные средства развить подробности и характеры въ дѣйствіи, но и требуетъ непремѣнно сего развитія; что она имѣеть свои вѣрные, неразрушимые законы, было бы излишне: неужели думаютъ, что, допуская въ дѣйствіе даже цѣлую жизнь человѣка отъ рожденія до смерти его, она становится черезъ то безпорядочнымъ смѣщеніемъ различныхъ явлений? Напротивъ: она гибнетъ безъ единства; она составляетъ изъ цѣлой жизни и изъ толпы дѣйствователей нѣчто *единое цѣлое*. Въ ней нѣтъ только *Классическихъ*

единствъ и условій, которыя безобразили бы истину и жизнь; она только составляеть противоположность Классической Драмы тѣмъ, что Классическая говоритъ — Романтическая живеть, Классическая разсказываетъ — Романтическая дѣйствуетъ; та выставляетъ образчики и прячется — эта разстилаетъ все вполнѣ, и сама является на сценѣ. Не думаемъ, чтобы Пушкинъ хотѣль нанизать только *Историческихъ сценъ*; въ семъ случаѣ, его сочиненіе, сжатое, краткое, еще менѣе выдерживаетъ судъ Критики: нѣтъ! онъ хотѣль создать *Драму*, и въ этомъ отношеніи должно смотрѣть на его Бориса Годунова.

Вместо всякихъ объясненій Романтической Драмы, и изложеній теоретическихъ, мы рѣшаемся представить здѣсь практическій примѣръ ея, взятый изъ Шекспира. Его драма: *Король Ричардъ II* (King Richard II) имѣетъ нѣкоторое сходство въ положеніи дѣйствующихъ лицъ съ сочиненіемъ Пушкина. Такъ же, какъ Годуновъ, сильный Ричардъ самовластно управляетъ Англіею; бѣдный изгнаникъ возстаетъ противъ него, и въ нѣсколько мѣсяцевъ Ричардъ былъ низвергнутъ и умерщвленъ, а противникъ его началъ царствовать подъ именемъ Генриха IV-го.

Въ порядкѣ событий, Шекспиръ слѣдовалъ совершенно Исторіи: прочтите Юма, Лингарда; события сіи чрезвычайно прости: изумляетесь, не зная драмы Шекспира, и спрашиваете — можно ли извлечь изъ нихъ что-либо драматическое? Но гений поэта умѣлъ изобразить сіи события въ очаровательныхъ драматическихъ картинахъ, умѣлъ найти въ нихъ и единство, и характеры, и подробности.

Ричардъ II-й вступилъ на престолъ въ 1377-мъ году, будучи одиннадцати лѣтъ. Англіею управляли дяди Ричарда во время его несовершеннолѣтія, ограничивали власть его, даже оскорбляли лично его самого. События были довольно бурны, пока самъ Ричардъ не вступилъ въ управление, въ 1389 году. Народъ любилъ юнаго Короля; все казалось тихо и благополучно; но вскорѣ характеръ Ричарда измѣнился: онъ обременилъ народъ, покусился на права его, жестоко мстилъ врагамъ своимъ, безчеловѣчно умертвилъ старика дядю своего, Герцога Глостера.

скаго. Сынъ другаго его дяди Герцога Ланкастерскаго, Генрихъ Болингброкъ, былъ обвиненъ въ порицаніи Короля. Онъ утверждалъ, что это злобная клевета, и вызывалъ обвинителя своего, Герцога Норфолькскаго, на *Божій судъ*. Когда оба соперника, равно опасные Королю, сошлись для поединка, Король объявилъ имъ обоимъ изгнаніе. Отецъ Болингброка скончался отъ горести; Король захватилъ все его наследственное имѣніе. Онъ отправился по томъ укрощать утѣсненную имъ Ирландію, и въ это время Болингброкъ явился въ Англію, будто бы за требованіемъ своего наследства. Отвсюду стеклись его сообщники; народъ присталь къ нему; Правитель Англіи въ отсутствіе Ричарда, Герцогъ Іоркскій, третій дядя Короля, принужденъ былъ уступить. Ричардъ, съ притворною почестью принятый Болингброкомъ, по возвращеніи своемъ изъ Ирландіи, былъ объявленъ плѣнникомъ, и когда побѣдитель и плѣненный Король прибыли вмѣстѣ въ Лондонъ, сила Болингброка заставила Парламентъ возобновить дѣло о убийствѣ Герцога Глостерскаго, обвинить, низвергнуть Ричарда, и отдать корону Болингброку. Тутъ открылся заговоръ Герцога Авмерльскаго, сына Герцога Іоркскаго, въ пользу Ричарда — казнь была участью заговорщиковъ (кромѣ Герцога Авмерльскаго); Ричардъ, возбуждавшій опасеніе, былъ измѣнически умерщвленъ въ темницѣ. Что сдѣлалъ поэтъ? Онъ взялъ для своей Драмы только два послѣдніе года жизни Ричарда. Вотъ очеркъ его творенія:

Дѣйствіе I. Торжественное обвиненіе между Болингброкомъ и Норфолькомъ, и опредѣленіе поединка. — Сцена между отцомъ Болингброка и герцогинею Глостерскою. — Поединокъ, во всемъ его величіи; но едва начать онъ, Король прекращаетъ его, и объявляетъ изгнаніе соперникамъ; тщетно молитъ его о пощадѣ отецъ Болингброка. Трогательное прощеніе родныхъ. — Ричардъ готовится въ Ирландію; онъ торжествуетъ, слыша о тяжкой болѣзни Герцога Ланкастерскаго.

Дѣйствіе II. Смертный одръ Герцога Ланкастерскаго. Герцогъ Іоркскій. Король и Королева являются къ нему;

дерзкія насмѣшки Ричарда. Смерть и отнятіе имѣнія Герцога Ланкастерскаго. Король отправляется въ Ирландію. Сцена вельможъ, передающихъ Болингброку, при первомъ слухѣ появленія его въ Англіи. Горестъ Королевы. Герцогъ Іоркскій идетъ на Болингброка.—Свиданіе и сцена между нимъ, Болингброкомъ и Лордами измѣнниками. Безсиліе его противиться Болингброку.—Салисбюри, начальникъ Ричардовыхъ войскъ, видитъ, какъ всѣ они разбѣгаются отъ него.

Дѣйствіе III. Сцена между Болингброкомъ и захваченными имъ вельможами Ричарда.—Ричардъ и Герцогъ Авмерльскій являются въ Англіи.—Войско Болингброка окружаетъ крѣпость Флинтъ, гдѣ скрылся Ричардъ, увидѣвъ, что всѣ войска его разбѣжались. Переговоры съ нимъ и необходимость Короля уступить сопернику.—Сцена Королевы, при извѣстіи объ этомъ.

Дѣйствіе IV. Парламентъ. Судъ надъ убийцами Герцога Глостерскаго. Герцогъ Іоркскій приноситъ отрѣченіе Ричарда; споры, явленіе самого Ричарда, его отрѣченіе личное.—Смятеніе, жалость, имъ возбужденныя. Генрихъ принимаетъ корону.

Дѣйствіе V. Прощаніе Ричарда при разлуцѣ съ Королевою.—Сцена между Герцогомъ и Герцогинею Іоркскими: отецъ открываетъ умыселъ сына противъ Генриха. Раскаяніе, слабость виновнаго. Отецъ спѣшить обвинить его, мать просить за него.—Явленіе его передъ королемъ.—Злые прислужники, изъясняющіе слова Короля о Ричардѣ: Have I no friend will rid me of this living fear (неужели нѣть у меня друга, который избавилъ бы меня отъ этого живаго страха)?—Они бѣгутъ въ темницу Ричарда.—Сцена въ темницѣ и убиеніе Ричарда. Торжествующій Генрихъ. Къ нему приносятъ гробъ Ричарда. Негодованіе Генриха и упреки его убийцамъ.

Не знаете, чому болѣе удивляться въ этомъ превосходномъ созданіи: искусству ли, съ какимъ извлечено единство дѣйствія Драмы; связи ли подробностей, величественно, богато раскрытыхъ поэтомъ, вѣрности ли, съ какою

слѣдовалъ Поэтъ Исторіи *), или простотѣ его созданія, и глубокому познанію характеровъ, угаданныхъ Поэтомъ въ сухой лѣтописи? Нѣсколько словъ о *характерахъ*: они должны были быть точно таковы, какъ изобразилъ ихъ Шекспиръ: легкомысленный, гордый, жестокій по прихоти, не по душѣ, потомъ упавшій духомъ Ричардъ; хладнокровный, величественный въ самомъ преступлениі, увлеченный успѣхомъ, смѣсь добра и зла, Болингброкъ; слабый, вѣрный обязанности, полагающій добродѣтель въ исполненіи словъ Властителя, Герцогъ Іоркскій, не отступающій отъ Ричарда, пока вѣнецъ былъ на головѣ его, потомъ столь же преданный Генриху; Герцогъ Авмерльскій, пылкій, добрый, но ничтожный; Герцогиня Іоркская—истинная женщина и мать; Королева—трогательная жертва бѣствій; Норфолькъ, Нортумберландъ, Салисбюри, Архіепископъ Кантербурійский, Экстонъ — каждый съ своимъ рѣзкимъ типомъ, всѣ оттѣненные ярко, сильно, живые, движимые. Историкъ можетъ изучать Шекспирову Драму, чтобы послѣ того лучше понимать Юма и лѣтописцевъ Англійскихъ! Какія разительныя положенія, какіе неожиданные переходы страстей и отношений, какое искусство внушить состраданіе, посеять ужасъ, увлечь читателя и зрителя въ положеніе дѣйствующаго лица... По общему суду критиковъ, это еще *не лучшая* изъ Историческихъ Драмъ Шекспира.

Впрочемъ мы не для того выставляемъ здѣсь Шекспира, чтобы по его генію осудить нашего Поэта; уродливый музыкъ этотъ, въ продолженіе 20 годовъ, написалъ 40 пьесъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ ежегодно выставлялъ по драмѣ, а эти драмы были—*Ромео и Юля*, *Гамлетъ*, *Ричардъ II-й*, и т. п., съ прибавкою еще каждое лѣто по одной Комедіи. Но мы говоримъ о Шекспировомъ Ричардѣ для поясненія словъ нашихъ, что *Борисъ Годуновъ* не выдерживаетъ суда

*) Только одно отступленіе сдѣлалъ Шекспиръ: представилъ Королеву, супругу Ричарда; но его первая супруга уже умерла въ это время, и онъ былъ только обрученъ съ малолѣтнею Изабеллою, Французскою Принцессою, но свадьба отложена была до ея совершеннолѣтія.

Критики, рассматриваемый, какъ Драматическое созданіе, и примѣръ Шекспира надобенъ былъ намъ для опредѣленія, что и какъ извлекаетъ изъ чего-нибудь подобнаго великій Драматической геній.

Для большаго поясненія, мы укажемъ здѣсь еще на твореніе, мало извѣстное Русскимъ читателямъ Въ бумагахъ Шиллера, послѣ смерти его, найденъ былъ полный планъ Трагедіи: *Димитрій Самозванецъ*, и нѣсколько сценъ, уже написанныхъ. Намъ кажется, весьма любопытно слить здѣсь, какую идею и какъ образовалъ изъ Исторіи Бориса и Самозванца Шиллеръ, безъ сомнѣнія, самый Драматический геній новой Поэзіи. Завязку его Драмы составляетъ *Самозванецъ* собственно. Шиллеръ преображаетъ многое по своему; но—повѣрять ли? Въ его Драмѣ найдемъ мы болѣе даже Исторической правды, нежели въ Драмѣ Пушкина. Отчего? Поэтъ угадалъ основную идею событий; подробности его поэтически полны, стройны, разительны, великолѣпны и частная невѣрности исчезаютъ для насть въ истинѣ Поэзіи. Конечно, не должно искать мѣстности, національности въ Шиллеровомъ сочиненіи; но судите объ немъ, какъ о поэтическомъ созданіи, и оно невольно изумить васъ. Вотъ очеркъ его сочиненій: *Дѣйствіе I*: Сеймъ въ Краковѣ. Самозванецъ проситъ защиты Короля и Рѣчи Посполитой, какъ сынъ Ioanna, у котораго отнялъ престолъ хищникъ, покушавшійся на самую жизнь его въ младенчествѣ; но Прovidѣніе спасло Димитрія, и онъ вѣритъ, что Ioannъ былъ отецъ его. Смятеніе Сейма; раздоръ партій. Sapѣга, другъ Бориса, разрушаетъ сеймъ своимъ veto. Но король позволяетъ принять участіе въ предпріятіи Димитрія Мнишку и другимъ. Честолюбивая Марина составляетъ душу сообщниковъ Димитрія. Она жаждетъ престола, какъ другіе жаждутъ славы, корысти, приключений.

Дѣйствіе II: Отдаленный монастырь, гдѣ скрывается отъ свѣта монахиня Мароа, бывшая супруга Грознаго, мать истиннаго Димитрія. Бѣдный рыбакъ приносить въ обитель вѣсти о появлѣніи Димитрія въ Польшѣ. Изумленіе, радость, ужасъ Марои: она готова сомнѣваться въ смерти

своего сына; она готова назвать сыномъ чужаго человѣка, если видитъ въ немъ мстителя своему злодѣю. Является Архіерей, присланный отъ Бориса, чтобы потребовать отъ нея обличенія Самозванца; Марѣа отказывается, и изъ глухи обители поражаетъ ужасомъ гордаго Царя на престолѣ.—Сцена перехода Самозванца черезъ границу Россіи: передъ нимъ разстилаются раздольныя Русскія страны; радость войска, грусть Димитрія, при мысли, что война опустошитъ сіи прекрасныя области. Возмущеніе въ деревнѣ, гдѣ жители пристаютъ къ Димитрю.

Къ сожалѣнію, здѣсь оканчиваются неполныя спены II-го дѣйствія. Остальное Шиллеръ успѣлъ только изложить краткими замѣтками. Вотъ какъ хотѣлъ онъ продолжать и окончить свою драму.

Станъ Димитрія. Онъ разбитъ; но Борисъ не смѣеть двинуться на него послѣ побѣды, видя дурное расположение войскъ своихъ. Димитрій готовъ предаться отчаянію. Казаки его бунтуютъ. Станъ Бориса. Удаленіе Бориса въ Москву (куда бросился онъ искать подкрѣпленія войску и утешать измѣну) производить безпорядки въ его лагерь. Салтыковъ измѣняетъ.—Борисъ деспотствуетъ въ Москвѣ. Не смотря на вѣрность многихъ Бояръ, онъ страшится общаго бунта. Сцена между имъ и Архієремъ (какая? неизвѣстно). Отвсюду приходятъ пагубныя вѣсти; Бояре бѣгутъ къ Димитрю, города сдаются, народъ бунтуетъ, войско почти все переходитъ къ Самозванцу. Сцена между Борисомъ и Ксеніею. „Какъ отецъ (выписываемъ здѣсь вполнѣ собственные слова Шиллера), Борисъ долженъ возбуждать состраданіе; въ разговорѣ съ дочерью онъ открываетъ ей всю свою душу. Онъ восшелъ на престолъ преступными средствами, но бывши Царемъ, онъ исполнялъ свои великия обязанности: онъ отецъ своего народа, и думаетъ только о благѣ его. Если недовѣрчивъ, строгъ, даже свирѣпъ, то это только для личной своей безопасности. Своимъ умомъ онъ столько же превышаетъ все его окружающее, сколько и своимъ саномъ. Продолжительное наслажденіе величиемъ, привычка повельевать, самовластіе его правленія—такъ увеличили его честолюбіе,

что безъ трона онъ не дорожитъ жизню, не можетъ существовать. Онъ не обольщаетъ себя слѣдствіемъ настоящихъ событій, но хочетъ остатъся Царемъ до послѣдней минуты, и не унижается, ибо онъ рѣшился умереть. Онъ суетѣрно вѣритъ предчувствіямъ, и что прежде показалось бы ему незначительнымъ и неважкимъ, какое-нибудь частное событіе почтеть онъ голосомъ Судьбы, и оно рѣшилъ жребій его. За нѣсколько времени передъ смертью, характеръ его перемѣняется. Спокойно слушаетъ онъ самая несчастныя вѣсти, стыдится гнѣва, какой оказывалъ прежде, распрашиваетъ у мѣстниковъ всѣ подробности, и награждаетъ ихъ. Когда видитъ онъ событіе, по мнѣнию его, предвѣщающее ему окончательное рѣшеніе судьбы его, онъ удаляется молча, хладнокровно, рѣшительно. На минуту является онъ еще въ платьѣ монаха; отправляетъ дочь свою въ монастырь, думая, что сыну его, невинному дитяти, нечего опасаться. Онъ принимаетъ ядъ, и скрывается въ свои уединенные чертоги умереть тихо и одиноко". Эти слова Шиллера не показываютъ ли, какъ глубоко, какъ поэтически понималъ и хотѣлъ онъ изобразить Бориса, не смотря на свои ошибки Историческія. Если бы Шиллеръ зналъ еще поэзію истинныхъ событій, какую прелесть и силу получила бы его Драма!

Романовъ является съ войскомъ. Онъ любитъ Ксению, и хочетъ остатъся вѣрнымъ потомству Бориса. Онъ спѣшитъ къ войскамъ, собраннымъ противъ Димитрія. Бояре и народъ бунтуютъ въ Москвѣ; Ксения и Феодоръ въ оковахъ; послы отправлены къ Димитрію. Измѣны и притворное великолѣпіе довершаютъ торжество Димитрія. Онъ посылаетъ за иночина Марею: тутъ является неизвѣстный человѣкъ—убийца истиннаго Царевича, и открываетъ ему, что онъ Самозванецъ. Ужасъ, изумленіе, отчаяніе Димитрія. Въ бѣшенствѣ, онъ убиваетъ страшнаго своего обличителя. Борьба его съ самимъ собою; рѣшеніе—продолжать прежнюю роль; но спокойствіе, счастіе его исчезли: не стало прежняго Димитрія, самоувѣреннаго, сильнаго, пламеннаго. Свиданіе съ Марею: съ ужасомъ видитъ она въ немъ — отвратительнаго Самозванца! Молчаніе и при-

творство; мрачное, зловѣщее что-то въ самыхъ торжествахъ, какими знаменуется вступленіе Димитрія въ Москву.

Романовъ въ темницѣ. Ксения успѣваетъ скрыться у Марѣи; Димитрій видить ее и влюбляется въ нее. Онъ уже Царь; но его помощники чужеземцы; совѣсть терзаетъ его; буйство поляковъ оскорбляетъ народъ; нарушение Димитріемъ обычаевъ производить ненависть. Димитрій хотѣлъ бы отказаться отъ Марины, но это невозможно—Димитрій видитъ бездну, на которой стоитъ тронъ его. Марина въ Москвѣ. Притворство и коварство взаимное. Ксения отравлена ядомъ по повелѣнію Марины. Печаль, отчаяніе Димитрія; но великолѣпная свадьба уже готова. Едва отступивъ отъ брачнаго алтаря, Марина унижаетъ Димитрія своимъ презрѣніемъ, объявляя ему, что ей давно извѣстно было самозванство, и что не самъ онъ, не любовь его, но только престолъ Московскій обольщали ее. Шуйскій предводительствуетъ между тѣмъ заговоромъ; бунтъ въ Москвѣ; смерть Димитрія (мы не упоминаемъ здѣсь объ эпизодѣ Романова, и Лодоиски и Казиміра, вставочныхъ лицъ).

Разсматривая этотъ планъ Шиллера, неконченный, необработанный, едва наброшенный, согласимся, что, какъ Поэтъ Драматическій, Шиллеръ хотѣлъ создать нѣчто великое, превосходное; что онъ глубоко проникалъ въ возможность страстей; что онъ успѣлъ дать дѣятельную жизнь своему созданію. Его Димитрій Самозванецъ сталъ бы выше Бориса Годунова, созданнаго нашимъ Поэтомъ...

Но оставимъ всѣ сравненія и обратимся къ рѣшительному выводу о сочиненіи Пушкина. Мы сказали, что *Бориса Годунова* должно почесть окончательнымъ твореніемъ Пушкина, до нынѣшняго времени; что въ немъ соединены всѣ его достоинства, всѣ недостатки, весь Пушкинъ, и вся его Поэзія, каковы онъ и она были донынѣ, и являются въ нынѣшнемъ своемъ состояніи. Когда вышелъ *Борисъ Годуновъ*, мы замѣтили, что онъ есть новый шагъ нашего Поэта впередъ; что Пушкинъ, рассматриваемый какъ русскій литеатрѣфъ, является въ немъ съ новымъ

блескомъ; но какъ Европейский писатель, какъ современный Драматистъ XIX вѣка, онъ далеко не достигаетъ совершенства, коего могъ достигнуть. Мы разсмотрѣли теперь подробно Бориса Годунова и указали на нѣкоторыя основанія и образцы Романтической Драмы — остается повѣрить справедливость прежнихъ нашихъ выводовъ симъ разсмотрѣніемъ и указаніемъ *).

Изъ „Московскаго Телеграфа“.

* Продолженія этой статьи въ слѣдующихъ книжкахъ „Московскаго Телеграфа“ не оказалось.

Сюда не вошли двѣ маленькия рецензіи 1833 года, появившіяся въ *Литературныхъ прибавленіяхъ* къ „Русскому Инвалиду“, № 34, стр. 270—271 (о „Евгениѣ Онѣгинѣ“); тамъ же, № 69. стр. 546—547 („Домикъ въ Коломнѣ“).

Что касается литературы 1833 года, имѣющей отношеніе вообще къ біографіи Пушкина, то см. „Стихотворенія Н. Языкова“, стр. 11—22 („Тригорское“. Посвящено П. А. Осиповой); тамъ же, стр. 115—116 („Къ нянѣ А. С. П—а“); тамъ же, стр. 204—207 („На смерть няни А. С. П—а“).

Примѣч. В. Зелинского.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

именъ и предметовъ, относящихся къ литературѣ.

- „Абидосская Невѣста“, Байрона. 206.
Аксаковъ, С. 42.
„A mademoiselle ***, просившей ме-
ня прислать ей романъ А. С.
Пушкина: „Евгений Онѣгинъ“,
стихотвореніе Б. Р. 42.
„Амуръ и Гименей“. 209.
„Ангель“. 210.
„Андрей Шенье“. 183, 187, 210,
212.
„Анчаръ“. 184, 190, 209.
Апулій. 29.
Аретинъ. 29.
Аристотель. 135.
Аристофанъ. 29.
Ариостъ. 25, 29, 204.
„А. С. Пушкину“, посланіе П.
Катенина. 171.
„А. С. Пушкин при прочтении его
сказки о царѣ Салтанѣ“, Н. Гнѣ-
дича. 171.
Астѣ. 197.
Байронъ. 2, 4, 9, 14, 16, 24,
26, 29, 31, 32, 83, 106, 107,
155, 161, 176—179, 181—
183, 185, 199, 201, 205, 206,
209,—211, 215.
Баратынскій. 87, 207, 209.
„Барышня-Крестьянка“. 136, 139.
Батюшковъ. 50, 155, 175.
Баурь-Лормантъ. 195.
„Бахчисарайскій Фонтанъ“. 10.
26, 41, 107, 109, 206—208,
Бенда. 197.
Бенъ-Джонсонъ. 135.
„Беппо“, Байрона. 206.
Берне. 29, 199.
Боде. 197.
Бомонъ, Франсисъ. 135.
„Борисъ Годуновъ“. 28, 42—136,
139, 148, 150, 163—170, 193—
242.
Борисъ. 199.
„Бородинская Годовщина“. 153,
162.
„Братья-Разбойники“. 104, 209.
„Бѣсы“. 183, 187, 209.
Булгаринъ. 174—185, 191.
Бюргеръ. 197.
„Вакхическая Пѣсня“. 183, 187,
209.
„Валленродъ“, Мицкевича. 201.
„Валленштейнъ“, Шиллера. 198,
217.
Вандикъ. 109.
Веневитиновъ. 207.
Вернеръ. 197, 216, 218.
„Вертеръ“, Гёте. 198.
Виландъ. 29.
„Вильгельмъ Мейстеръ“, Гёте. 198.
„Вильгельмъ Телль“, Шиллера.
198, 218.
Вильсонъ. 209.

- де-Виньи, А. 138, 200, 219, 230.
 Вите. 107.
 Водсвортъ. 199.
 „Возрождение“. 209.
 „Война“. 183, 188, 209.
 Вольтеръ. 29, 47, 108, 198.
 „Воспоминание“. 183, 188, 209.
 „Выстрѣль“. 136, 139.
 „Вѣстникъ Европы“. 13, 19, 21,
 22, 27, 28.
 Вяземскій, П. А. кн. 41, 207.
 „Галатея“. 7—13, 42.
 „Гамлетъ“, Шекспира. 237.
 „Ганимѣдъ“, В. Теплякова. 157.
 Гегель. 199.
 Георенъ. 197.
 Гейне. 197.
 „Генрихъ IV“, Шекспира. 220.
 Гердеръ. 101, 107, 196,—198.
 „Германъ и Доротея“, Гете. 198.
 Гёте. 106, 107, 155, 162, 163,
 177—179, 197—199, 206, 212,
 216—219.
 „Гирлянда“. 130, 136.
 Глинка, С. (Мечтатель). 46—48.
 Глинка, Ф. Н. 207.
 „Глобусъ Французскаго Обозрѣ-
 нія“. 200.
 Гнѣдичъ, Н. 171.
 Гогартъ. 38.
 Гомеръ. 15, 107, 201, 206.
 Гораций 188.
 „Горе отъ Ума“, Грибоѣдова. 18.
 „Городъ пышный“. 183, 188.
 Гофманъ. 197, 199.
 „Графъ Нулинъ“. 104. 209.
 Грѣзъ. 183.
 „Гречанкѣ“. 209.
 Грильпарцеръ. 199, 217.
 „Гробовщикъ“. 136, 139.
 „Гробъ Анакреона“. 209.
 „Гробъ Юноши“. 209.
 Гумбольдтъ. 197.
 Гуфеландъ. 197.
 Гюго, В. 106, 199,—202, 219.
- „Глауръ“, Байрона. 201, 206.
 „Дамскій Журналъ“. 26, 42,
 44—48, 185—193.
 Данть. 29, 106, 202, 206, 215.
 „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, Жу-
 ковскаго. 205.
 „19-го Октября“. 209.
 Делавинъ, Казимиръ. 33, 34.
 „Делибашъ“. 209.
 Делиль. 195.
 Дельвигъ. 207.
 „Демонъ“. 182, 183, 188, 209.
 Державинъ. 36, 155, 175, 176,
 186, 190, 195, 202—204, 207,
 215.
 „Димитрій Самозванецъ“, Шилле-
 ра. 238.
 „Димитрій Самозванецъ“. 28, 36.
 Дмитріевъ, М. А. 195.
 Домбалъ. 85.
 „Домикъ въ Коломнѣ“. 242.
 „Домовому“. 188, 209.
 „Донъ-Жуантъ“, Байрона. 139, 201,
 206.
 „Донъ-Карлосъ“ Шиллера. 217.
 „Дорожная Жалоба“. 209.
 „Дочери Кара-Георгія“. 209.
 Дракъ. 135.
 „Древо Яда“. 184, 190.
 „Друзьямъ“. 209.
 „Евгений Вельскій“. 3, 13, 22, 24.
 „Евгений Онѣгінъ“. 1—42, 106,
 107, 109, 119, 139—150, 161,
 170—174, 193, 206, 208, 242.
 „Европеецъ“. 164—170, 226.
 „Еще о Борисѣ Годуновѣ, сти-
 хотворенія А. С. Пушкина“,
 И. Ср. Камашева. 104—120.
 Жанъ-Поль. 197.
 „Желаніе Славы“. 183, 188.
 „Женихъ“. 214.
 Жуковскій. 32, 49, 50, 83, 155,
 175, 193, 195, 202—207.
 „Загадка“. 209.

- „Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина: *Борис „Годуновъ“*, В. Плаксина. 48—83.
- „Землемѣръ ческій Журналъ“. 85.
- „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина. 28.
- „Иліада“. 135, 182, 201.
- „Илья Муромецъ“, Карамзина. 205.
- Ирвингъ, В. 138, 139.
- „Исторія Государства Россійскаго“, Карамзина. 22, 103, 222, 225.
- „Кавказскій Плѣнникъ“. 106, 107, 109, 206—208.
- „Кавказъ“, Пушкина. 158, 209.
- „Кавказъ“, В. Теплякова. 158.
- „Казбекъ“. 151.
- Кальдеронъ. 198, 216.
- Камашевъ, И. Ср. 104—120.
- Камдепъ. 135.
- Кантемиръ. 155.
- Кантъ. 196.
- Карамзинъ. 43, 45, 49, 94, 96, 106, 107, 112, 132, 162, 195, 203, 205, 222, 223, 225, 226.
- Катенинъ, П. 171.
- Кернеръ. 197.
- „Киргизъ-Кайсакъ“. 48.
- Кирѣевскій, И. В. 107.
- „Клеветникамъ Россіи“. 153.
- Клонштокъ. 26.
- „Коварство и Любовь“, Шиллера. 96, 198.
- Козловъ. 207.
- Колериджъ. 199
- „Колокольчикъ“. 105, 139.
- „Король Ричардъ II“, Шекспира. 234, 237.
- „Корсаръ“, Байрона. 201.
- Краббъ. 199
- Крейцеръ. 196.
- „Кромвель.“ 107.
- Крыловъ. 25, 50, 175—177, 186, 190.
- „Къ Вафну“. 188.
- „Къ Козлову“. 183, 188.
- „Къ Морю“. 183, 188, 209.
- „Къ нянѣ А. С. П-а“, стих. Языкова. 242.
- „Къ Овидію“. 183, 188, 209.
- „Къ Прелестницѣ“. 183, 188.
- „Къ Цыганамъ“. 152.
- „Къ Ч-ву“. 183, 188, 209.
- Лабрюерь. 3.
- Лагарпъ. 85, 167, 213.
- „Лара“, Байрона. 201.
- Лафонтенъ. 177.
- Лашоссе. 45.
- Левшинъ. 15.
- „Ленора“, Жуковскаго. 205.
- „Лингардъ“. 234.
- „Листокъ“. 131—133
- „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“. 139, 170, 242.
- „Литературная Газета“. 5, 6, 41, 42, 139.
- Локкъ. 196.
- Ломоносовъ. 49, 155, 195, 203.
- Лонгинъ. 46.
- „Лѣтописи отечественной литературы“. 145—161.
- „Лютерь“. Вернера. 218.
- „Макбетъ“, Шекспира. 168, 198.
- Маллеть. 219.
- Малонъ. 135.
- „Манфредъ“, Байрона. 169, 201, 206.
- Манциони. 200.
- „Мареа Посадница“, Карамзина. 205.
- „Марьина Роща“, Жуковскаго. 205.
- Массингеръ. 135.
- Менцель. 162.
- „Мессенія“, Казимира Делавиня. 33.
- „Мессинская Невѣста“, Шиллера. 169, 198, 216, 231.
- „Мессіада“, Клопштока. 26.

- „Метель“. 136, 139.
 Мечтатель (С. Глинка). 46 — 48.
 „Мечтателю“. 209.
 Микель-Анджело. 44, 212.
 Миллеръ. 197.
 Мильвуа. 195.
 Мильтонъ. 202.
 Мицкевичъ. 201.
 Монгомерри. 199.
 Монтескье. 46
 „Московский Вѣстникъ“. 10, 42.
 „Московский Телеграфъ“. 1—5, 13,
 20, 21, 23, 25, 26, 28, 30, 40,
 42, 43, 88, 89, 108, 131, 132,
 137—139, 141 — 145, 171 —
 174, 190, 193—242.
 Моцартъ. 178, 199.
 „Моцартъ и Сальери“. 153, 162,
 163, 170, 184, 190, 210, 213.
 „Мугамедъ“, Вольтера. 198.
 „Муза“. 209.
 Муравьевъ-Апостоль, И. М. 41.
 Муравьевъ 207.
 Муръ. 199.
 Мюлльнеръ. 169, 197, 216, 217,
 231.
 Надеждинъ, Н. 19—41, 83—104.
 Надоумко. 132.
 Наполеонъ. 4, 17, 28, 33, 178, 210,
 211.
 „Наполеонъ“. 150, 183, 188, 209.
 „На прыщикъ Дели“. 35.
 Нарѣжный. 205.
 „На смерть няни А. С. Пушкина“,
 стих. Языкова. 242.
 „Наталья, Боярская Дочь“, Карам-
 зина. 205.
 „Наташа“. 164.
 „Некрологъ“, В. Л. Пушкина. 42.
 „Нельинские Вечера“. 107.
 „Неренда“. 209.
 Нибуръ. 41, 196.
 „Нѣчто о собраниі наасѣкомыхъ“.
 42.
 Озеровъ. 155, 165, 207.
- Ольберстъ. 197.
 „Ореанская Дѣва“, Шиллера. 198,
 216.
 Орловъ. 132.
 „Осада Коринѳа“, Байрона 201,
 206.
 „Осипова“, П. А. 242.
 Оссіанъ. 178, 201, 206.
 „Отвѣтъ Анониму“. 209.
 „Отрывокъ изъ Вильсоновой Тра-
 гедіи.“ 209.
 „Отрывокъ изъ Faуста“. 210, 212,
 213.
 „Очищеніе“, Мюлльнера. 231.
 Паганини. 207.
 „Парга“, Байрона. 206.
 „Парнасскій Мотылекъ“. 84.
 Паскаль. 48.
 Пильпай. 177.
 Пирронъ. 29.
 „Пиръ во время чумы“. 153, 162.
 „Письма о русской литературѣ“,
 Булгарина. 174, 185.
 „Письмо къ издателю „Московска-
 го Вѣстника“, статья С. Аксак-
 ова. 42.
 Плаксинъ, В. 48—83, 105.
 Плюшарь. 136.
 „Повѣсти Бѣлкина“. 136 — 139,
 170, 216.
 „Погасло дневное свѣтило“. 183,
 188.
 Подолинскій. 207.
 „Подражанія Корану“. 209.
 „Поденѣжникъ“. 42.
 „Полтава“. 7, 13, 42, 106, 107,
 109, 139, 208, 214.
 „Посланіе къ Вельможѣ“. 162,
 189, 209.
 „Посланіе къ князю Юсупову“.
 184, 189.
 „Посланіе къ Лицинію“. 183, 188.
 „Поэты“. 210.
 Прево. 203.
 „Предчувствіе“. 209.

- „Прозерпина“. 209.
 „Прометей“, Эсхила. 170.
 „Птичка“. 183, 188.
 „Пустынникъ и Медвѣдь“, Крылова. 25.
 „Путешествіе по Тавридѣ“, И. М. Муравьевъ-Апостола. 41.
 Пушкинъ, В. Л. 42.
 „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“. 183, 187.
 „Пѣснь о полку Игоревомъ“. 186, 187, 189, 190, 192.
 „Радуга“. 24.
 „Разбойники“, Шиллера. 198.
 „Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ“. 120—136.
 Расинъ. 165.
 „Растерзанное Сердце“, В. Ирвинга. 139.
 Робеспьеръ. 210.
 Розенъ, баронъ. 162—164.
 „Ромео и Юлія“, Шекспира. 237.
 Россини. 178, 183.
 „Россіада“, Хераскова. 87.
 „Русалка“. 183, 187, 209.
 „Русскій Инвалидъ“. 42, 139, 140, 161, 162, 170.
 „Русланъ и Людмила“. 7, 13, 14, 19, 22, 23, 25, 29, 83, 87, 106, 107, 154, 161, 204—206, 208, 213.
 Саадій. 198.
 Савинъ. 196.
 „С.-Петербургскій Вѣстникъ“. 139.
 Свифтъ. 29.
 „Сказка о царѣ Салтанѣ“. 154, 161, 164, 171, 214.
 Скарронъ. 29.
 Скоттъ, В. 91, 107, 139, 199.
 „Славянскіе Вечера“, Нарѣжного. 205.
 Смирдинъ. 131, 136, 171.
 „Собрание Насѣкомыхъ“. 42, 209.
 Спорро-Стурлезонъ. 219.
 „Станціонный Смотритель“. 136, 139.
 Стеффенсъ. 197.
 Суворовъ. 188.
 Сумароковъ. 195, 203, 225.
 Сущей. 199.
 „Сѣверная Пчела“. 10, 13—19, 21, 23, 24, 26, 34, 36, 40, 48, 133—137, 140, 141, 147, 162, 170, 190.
 „Сѣверный Архивъ“. 174, 185, 186, 188, 190.
 „Сѣверный Меркурій“. 42, 105, 139.
 „Сѣверные Цвѣты“. 171, 184.
 Сюарь. 47.
 „Сынъ Отечества“. 48, 104, 105, 174, 185, 186, 188, 190.
 Тегнеръ. 200, 201.
 „Телескопъ“. 83, 108, 132, 145—161.
 Тепляковъ, В. 145, 155, 156, 159, 160.
 Теренцій. 135.
 Тидге. 197.
 Тикъ. 197.
 Тредьяковскій. 155, 195, 203.
 „Тригорское“, стих. Н. Языкова. 242.
 „Трилогія“, Вите. 107.
 „Трудъ“. 209.
 „Торжество Вакха“. 209.
 „Уединеніе“. 183, 188, 209.
 „Узникъ“. 209.
 „Уландъ“. 199.
 „Утопленникъ“. 214.
 Фауенгоферъ. 197.
 „Фаустъ“, Гете. 169, 198, 201, 216.
 „Федра“, Расина. 198.
 Фихте. 196.
 Флетчеръ, Джонъ. 135.
 Флоріантъ. 205.
 Фоссъ. 197.
 Фридрихъ Великій. 178.
 „Фрітгіофъ-Сага“, Тегнера. 201.
 „Христіанъ“, Байрона. 206.

- Хомяковъ. 207, 209.
 Цезарь. 146, 188.
 „Цыгане“. 104, 107, 206, 207, 208.
 Чальмерсъ. 135.
 Чапманъ. 135.
 „Чайльдъ - Гарольдъ“, Байрона. 201, 206.
 „Черная Шаль“. 27, 209.
 „Чернь“. 210.
 „Чудный Домъ“, В. Теплякова. 159.
Шаликовъ, К. 44, 46.
 Шекспиръ. 2, 29, 83, 91, 106, 107,
 113, 122, 131, 135, 155, 163,
 167—169, 178, 198, 206, 215—
 220, 234, 237, 238.
 Шеллингъ. 107, 196, 199
 Шиллеръ. 96, 131, 177—179
 195, 197—199, 206, 216
 219, 231, 238—241.
- „Шильонскій Узникъ“, Байрона. 206.
 Ширяевъ. 30.
 Шлегель. 107, 167, 168, 197—
 199.
 Шлейермахеръ. 197.
 Шнейдеръ. 109.
 Шопенгауэръ. 199.
 Шиоръ. 199.
 Штрекфусъ. 197.
 Штуцманъ. 197.
 Шубертъ. 197.
 „Эгмонтъ“, Гете. 217, 218.
 Эзопъ. 177.
 Эсхилъ. 170.
 „Эхо“. 139, 184, 190.
 Юмъ. 234

~~Языковъ. 207, 209, 242.~~

ГУБЕРНСКАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Инв.

Шифр

Г. ПЕТРОПАВЛОВСК.

СПИСОКЪ КНИГЪ, СОСТАВЛЕННЫХЪ И ИЗДАННЫХЪ

В. А. Зелинскимъ.

I. Пособія по изученію русскаго языка:

1. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ ореографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква ъ. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Примѣчаніе. Эта книга, выдержанная въ короткое время девять изданій, содержитъ въ себѣ всѣ случаи правописанія словъ. Она состоить изъ ореографическихъ правилъ, ореографическаго словаря и списка всѣхъ словъ съ буквою ъ. Изложеніе ея алфавитное,—почему она полезна даже незнакомымъ съ грамматикой. Справляться по ней очень просто. А именно: при помощи приложенного „Указателя“, открывается страница на буквѣ, которая служить предметомъ затрудненія въ какомъ-либо словѣ, и тутъ въ указанномъ § читается отвѣтъ. Легкость и быстрота справки упрощается еще темъ, что справляться можно и подъ буквами, которыя слѣдуетъ писать въ данномъ случаѣ, и подъ буквами, которыя только предполагаются въ томъ же случаѣ, а равно и подъ буквой, начинающей данное слово. Какъ, напр., написать: извозчикъ, извоcчикъ, извозщикъ или извоcщикъ? Справляйтесь подъ любой изъ сомнительныхъ буквъ: з, е, ч, щ, а также и въ ореографическомъ словарѣ подъ буквой и—вездѣ получится отвѣтъ. По отзывамъ преподавателей русскаго языка, эта книга весьма полезна учащимся при исполненіи ими письменныхъ работъ не только дома, но и въ классѣ, такъ какъ при небольшомъ навыкѣ, пріобрѣтающемся менѣе чѣмъ въ часъ, справка по ней дѣлается весьма быстро.

2. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ II. Указатель (систематический и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е. М. 1903 г. Ц. 50 к.

3. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 3-е. М. 1905 г. Ц. 50 к.

4. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ IV. Правописаніе, этимологическое происхожденіе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. М. 1898 г. Ц. 50 к.

5. Грамматический задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражнений по русскому языку. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 5-е. М. 1902 г. Ц. 25 к.

6. Вступительный курсъ зрительного диктанта. Книга для элементарныхъ орографическихъ упражнений (печатается).

7. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть первая. Изд. 14-е. М. 1906 г. Ц. 50 к.

Задачи и цѣли „Зрительного диктанта“. Удовлетворяя всѣмъ требованіямъ, какія обыкновенно предъявляются къ сборникамъ для систематическихъ диктовокъ со слуха, это руководство, сверхъ того, имѣть еще слѣдующія особенности: 1) оно представляетъ собою неразрывно-соединенную практику орографіи съ ея теоріей; 2) кроме послѣдовательнаго изученія орографій, тутъ еще попутно указываются въ каждомъ словѣ диктанта сомнительные случаи правописанія съ соотвѣтственными разъясненіями; 3) особыннымъ способомъ печати развиваетъ орографическую зоркость и укрѣпляетъ зрительные навыки правильнаго письма; 4) система руководства, будучи основана на новѣйшей методикѣ, предупреждаетъ ошибки, а не заставляетъ учениковъ прежде дѣлать ихъ, а потомъ уже исправлять; 5) даетъ значительную возможность изучать правописаніе самодѣятельно, безъ помощи учителя; 6) по этой книжѣ каждый безъ посторонней помощи можетъ провѣрить себя, насколько онт грамотно или неграмотно пишетъ; 7) имѣя въ рукахъ это руководство, каждый отецъ, мать, репетиторъ, гувернантка и т. и., не будучи особынными знатоками какъ самой орографіи, такъ и методики ея преподаванія,—съ успѣхомъ могутъ руководить и контролировать дѣтей въ занятіяхъ по орографіи; 8) почему-либо отставшіе въ школѣ отъ товарищѣй и вообще неуспѣвающіе въ орографіи ученики, съ помощью этого руководства, посредствомъ самодѣятельности, легко и скоро приобрѣтаютъ орографическія знанія и прочный навыкъ правильно писать; 9) эта книга весьма пригодна для людей, самостоятельно готовящихся къ какимъ-либо экзаменамъ, а еще болѣе — для самоучекъ; 10) въ школахъ, где учителю приходится заниматься одновременно съ двумя—тремя группами, по этой книжѣ весьма удобно назначать той или другой группѣ самостоятельныя классныя занятія по русскому языку; 11) при веденіи обученія орографіи по этому руководству, провѣрка ученическихъ тетрадокъ идетъ во много разъ легче и скорѣе, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ диктовки; 12) эта книга совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три способа обучения правописанію, а именно: списываніе съ книги, диктовку и писаніе заученного наизусть.

8. Зрительный диктантъ. Часть вторая. Знаки препинанія. Издание 8-е. М. 1905 г. Ц. 40 к.

9. Справочный словарь буквы Ъ. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ Ъ. Изд. 4-е. М. 1902 г. Ц. 25 к.

10. Таблицы для письменнаго грамматического разбора № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголь. Цѣна каждой таблицы—2 к. (Распроданы).

11. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію“. Ц. 25 к.

12. Объяснительный словарь болѣе употребительныхъ въ русской литературѣ и рѣчи иностранныхъ словъ. Составленъ примѣрительно къ правописанію. М. 1901 г. Ц. 50 к. (Содержаніе этой книги то же, что и 4-го выпуска „Справочника по русскому правописанію“).

13. Краткій алфавитный справочникъ по русскому правописанію.
Опытъ группировки ореографическихъ правилъ въ порядкѣ рус-
ского алфавита. М. 1901 г. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

14. а) Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методи-
ческихъ разъясненій, указаний, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ
по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изд.
4-е. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

15. б) Методическая указанія и примѣрные уроки по объяснитель-
ному чтенію, разработанные извѣстными русскими педагогами. Изд.
5-е. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

16. в) Методическая указанія и образцовые уроки по преподаванію
русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій
и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными
русскими педагогами. Изд. 4-е. М. 1904 г. Ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія всѣ три преды-
дущія книги допущены въ учительскія библиотеки низшихъ заведеній.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній
И. С. Тургенева. Два выпуска. Ц. 6 р. 1-й выпускъ, 5-е изд.,—
2 р., а второй, состоящій изъ 2-хъ частей, 4-е изд.,—4 р.

18. Критический комментарій къ сочиненіямъ **Ф. М. Достоевскаго.**
Сборникъ критическихъ статей. Четыре части. Первая три части
изд. 4-е, а четвертая часть изд. 3-е. Цѣна каждой части 2 р.

19. Сборникъ критическихъ статей о **Н. А. Некрасовѣ.** Три части.
Первая часть—изд. 3-е, а 2-я и 3-я—изд. 2-е. Ц. по 1 р. за часть.

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ **А. С. Пушкина.** Хронологіческий сборникъ критико-библіографическихъ статей.
Семь частей. Ц. по 1 р. за часть (1-я, 2-я и 3-я части вышли 3-мъ
изд., а всѣ прочія части 2-мъ изданіемъ).

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ **Л. Н. Тол-
стого.** Хронологіческий сборникъ критико-библіографическихъ ста-
тей. Восемь частей. Ц. 8 р. (1-я, 2-я и 3-я части вышли 3-мъ
изданіемъ, а 4-я, 5-я, 6-я и 7-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

- 22. Русская критическая литература о произведениях Н. В. Гоголя.** Хронологический сборник критико-библиографических статей. Три части. Цѣна по 1 р. за часть. (1 я и 2-я часть вышли 3-мъ изданіемъ, а 3-я часть—2 мъ изданіемъ).
- 23. Критические разборы романа Тургенева: „Отцы и Дѣти“.** Ц. 40 к.
- 24. Критические разборы романа Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“.** Ц. 3 р.
- 25. Критические комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островского.** Хронологический сборник критико-библиографических статей. Пять частей. 1-я часть изданіе 3-е, а остальные части—2-е. Ц. по 1 р. за часть.
- 26. Критические разборы „Дворянского Гнѣзда“ и „Наканунѣ“—Тургенева.** Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собрания критическихъ материаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. М. 1903 г. Ц. 80 к.
- 27. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова.** 2 части. Изд. 2-е. Каждая часть по 1 р.
- 28. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинского.** Отдѣльный оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведенияхъ А. С. Пушкина“. Ц. 2 р.
- 29. Критические разборы „Записокъ Охотника“—Тургенева** Ц. 40 к.
- 30. Критические разборы романа „Новь“—Тургенева.** Ц. 70 к.
- 31. Критические разборы новѣсти „Рудинъ“—Тургенева.** Ц. 40 к.
- 32. Критические разборы романа Тургенева „Дымъ“.** Ц. 40 к.

**Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды,
д. Михайлова.**

Цѣны книгамъ показаны безъ пересылки. Пересылка по действительной почтовой стоимости. Небольшая суммы можно посыпать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

528
20679